

ЕВГЕНИЙ МЫШКИН

ВРАТА
ВАЙПТАУНА

18+

СОДЕРЖИТ
НЕВЕДОМЫЙ
УЖАС

В маленьком городе Вайптауне на границе штата начинают происходить странные вещи.

Загадочный безликий человек в сером говорит, что грядет буря...

С Риком Муром начинает говорить радио...

Скотт Ганн видит отвратительных существ...

Из города массово уходят кошки...

Врата открываются, и в город приходит нечто ужасное.

Посвящаю эту книгу моим родителям. Обещаю тебе, мама, когда-нибудь я напишу хорошую книгу, за которую мне не будет стыдно.

Ты можешь представить, как быть,
Таким безграничным и свободным?

Обреченно нуждаясь в руке
какого-нибудь незнакомца.

В стране отчаяния?..

The Doors.

Я знаю, почему твои молитвы навсегда останутся без ответа.

Господь ненавидит всех нас!

Slayer.

БЕЗЛИКИЙ.

29 июня 2019 года.

Вайнтаун, штат Нью-Мексико.

Всё началось с того, что Скотт Ганн не послушался свою матушку в той простой истине, которую она вбивала в него годами. Она делала, насколько могла, серьёзное лицо и говорила: Никогда, слышишь, никогда не заводи разговоров с незнакомцами в барах, Скотти! Он кивал, соглашался, и клятвенно обещал так и поступать. И, естественно, он нарушил своё обещание.

Он никак не мог разглядеть его лица. Оно словно плыло. Изменяло оттенок и мимикрировало. Незнакомец сел за стойку рядом с ним, и заказал себе выпивки. На нем были черные штаны, пыльные ботинки и широкая мантия, густой тенью скрывающая лицо.

Скотт застал себя за тем, что не просто тайком рассматривает незнакомца. Он чуть ли не откровенно вглядывается в его лицо, с хрустом почёсывая небритый подбородок. Он отвернулся. В телевизоре над стойкой какая-то команда играла против какой-то другой команды в футбол.

Пива уже не хотелось. Третье по счёту, оно просто не лезло в глотку. А когда заказывал — хотелось! Прямо, мочи нет. Ну, а когда после второго бокала он отлучился было в туалет, то понял, что ноги заплетаются. Что там побори такое Старый Чохас подливает в пойло, что от него так шпормит? И ещё этот странный хрен!

— Эй, парень! А ты что ли прячешься от кого? — Скотт надеялся, что этой фразой он сможет завязать ненавязчивую беседу. Незнакомец так и не повернул лица.

— Грядет буря. — Сухо сказал он.

— Чего ты там несешь? — Возмутился Скотт. — По хренову радио сказали, что песчаных бурь не будет ещё до дня труда!

— Не песчаная буря. — Уточнил незнакомец. — Другая.

— Какая ещё другая, амиго? У нас тут, знаешь ли, народ простой. И мы тут загадками не разговариваем. Если знаешь чего — выкладывай. — Скотт едва сдерживал себя, чтобы не вытрясти из этого напыщенного урода весь его гонор. И пару зубов в придачу.

— Смотри. — Он, не поворачивая головы, указал на телевизор.

Скотт мог поклясться, что ровно секунду назад транслировали игру.

А сейчас показывали новости. Что-то про экспедицию на северный полюс, про какие-то сенсационные находки.

Этот хренов говнюк решил затравить его байками про каких-то высоколобых, которые ковыряются в снегу.

— Эй, ты чего мне тут зубы заговариваешь? — Скотт спустя минуту повернулся, и увидел, что собеседник исчез. Бокал с текилой стоял нетронутым, а под ним лежал мятый доллар.

— Чохас! Эй, Чохас! Куда парень подевался, видел? — Скотт крикнул бармену, и по совместительству хозяину этой убогой забегаловки на самом краю штата. Чохас отрицательно затряс головой, отчего его вислые смоляные усы завиляли в стороны.

— Твою мать!

Скотт выскочил из бара, и горячий ветер под песню дверного колокольчика бросил ему пригоршню пыли в лицо. После приятной прохлады бара, на улице было, что в газовой печи.

Он увидел, что незнакомец удалился на добрую сотню футов.

— Стой! Эй, ты, стой! — Скотт, видя, что тот не останавливается, и даже не реагирует на голос, рванул за ним.

Незнакомец не сбавлял темп, и когда Скотт нагнал его, то он понял, что изрядно выдохся.

— Да стой ты! — Он схватил человека за плечо. Тот резким движением перехватил ладонь Скотта, вывернул её, и, развернувшись, ударил ладонью в солнечное сплетение. У Скотта перехватило дыхание. Он сделал несколько жадных глотков пыльного воздуха.

Незнакомец снова припустил в сторону пустыни. Скотт, превозмогая отдышку, боль в груди и заплетающиеся ноги, снова рванул за парнем.

— Эй, ты обиделся на меня? Это из-за того, что я помешал тебе спокойно выпить? — Закричал ему вдогонку Скотт. — Ну, постой! Давай вернемся, и я угощу тебя...

Скотт зацепился за что-то ногой, и упал в пыль, ко всему прочему, ободрав ладони.

— Вот дерьмо. — Выдохнул он.

Он всё-таки нагнал Незнакомца. В этот раз он не стал его хватать, а просто поравнялся с ним. Скотт изо всех сил старался одновременно поддерживать его темп ходьбы и при этом говорить.

— Постой, парень! Ну, постой же!

Незнакомец наконец-то остановился, и развернулся к нему. Лицо его по-прежнему было скрыто капюшоном. Скотт уперся руками в колени и тяжело дышал. Незнакомец молча поднял руку, и указал в направлении бара.

— Да, хрен там. Я на это не куплюсь. — Он услышал, как незнакомец засмеялся. — От кого ты бежишь?

— Я ухожу. Не от кого. Куда.

— И куда ты, мать твою, так рванул, а?

Тот молчал ещё несколько мгновений.

"А может, он хренов робот, и ему тяжело общаться?" — Подумал Скотт, прикинув скорость его передвижения и скупость в разговоре.

— Ты отчаянный, Скотт Ганн. — Наконец сказал тот. — Ты не испугался. Ты видишь.

— Откуда ты, нахрен, моё имя знаешь? — Скотт выпрямился, сдвинув брови.

— Врата открываются, Скотт. Будь готов. — Будто он и не слышал вопроса.

— Какие, к дьяволу, врата? Готовым к чему? Ты это про границу, что ли?

— Не мексиканская граница. Граница между обычным миром, и тем, где легко потерять рассудок. Береги себя. Надеюсь, мы ещё встретимся, Скотт Ганн.

— А как мне найти тебя? — Спросил Скотт. — И как тебя вообще, зовут?

— Это не важно. — Ответил человек. — А теперь посмотри назад.

Скотт всё-таки посмотрел. Он краем глаза уловил движение незнакомца и тут же ощутил боль на ладони. Он так и не понял, как незнакомец проделал это. Тот вроде бы, дернулся к нему, взял за руку, а когда Скотт заголосил и схватился за руку, исчез. Он раскрыл ладонь. И мгновенно протрезвел. Там красовался ожог. А потом Скотт отключился.

Судя по всему, он пробыл в отключке совсем недолго. Час, или около того. Повсюду, насколько видел глаз, был песок. Хренов песок и кактусы на многие мили вокруг. Он оказался далеко в пустыне. Незнакомца, конечно же, не было.

Скотт выругался. Он не понимал, как оказался у границы. Не мог же этот тип тащить его на себе несколько миль...

Когда он пришел обратно в бар, там уже почти никого не осталось. Телевизор что-то бубнел, Старый Чохас протирает бокалы, а кто-то спал прямо на диване рядом с музыкальным аппаратом.

— Ты куда так надолго ушел? — Спросил Чохас.

— Воды. — Вместо ответа выдал Скотт и шумно выдохнул, усевшись на барный стул.

Чохас налил ему стакан воды, и сказал:

— Сейчас, погоди, я добавлю туда... — Скотт в момент опорожнил стакан и снова выдохнул. — ...льда. — Закончил мысль Чохас, понимая, что предложение уже не актуально.

Скотт глянул на свою ладонь. Она уже не болела, не беспокоила его. Краснота сошла, но шрам бугрился бордовым оттенком. Это был не просто ожог, а словно клеймо в форме...

— Грёбанный глаз. — Прошептал Скотт больше себе, чем кому-либо.

— Что ты сказал? — Спросил Чохас, подумав, что обращаются к нему.

— Ничего. Это я себе. Чохас?

— Да.

— Скажи, а ты тоже видел того парня? Ну, с капюшоном.

— Ну, да. — Равнодушно кивнул бармен. — Парень, как парень, ничего необычного.

"Ничего необычного, куда уж!"

— Чохас, а ты ведь из Яки? — Не унимался Скотт.

— Моя мать была Яки, да. А отец — латинос. — Ответил бармен.

— А ты веришь в эту вашу потустороннюю галиматью? Ну, что однажды придёт Большой Бизон и затопит весь мир к хренам огромной лужей мочи? — Чохас хмыкнул в свои густые усы.

— Нет. — Ответил он. — Но я верю в свой дробовик, тридцать второго калибра, который лежит у меня под прилавком.

— Вот и я не верю. — Тихо сказал Скотт, разглядывая шрам на ладони. Глаз словно разглядывал его в ответ.

— Скотт, тебе уже пора. Я скоро буду закрываться. — Сказал Чохас, снимая барный фартук.

Скотт, нехотя оторвался от созерцания своей изувеченной ладони и встал. Чохас вышел из-за стойки и принялся тормозить уснувшего старика. Тот что-то бурчал, и наотрез отказывался вставать. То ли ему негде было ночевать, то ли ноги и вправду его не слушались. Скотт решил помочь Чохасу. В конце концов, старика общими усилиями вывели на улицу.

Скотт стоял на крыльце, курил и смотрел вдаль. Было в этом ночном пустынном пейзаже что-то, что заставляло его почувствовать холод в животе. Предчувствие. Но, чего? Как будто бы беды. Скотт до конца сам не понимал, в чём дело.

— Ты чего там такое увидел? — Скотт не заметил, как Старый Чохас внезапно оказался рядом с ним. Тот достал свою трубку, поковырял чашу желтым ногтём и принялся набивать её самосадом. — Срашиваю: Увидел там чего? — Он подумал, что Скотт не услышал вопрос в первый раз.

— Грядет буря. — Сказал Скотт отстраненным сухим голосом.

ГОЛОСА.

30 июня 2019 года.

Вайптаун, штат Нью-Мексико.

Рик Мур, который считал, что в этой жизни его уже вряд-ли что-то удивит, оказался не готов к тому, что однажды с ним заговорит радио.

Ещё до этого значимого монета, день его начался вполне обыденно для последних

нескольких недель. Единственным экстраординарным событием было то, что по пробуждении, он обнаружил в своей кровати бутылку "Красного Койота". Отвратительный дешёвый бурбон манил его этикеткой и доступностью. Бутылку он реквизировал у Мэй. Та спрятала бурбон под свою подушку в спальне, в надежде, что муж не обнаружит её. И когда Рик, конечно же, нашёл её, то с этикетки ему ехидно улыбнулся шакал. Или гиена. Или просто облезлая собака. В общем, это был кто угодно, только не койот.

Мэй всегда так делала. Она клялась, что сегодняшняя попойка — последняя. Клялась, что больше она в жизни не притронется к бутылке. И всё равно каждый день она пила. Когда Рик удавалось запереть её дома, лишив этиловой дозы, она упивалась листерином. Остатки здравого смысла в её голове заставляли воздерживаться от ароматно пахнущего стеклоочистителя...

Вот и сегодня. Та же история. Она пришла в два пополудни и прилегла "отдохнуть". Глупо хихикая, и бормоча что-то, она насколько смогла, сняла платье, и лифчик. Затем опрокинула стул, и завалилась на кровать сама.

От грохота, Рик дернулся. Он, ворча, поднялся и сквозь дремоту учуял запах перегара. Помяная её матушку, и отца непристойными словами, он вышел прочь из спальни.

Жэсс, сидя в гостиной, одолела пульт от телевизора, и смотрела мультики.

— Не смотри эту дрянь, малышка. — Рик шумно уселся рядом с девочкой.

— Доброе утро, пап. — Сказала она, не поворачивая головы. Погоня койота за пустынной кукушкой в телевизоре поглотила её внимание целиком.

"Папа". Это обращение до сих пор пугало Рика. Он не был биологическим отцом девочки, но полюбил её с тех пор, как впервые взял её на руки. Мэй не знала, кто был настоящим отцом девочки. Или просто не хотела говорить об этом. В любом случае, она заботилась о ней ровно до того момента, пока в её жизни не появился высокий и надёжный Рик Мур, на которого она с облегчением "повесила" девочку, а сама основательно взялась за пойло. Рик ненавидел её за это, и все те полтора года, пока Мэй изучала дно бутылки, превратились для него в бесконечный непрекращающийся квест под названием: "найди мою записку". Он находил её. В шкафу, за книгами на полке, в корзине с грязным бельём, в унитазах бачке, однажды даже зарытую под цветами в палисаднике. Мэй, видимо, под покровом ночи вырыла яму в палисаднике, и прикопала бутылку, завернув её в полиэтиленовый пакет.

В последние три месяца Мэй не просыхала ни дня.

— Ты уже завтракала, Жэсс? — Рик посмотрел на часы, и понял, что пора бы уже и пообедать. Сам он ел в семь утра, как раз после окончания ночной смены. Девочка лишь отрицательно замотала головой. — Ты будешь тосты, Жэсс?

— Да, пап. И сок. — Она посмотрела на него, улыбаясь. Глаза и улыбка Мэй. Когда та ещё улыбалась, делая это от чистого сердца.

— Хорошо, девочка моя. — Рик потрепал её густые соломенные волосы, и отправился на кухню.

Кофе и бекон себе; тосты с маслом и сок для Жэсс. Рик даже не сообразил, в какой момент понял, что нет кота. Тот имел паскуднейшую привычку ошиваться на кухне каждый раз, когда там появлялся кто-то из "двуногих". Стоило только загреметь тарелкой или звякнуть тостером, слышался топот кошачьих лап. И через секунду Марси уже верещал и путался под ногами. Сегодня его не было. Впрочем, чёрт с ним, с котом. В кои-то веки, можно было спокойно поесть.

Рик принес тарелки и поставил их на кофейный столик.

— Держи, Солнышко. Твой сок и тосты.

— Спасибо, пап. — Сказала девочка, и, не отрываясь от мультфильма, взяла стакан с грейпфрутовым соком обеими руками.

"Как она может это любить? Дети же должны любить сладкое?"

— Приятного, Жэсс. А где кот? Ты видела его сегодня? — Спросил у неё Рик.

— Да. — Сказала девочка. — Ма'аси сказал, что ему нужно идти. — Она не выговаривала букву "р", отчего уже год называла кота ровно так, без этой невыговариваемой буквы.

— Он прямо так и сказал? Выпусти меня маленькая девочка, мне нужно идти по моим кошачьим делам. — Рик произнес это комично низким голосом, надеясь, что Жэсс засмеется. Но, она отнюдь не засмеялась.

— Не так. Он сказал: Мне нужно идти. Врата откльваются.

— Что? — Рик замер, не донеся кусок ветчины до рта. — Врата открываются? Он прямо так и сказал?

Вместо ответа, Жэсс закивала.

— А как же ты его выпустила? — Рик подумал о том, что Жэсс, в свои четыре года ещё не дотягивается до ручки на входной двери.

— Он очень толопился. Я встала на стул и откльыла ему двели.

Куда этот ленивый котяра мог торопиться, Рик даже примерно не мог представить. Для его "гуляний" не сезон, да и весь прошлый месяц кот всячески скрывался от жары. А здесь, судя по рассказу девочки, кот сам рвался в это пекло. Может, он спит где-то, а девочка просто придумывает.

Мульттики закончились. Начался блок новостей. Жэсс, всё ещё не расправившись с завтраком, принялась переключать каналы, в надежде найти ещё что-то развлекательное. Рик, равнодушно подумал о том, что нужно отправляться в маркет. Воскресенье — день покупок. Он натянул джинсы, футболку, и уже на пороге, обуваясь, сказал девочке:

— Будь хорошей девочкой, Жэсс. Если мама проснется, скажи, что пусть дождется меня из магазина. Хорошо.

— Да.

— И если появится Марси, дай ему его еды из коробки. Я оставил её на столе. Добро?

— Да.

— Хорошая девочка.

— Только котик не плидёт. Он ушел. На улицу. — Жэсс указала своим маленьким пальчиком на дверь.

Вот снова. "Кот ушел на улицу."

Рика на секунду осенило. Он внимательно присмотрелся к двери. Внизу были следы от кошачьих когтей. Точить их о дерево он привычки не имел. Значит, кот и вправду просился гулять.

Рик вышел на улицу, и огляделся. Кота там не наблюдалось.

Старый кондиционер в пикапе гонял горячий воздух и Рик открыл окно. Прохладнее не стало, разве что ветер хоть немного обдувал лицо.

Уже почти у самого маркета под колеса ему бросился рыжий кот. Рик, ругаясь почему свет стоит, дал по тормозам. Кот, виляя, словно белка, стремительно вынырнул из-под машины и унесся прочь.

— Да что сегодня не так-то? — Спросил Рик сам у себя. — Мэй снова ушла в штопор, а ночной смене творился безостановочный караул, теперь ещё и коты под колеса бросаются. Осталось, чтобы со мной ещё телевизор начал разговаривать... — Бормотал Рик, подъезжая к супермаркету.

Внутри было прохладно. Автоматические двери дружелюбно пустили Рика внутрь, и его обдало потоком холодного воздуха из кондиционера. Он поёжился, когда капельки пота, обильно покрывавшие его спину, начали холодить её. Улыбаясь, он направился в торговый зал.

Но его тут же едва не сбил с ног мужчина, пытавшийся выбежать на улицу.

— Смотри куда идешь! — Окликнул его Рик.

— Простите, сэр! — Тот обернулся. — Я спешу. Они скоро откроются! — Последнюю фразу он произнес с идиотским предвкушением в глазах. Так обычно свидетели Пришествия (или как они себя там называют) рассказывают о вратах рая. Тем не менее, он крепко, но нежно обнимал бутылку текилы.

— Единственное, что сегодня откроется, это твоя бутылка, амиго. — Сказал Рик, удрученно качая головой.

Он, кажется, узнал его. Это Скотт Ганн. Тот самый задира из старшей школы. Жизнь, конечно, изрядно потрепала беднягу, но Рик надеялся, что тот не станет очередным городским сумасшедшим, и не будет бегать голышом по улицам Вайптауна. И, тем не менее, если в три часа Скотт уже начинает заливаться и нести всякую околесицу, то, что с ним станет через год?

Рик отогнал от себя эти мысли. Хотя, у него самого под боком зрела беда. Мэй без малого пьёт уже третий месяц. Если так и дальше пойдёт, то её придется сдавать в больницу насильно.

Когда содержимое телеги по его скромным подсчетам перевалило за вторую сотню долларов, Рик понял, что пора идти на кассу.

— Ещё хлеб, и всё на сегодня. — Сказал он тихо сам себе.

— Внимание, дорогие покупатели! Только до конца недели: Свиная вырезка всего по два доллара за фунт! — Записанный на пленку голос прервал музыку из динамиков под потолком. — Спешите приобрести свежее по свежей цене!

— Нет, спасибо, я уже. — Ответил ему Рик, думая о том, как, наверное, надоедает сотрудникам слушать эти объявления день за днём. Неделю за неделей.

— А теперь у нас специальное объявление...

— Надо же, ещё одно? — Притворно удивился Рик, потянувшись за батоном, спрятавшимся в самой глубине хлебной полки.

— Объявление для Рика Мура!

— ЧТО?!

— Ваш кот ушел из дома. Как и сотни других котов, этим днём. Врата скоро откроются, Рик. Врата скоро откроются...

Внутри у него всё похолодело. Желудок скрутило так, будто он проглотил здоровенный кусок льда.

Радио говорило с ним!

Рик, ещё несколько минут стоял, оцепенев, и пытаясь понять: пляшут на него сейчас народ или нет. Ему казалось, что все вокруг перешептываются и тыкают в него пальцами. Он закрыл глаза. Выдохнул. Открыл глаза. Всё было совершенно обыденно. Древняя Миссис

Дженкинс через свои огромные "очки-иллюминаторы" пыталась разглядеть ценники. Молодая пара (Шедди, их фамилия Шедди) обнималась и шутила возле алкогольного отдела. Дети всех мастей и размеров кричали и глазели на яркие этикетки в большей массе. На него ровным счетом никто не обращал внимания.

— Простите, а Вы тоже слышали объявление? — Рик схватил за руку проходящего мимо мужчину, возраста его отца.

— Про мясо-то? — Переспросил тот в свои усы. — Слышал. Когда-то я застал время, когда добрый кусок свинины стоил почти в три раза дешевле, и не был напичкан всякой дрянью...

— Нет. — Замотал головой Рик. — Про то, что Врата... Ну... Про то, что они открываются? — Спросил Рик и попытался сглотнуть. В горле пересохло.

— И вы тоже наслушались бредней этого сумасшедшего? Бросьте вы это. А теперь, если Вы вернете мне мою руку, я удалюсь.

— Простите. — Пробормотал Рик, и отпустил мужчину.

Он схватил злосчастную булку хлеба и покатил телегу к кассе. Очереди не было, и Рик порадовался этому факту. Он боялся, что из динамиков снова начнут доноситься адресованные ему послания.

— Добрый день, мистер Мур. Я гляжу, вам сегодня двумя пакетами не обойтись.

— Добрый... день Зои. Да. Не надо, я сам всё упакую. — Ответил он. Девушка проворно отсчитала ему три больших бумажных пакета, и принялась пицать своим считывателем.

— С вами всё в порядке, мистер? — Спросила кассир, видя, что руки у него трясутся.

— Да, просто я, видимо устал. Сейчас приеду домой — и спать. Не удалось отдохнуть, как следует после ночной смены. — Ответил Рик, пытаясь выдавить из себя улыбку.

— Я вас понимаю. — Сочувственно сказала Зои. Она начала говорить ещё что-то, но Рик целиком пребывал в своих мыслях. Он резко оглянулся в зал, но покупатели всё также были увлечены покупками, а не его персоной. Он понемногу успокоился...

— Что, прости?

— Я говорю, с вас двести четырнадцать долларов и пятьдесят четыре цента. — Повторила девушка.

— Да-да, хорошо. — Рик полез за бумажником.

— Картой, или наличными?

— Картой, будьте добры. — Ответил Рик.

Девушка выдала ему терминал, тянувшийся под стол черным кручёным проводом, а сама отвернулась. Рик, не смотря на дрожащие руки, ввёл код с первого раза. Зои проделала ещё пару операций с компьютером, и отдала Рикю чек.

— Хорошего вам дня, мистер Мур. — Девушка искренне улыбнулась ему и добавила. — И хорошего отдыха.

— Спасибо. — Бросил ей Рик, и вместе с нагруженной телегой вышел на улицу.

"Как будто в аду!" — Подумал Рик, когда раскаленный воздух обволок его. Он загрузил пакеты под сиденье и откатил телегу на стоянку. И перед тем как завести машину, он заглянул в кассовый чек. И понял, что напрасно. Под итоговой суммой было написано:

"Хорошего вам дня, мистер Мур. И помните: Врата открываются."

Он перечитал дважды. Он убрал чек в бардачок. Закрыв глаза. Снова достал. Надпись никуда не делась.

— Твою мать... — Сказал Рик.

Домой он едва ли не гнал. Сердце колотилось, и чтобы хоть как-то успокоиться, Рик закурил. Включить радио он не решился. В голове металась только одна мысль: Жэсс. Если девочка говорила правду, всё это очень и очень странно. Пугающе странно.

Радио включилось само.

Рик вздрогнул и дернул рулем.

Всё в порядке — иногда оно само включалось, если налететь на кочку. Рик не хотел знать, на что он наехал, только в зеркале заднего обзора он ничего не разглядел.

Он всё ждал, что и это радио в чёртовой машине начнет с ним беседу. Но, радиоволна, казалось, жила своей обыденной жизнью.

— Ни дождей, ни бурь в штате не будет в следующие две недели точно. Жара будет стоять, словно у дьявола в глотке. Ха-ха. Так точно! Так что — Сказал диктор — Запасайтесь льдом, холодным пивом и просто старайтесь меньше находиться на открытом солнце. А следующая композиция — такая же горячая, как погода за окном!

Заиграло что-то быстрое и агрессивное. Как раз то, что любила Мэй. Рик сделал громче и поддал газу. Ему это не очень нравилось, но он надеялся хоть немного прочистить мозги. До дома он доехал без происшествий. Разве что крем глаза заметил трех черных кошек, уносящихся прочь с соседского газона.

Мэй ещё не проснулась. А вот Жэсс спала. Рик осторожно перенес её в детскую. Когда он разобрал покупки, сильная жара уже спала.

Он взял конфискованную бутылку и устроился в плетеном кресле на веранде. Рик вертел бутылку в руках, глядя на Los Valles Turtures, раскинувшуюся раскаленным песком до самого горизонта. С высоты холма, на котором располагалась их улица, долина черепахи выглядела красным пятном с редкими и острыми скалами. Отец постоянно рассказывал, почему её так называли. Когда не был пьян, конечно же. Сколько лет его уже нет в живых, а Рик всё смотрит на долину редкими вечерами, а она всё такая же... И песок, и ящерицы, и мохнатые тарантулы останутся даже после Рика. И после его детей. Если Мэй, конечно, захочет их. Рик крепко сжал бутылку в руках. Он уже готов был открыть её, и приложиться, но тут хлопнула дверь.

— Доброе утро, Рик. — Мэй, взъерошенная, с заспанными глазами и заплывшим лицом. Судя по всему, она с утра приговорила не меньше упаковки пива.

— Сейчас вечер, дорогая. — Рик мельком посмотрел на неё, и увидел, как она облизывает губы, глядя на бутылку бурбона. Она заметила его взгляд, и виновато опустила глаза. Она присела в кресло рядом с ним, и опустила голову ему на плечо. Он резко дёрнул им, и Мэй выпрямилась.

— Ты обиделся, Рик? — Она прекрасно знала ответ на этот вопрос.

— Нет, дорогая. Я хочу, чтобы ты продолжала в том же духе. Может, через пару лет я смогу лишить тебя опеки над Жэсс и у девочки начнется нормальная жизнь. — У Мэй не нашлось возражений. Она виновато опустила голову, пытаясь зацепиться хоть за какую-то отстраненную тему.

— А где кот? — Спросила она как бы невзначай.

— Кот ушел. — Сказал Рик отстраненно, и снова уставился в пустыню. — Он ушел посмотреть, как открываются врата.

— Хорошо. — Сказала Мэй. Рик подумал о том, что у неё в голове кисель, если после такой фразы она говорит просто "хорошо". — А можно мне... Мою бутылку обратно?

— Хер тебе. — Бросил Рик.

— Ладно. — Так же спокойно сказала Мэй.

Ещё пару минут она ёрзала на стуле, а затем встала и ушла в дом. Рик закурил. Мысли о том, что радио заговорило с ним сегодня, вернулись к нему.

— Ладно, давай разберемся с этим. — Сказал он сам себе.

Он вынес старый радиоприёмник на улицу, и поставил его на столик.

— Ну, же! Давай! Говори! — Прикрикнул он на него.

Радио молчало.

Молчало.

А потом включилось.

Сначала было только шипение. Потом заиграла музыка. Странная, мрачная мелодия, она чёрными щупальцами проникала в самые глубокие уголки его мозга, и поднимала на поверхность все его страхи.

— Рик Мур! Ты готов? — Спросило радио странным хриплым голосом.

— Нет. — Ответил он.

— Это не имеет значения. ОН идёт. Врата открываются, и ОН пройдет сквозь них. — Снова эта история.

— Кто, он? КТО? — Спросил Рик.

— *Король-тлен. Король-Гниль,*

Порча, разложение, проказа.

Огромная рана и вздувшийся волдырь,

Переспелой вишни четыре глаза!

Голос повторял это четверостишие ещё несколько раз, всё громче и громче. Пока, наконец, из радиоприёмника не повалил серый дым с запахом горелой оплетки.

Его руки затряслись, а во рту всё пересохло. Он закурил, закашлялся, и втянул сигарету в три долгих затяжки. Его трясло и бил озноб, хотя на улице всё ещё стояла жара. Рик оказался не готов к такому испытанию. Он всё ещё ощущал соблазн откупорить бутылку "красного шакала", и думал только о том, что надо было начинать пить ровно в тот момент, когда он впервые задумал это. Тогда, все эти голоса можно было бы списать на алкоголь. Сейчас же всё было так, как оно есть. Реально.

Рик ухватился за пробку. Теперь-то уже зачем? Он не пил уже шесть лет, и начинать не имело смысла. Может, оно притупит страх? Или смажет воспоминания, и превратит их в пьяный бред. Рик застыл. Ещё секунда. Поворот пробки. С треском лопаются тонкие пластиковые соединения между крышкой и колечком. Хруст открываемой бутылки шепчет колыбельную, и обещает помочь справиться с происходящим.

Никаких сирен не было. Только шум двигателей. Рычание моторов Хамви и внушительных армейских грузовиков заполнило улицу. Они ехали по Ков-стрит стройной колонной вниз — в направлении долины. В вечерних сумерках они казались огромными жуками, стремительно ползущими в пустыню на запах падали. Алый закат отражался от лобовых стекол. На бортах — пыль, поверх пятен камуфляжной раскраски. Дюжина Хаммеров, и почти вдвое больше грузовиков с тентованными бортами. Рик мог бы побиться о заклад с кем угодно, что внутри — военные. Вооруженные военные. И они здесь не просто так.

На шум выскочила Мэй. Рот её был перепачкан красным соусом.

— Что это такое, Дорогой? Что происходит?

— Врата открываются. — Хрипло сказал Рик, рассматривая алые щупальца тумана,

расползающегося в предзакатной пустыне.

КОШКИ.

30 июня 2019 года.

Вайптаун, штат Нью-Мехико.

Скотт Ганн проснулся от того, что его чёртовы коты решили устроить концерт. Они драли глотки, и требовали, чтобы их выпустили на улицу.

— Хрен бы вас побрал, пушистые отродья! — Скотт в одних трусах встал, открыл двери трейлера и животные, единой массой сгнули в жарком полуденном мареве. — Идите, давайте! Поспать не даёте.

Он снова улегся в койку, перевернулся на другой бок и закрыл глаза. Сон всё не шел. Он подумал о том, что пора вставать. Сегодня он должен куда-то успеть. Только вот куда? Как ни пытался, вспомнить он не мог.

Еды, кроме кошачьей, в холодильнике не оказалось. Там завалилась одинокая бутылка

светлого пива, на которую он глянул с кислым отращением.

— Не сегодня. — Сказал ей Скотт. Он закрыл холодильник. Постоял секунду. Открыл снова. — Ну, возможно позже. — С надеждой бросил он ей.

Его бывшая подружка называла эту трапезу "мексиканский завтрак". Сигарета и стакан воды. Скотт, сидя на крыльце, жадно тянул сигарету и, приглядевшись, обнаружил, что коты, которых он выпустил, сидят на тропинке на его участке. Ничего не делают. Просто сидят.

— Вы чего здесь сидите?

Он не надеялся на ответ. Вместо этого Пич, большой рыжий перс, повернул к нему голову, и внимательно посмотрел на Скотта единственным глазом. Во взгляде читалось превосходство. Дескать, хвостатый знает то, что ему — Скотту знать не положено. Пич отвернулся, и Скотт вернулся в трейлер, бросив окурочок прямо на тропинку.

Кондиционер давно накрылся, и ремонт его затевался каждую весну. Но, всякий раз не хватало или денег, или возможности снести его в мастерскую. Температура в трейлере стремительно приближалась к уличной. Термометр показывал пока только шестьдесят, но грозился ползти ещё выше.

— Гребанная жара. — Скотт снова заглянул в холодильник. В нём, как бы Скотт не надеялся, ничего съестного не появилось. Он открыл пиво и начал пить его жадными глотками.

"Маменька бы не одобрила этого, Скотти. Маменька не любит, когда наш малыш начинает сосать соску сразу после пробуждения..."

"Пшел вон!"

Скотт мысленно послал чертов внутренний голос. Пиво было холодным и чертовски вкусным.

"Тебе ведь надо идти, Скотти..." — Клянчил голос.

Скотт застыл. Ему действительно куда-то надо. Он вдруг вспомнил вчерашнюю встречу, странного человека в сером и прогулку по пустыне.

— Твою мать! — Вырвалось у него, когда он почувствовал зуд в ладони. Он поглядел на неё. Ожог горел и пульсировал. Скотт сунул руку под струю холодной воды. Стало легче, но ненадолго. Он нашел в аптечке мазь, бинт и перемотал ладонь. Боль отпустила.

"Не надо так, Скотти. Тебе нужно идти, и ты должен видеть, куда..."

— Пошел прочь! — Крикнул он и допил остатки пива.

Коты всё также сидели рядом на тропинке. Они синхронно повернули к нему головы и проводили его взглядом. Скотт поёжился. Чертовы звери сверлили его глазами, и от этого становилось не по себе.

В нижнем городе было ещё жарче. Солнце понемногу входило в зенит, укорачивало тени и выжигало остатки влаги в организме. Скотт Ганн изнывал от жары и всю дорогу до супермаркета глядел на кошек.

Пушистые твари глядели на него в ответ. Они рассматривали его, мяукали ему что-то в след. Они следили за Скоттом. Сидя на верандах и балконах. С крыш домов и помойных баков, с газонов и сквозь окна в домах. Те, кого заперли дома, беспokoйно метались на подоконниках, истошно вопя. Все они вели себя чуть более чем странно. Скотт искренне надеялся, что именно кошки, а не он сам сошли с ума.

Когда Скотт подходил к магазину, он заметил огромного бродячего кота. Дранные уши, отсутствующий взгляд и виляющий из стороны в сторону хвост. Скотт подошел к нему.

— Ну и какого хрена вы затеяли? — Кот повернул к нему глаза.

"Грядет буря, Скотт Ганн" — Сказал голос в голове.

Скотт не нашелся, что ему сказать на это, и поспешил внутрь. Он понял, что остаться трезвым сегодня ему не удастся.

Внутри было прохладно. Чертовски хорошо и прохладно. И не было этих четвероногих исчадий ада, пялившихся на него всю дорогу.

Скотт, минуя все прочие отделы, направился напрямиком в алкогольный. Холодильник с пивом заманивал его светящейся цветной вывеской. Запотевшие бутылки объемом в 12 унций шептали ему всё то, что он хотел услышать. Скотт шел к холодильнику. Он шел и шел. А холодильник будто становился всё дальше.

"Мамочка не любит это, Скотти. Мамочка не хочет, чтобы ты пил это"

Скотт замотал головой, пытаясь вытрясти этот голос из своей головы. Матушка, упокой Господь её беспокойную душу, уже добрых пять лет, как нашла свой последний приют на кладбище Вайптауна. Матушка не будет знать об этом.

"Маменька узнает, что ты пьёшь, Скотти"

Холодильник будто стал ещё дальше. Скотт перешел на бег, чтобы догнать его. Мимо мелькали витрины с товаром и люди с телегами и корзинками для покупок.

Скотт гнался за холодильником. Он налетел на покупателя, едва не сбил того с ног, и, поскользнувшись, упал на пол сам.

— Смотри куда прёшь, придурок! — Прямо в лицо закричал парень. С лицом у него было что-то не то. Что-то странное. Красное от жары, оно будто оплавилось, восковыми потёками превратив лицо в уродливое месиво. И ещё глаза. Красные, с черными зрачками. Они пристально смотрели на Скотта. А потом над ними открылись ещё два таких же глаза. И эта новая пара глаз смотрела на руки Скотта. Вернее, на перевязанную.

"Он нас видит. Он нас видит! Скотти, теперь ты понимаешь, к чему приводит алкоголь?"

— Убирайся, отсюда, урод! Убирайся нахрен!

Он беспомощно отмахивался от видения, а потом просто закрыл глаза, надеясь на то, что всё это окажется просто галлюцинацией. Когда он открыл их и огляделся, он сидел на полу, прямо возле холодильника. Возле него стояли люди и с отвращением смотрели на него, как на школьника, которого застукали за чем-то непристойным.

— И как только таких в магазин пускают? — Спросил парень, на которого налетел Скотт. С лицом у него было всё нормально. Он покачал головой и ушел. Остальные, увидев, что представление закончено, тоже направились по своим делам.

— Я просто перегрелся от этой грёбаной жары! — Крикнул он вслед всем этим людям. Никто не обернулся. — Чертовы педики...

Коты на улице всё так же ничего не делали. И два пива спустя, тоже. Скотт устроился на скамейке рядом с маркетом. Он наблюдал за ними. Голос в голове убедил его, что всё в порядке. Он тоже должен ждать вместе с ними.

— А чего ты ждёшь, Скотти? — Он чуть не подпрыгнул на месте. На скамейку к нему подседа Мэйси. Одета она была в грузное розовое платье, времен молодости её бабушки. А на голове красовалась широкополая шляпа. Выгоревшая, когда-то она была лимонного цвета, ныне превратилась в бледно-песочную.

— Привет, Мэйси. — Поприветствовал её Скотт и боязливо обернулся. Не то, чтобы он стыдился её, но всякий раз старался проводить в её компании как можно меньше времени. В таком маленьком городе, как Вайптаун, вечером у Старого Чохаса кто-нибудь да спросит о

том, что Скотт делал в компании отсталой. И им большей частью плевать, что она больная, а не отсталая.

— А сегодня жарко. Я надела шляпку, чтобы не напекло головку. А ты следишь за котиками? Котики сегодня ведут себя странно. А у тебя развязался шнурок, Скотти. — Она улыбнулась. Скотт подумал о том, что когда она улыбается, она симпатичная.

— Спасибо, Мэйси. — Скотт наклонился завязать шнурок.

— А котики чего-то ждут. И ты чего-то ждёшь, Скотти. — Теперь она уже не спрашивала, а констатировала факты.

— Да, Мэйси. Я хочу посмотреть, что кошки будут делать дальше.

— А я не знаю, что котики будут делать. И чего ждут. Но, очень хочу узнать.

"Кажется, пора снова идти за пивом" — Подумал Скотт.

Внезапно улыбка сошла с её лица, и она подозрительно пригляделась к въехавшему на стоянку автомобилю. Скотт уловил её взгляд, и тоже уставился туда. Дорогого вида черное авто. Явно не средний класс. Из него вышел парень в дорогом костюме, потянул носом воздух, и уставился на них в ответ. Ровно на секунду. А потом, будто ни в чём не бывало, направился к автоматическим дверям супермаркета.

— А хочешь, я скажу тебе нечто страшное? — Лицо Мэйси вдруг приобрело выражение крайней серьезности. И не дожидаясь ответа, она придвинулась к нему вплотную и прошептала на ухо: — А это — тоже плохой человек. Из тех, у кого четыре красных глаза.

Скотта пробил дрожь, и он понял, что трезвеет. Какого хрена девка-аутист сейчас говорит ему о том, что он видел нечто похожее полчаса назад.

— И давно ты... видишь их? — Только и нашелся сказать Скотт, облизывая пересохшие губы.

— Нет. — Ответила она снова шепотом. — Я начала видеть плохих людей сегодня утром. Когда вышла из дому за булочками. Булочки сегодня были по 20 центов за две штуки, и я купила две с вишнями, и две с шоколадом. А потом пришла женщина. Я её не знаю. И она взяла две с черникой. И у неё из-под юбки торчал красный хвост. Я испугалась и поскорее ушла домой. А мама сказала, что я всё придумала. А я ничего не придумала, я и вправду видела женщину с красным хвостом. А потом я...

— Мэйси! Мэйси, прости меня, я должен отлучиться ненадолго. — Скотт перебил поток её слов, хорошо зная, что она может пересказать свой день дословно. Она, словно и не обиделась на него, снова заулыбалась.

— А куда ты идёшь, Скотти? — Спросила она.

— Мне нужно в магазин. Я хочу прямо сейчас хорошенько навалиться! — Скотт встал и нервно поправил прилипшую к спине футболку.

— Хорошо, Скотти. Я тоже пойду. Мама будет меня ругать, если я сильно задержусь. Прощай, Скотт. — Девушка встала, прижала пакет с покупками к груди и, торопясь, ушла вниз по Колдридж-стрит.

— До свиданья, Мэйси. — Сказал он ей вслед. — Я просто обязан упиться...

Спустя ещё два пива Скотт хорошо захмелел. Тот самый парень, на которого с опаской смотрела Мэйси, прямо сейчас выходил из магазина. Скотт пригляделся к нему. Смоляные волосы, уложенные назад гелем, тонкие усы над губой, и чёрный приталенный костюм. Таких обычно называли метросексуалами. Скотт называл их просто долбанными гомиками. Парень в костюме прикатил телегу к своему авто.

Скотт уверенной агрессивной походкой направился к нему. Он твердо намеревался

выяснить, что это всё означает.

— Эй, ты! — Он закричал парню ещё на подходе. Тот, казалось, удивился такому повороту. — Ты! — Скотт ткнул в него пальцем. — Какого хрена здесь происходит?!

— Простите, сэр? — Парень опешил. Притворное удивление плохо скрывалось за его ухмылкой.

— Я спросил, что здесь творится!? — Повторил Скотт, повысив тон.

— Я не понимаю, о чём вы, сэр. — Долбаный урод всё так же притворялся, что ничего не знает. Он невозмутимо перекладывал пакеты в багажник.

— А я думаю, понимаешь. — Скотт скрипнул зубами. — Всё-то ты понимаешь, дерьма кусок!

Одним мощным ударом Скотт опрокинул парня на землю. Тот уронил пакет, и на асфальт со звоном упали стеклянные бутылки с содовой и рассыпались яблоки. Он взялся за ушибленную челюсть и усмехнулся. Глаза его дернулись, и налились кровью, оставив тонкие щёлки зрачков. Кожа на лбу покрылась толстыми острыми шипами, навроде, как у ящериц.

— Ты жалок, человек. Он придет. Врата уже открываются, и ты его не остановишь. Грядет буря, и она накроет этот город.

— Что за хрень ты несешь?! Кто придёт? Кто, мать твою, придет?! — Скотт ухватил его за воротник и затряс, как тряпичную куклу. — Кто придёт? Отвечай!

Скотт почувствовал, как две пары крепких рук оттаскивают его от этого существа. Кто-то кричал.

— Скотт, какого хрена ты пристал к нему? — Абрахам Дженкинс. Скотт узнал его по огромным очкам. Таки же, как и у его мамы. Второго защитника Скотт не знал.

— Он не человек! Посмотрите на него! Разве вы не видите этого? — Скотт всё ещё надеялся, что убедит их.

— Ты пьян, Скотт. — Сказал второй. — Ты пьян, и ты просто так напал на невинного парня.

— Мы немного повздорили, господа. — Парень в костюме поднялся на ноги, отряхнулся. — Я думаю, конфликт улажен.

Двое, державших Скотта, удивленно переглянулись.

— Всё в порядке. Мы уже разобрались с этим, правда, Скотти? Он, наверное, просто перегрелся на солнце. — Заискивающе улыбнулся он.

— Ах, ты лживый говна кусок! — Скотта снова пришлось оттаскивать.

Его, кричащего, утащили подальше от парковки и отпустили.

— Успокоился? — Спросил Абрахам.

— Да. — Скотта трясло.

— Какого хрена ты полез к нему?

— А какого хрена вы сами в это влезли? — Возразил Скотт.

Он глядел на этих парней и думал о том, что они считают его сумасшедшим. Чокнутым, буйным уродцем.

Не говоря ни слова, Скотт показал уезжающему на авто парню в костюме средний палец.

— Иди, проспись, Скотти. — Сказал Абрахам.

— А вы — идите нахер, бойсктауты хреновы! — Их он тоже наградил непристойным жестом.

Кассир, эта мелкая девка, угрюмо косилась на него, когда Скотт покупал ещё пиво.

— Неужели нельзя взять сразу упаковку? — тихо сказала она сама себе. Она надеялась, что Скотт не услышит. Он услышал. Но, кричать на неё не стал. Нет времени. Скоро нужно уходить. Голос в голове настойчиво повторял это.

— Оно нагреется на солнце, детка. — Так же тихо сказал Скотт и пьяно улыбнулся. Зои наградила его испепеляющим взглядом и промолчала.

Скотт глянул на часы. Те показывали три пополудни. Кошки уже были повсюду. Словно статуэтки, они сидели, замерев. Скотт торопливо допивал своё пиво, и едва не пропустил момент, когда всё началось. Голос заполнил весь его разум, и громко приказал снять повязку с руки.

"Снимай её. Как же ты сможешь видеть с закрытыми глазами?"

Скотт согласился. Он размотал руку и посмотрел на ожог. Тот был красным, но совершенно не болел. Странная отметина на руке преобразила всё вокруг. Вернее, Скотт понял, что так оно всё выглядит на самом деле. Весь горизонт был затянут красными нитями, тянущимися из долины черепах. От удивления он встал. Небо над пустыней полыхало алым заревом.

— Врата... — Только и смог сказать он.

Скотт понимал, что ему нужно идти туда. Точнее сказать, он не мог оставаться вдалеке от ЭТОГО.

Кошки беспокойно зашевелились. Они были готовы и ждали сигнал.

Скотт понял, что ему уже нужно торопиться, но решил захватить с собой выпивки. Он вбежал в алкогольный отдел, и ему приветливо улыбнулась бутылка текилы с витрины. Скотт раскрыл свой бумажник, и понял, что денег ему хватает. Он так торопился на выход, что не заметил, как налетел на только что вошедшего высокого парня в джинсах и серой майке.

— Смотри куда идешь! — Крикнул тот на Скотта. Рик Мур. Тот самый, который взял к себе ту алкогольчку с ребенком.

— Простите, сэр! — Внезапно любезно для себя самого сказал Скотт. И зачем-то добавил. — Я спешу. Они скоро откроются!

Он шел, и время от времени прикладывался к бутылке. Алкоголь раскаленным свинцом падал в желудок, и Скотт понял, что мало что соображает из происходящего. Он не понимал, куда он идёт, и что его там будет ждать. Его вело не собственное сознание. Нет. Это было совершенно другое чувство. Экстаз. Катехизис. Он не знал, какое слово точней, но чувство это определенно имело место быть. Иногда он слышал шепот и замечал, как на него показывают пальцем горожане. Кто-то, особенно метко сказал: "Кошачий король".

Улыбаясь, словно дурачок, он, в сопровождении стаи кошек покинул северный пригород и углубился в пустыню. Кошки тоже шли посмотреть на врата. Или не просто посмотреть. Скотт не знал. Они присоединялись к уже идущим, переплетались с ними хвостами и вливались со всех сторон мурчащей массой. Здесь были кошки всех пород и мастей. Даже несколько лысых. В пустыне к Скотту и его морю кошек присоединились дикие песчаные коты, и даже кугуары. Скотт даже не испугался, видя, что те ведут себя мирно.

Через три часа Скотт понял, что они пришли. В небе, прямо над ними аллела расплывающаяся прозрачная дымка.

Врата.

"Издалека напоминает вагину" — сказал сам себе Скотт и засмеялся. Он уселся на

песок и стал ждать. Текила кончилась, и Скотт, допив последние капли, швырнул бутылку в сторону.

Когда стемнело, во вратах, прямо посередине, появилась брешь, и медленно становилась всё больше и шире. За ней было черное небо. Галактики на его фоне выглядели мизерной палитрой красок, разлитой на асфальте. И звёзды. Они были чужие. Не из этого мира. Скотт не понимал, откуда это знание. Но, он знал это абсолютно точно.

Когда червоточина заняла полнеба, Скотт увидел, как на ТОЙ стороне, прямо напротив, появилась планета. Огромная, она закрывала собой всё остальное. И она хотела проникнуть в этот мир через врата.

Скотт любовался этой картиной. Она была настолько прекрасна, что всё земное казалось серым, и лишенным всяких красок. Он даже не заметил шум автомобилей за спиной. Он сидел, окруженный сотнями кошек и взирал на неведомые, потусторонние силы, неподвластные человеческому пониманию.

— Это прекрасно. — Сказал он.

ВРАТА ВАЙШТАУНА.

30 июня 2019 г.

Форт Лас-Крусес. Нью-Мексико.

Дэвелин Фокс, отдавший четверть своей жизни службе в вооруженных силах, сейчас, наверное, гордился бы ею. Но, в связи с болезнью альцгеймера, убивающей его мозг, единственным, чем он мог похвастаться — это тем, что вспомнил имя своей дочери. Алекс Фокс. Последний раз она была у него неделю назад. И тогда он назвал её "сынок". Выйдя в коридор, она села и разревелась. Он всегда хотел сына, этот суровый и непреклонный мужчина, которого выбрала её мать. Именно он вырастил из неё мальчика. И теперь, когда

она получила звание лейтенанта — это было ЕГО звание. Его повышение.

Она понимала, что ведет себя как девчонка. Но, не в силах совладать с собой, она продолжала реветь, сидя в туалете. Отец запомнит то, что она лейтенант ровно на одну минуту.

— Соберись, Алекс. Ты уже не рядовой. — Сказала она отражению в зеркале, которое размазывало слёзы по щекам. — Теперь у тебя есть люди, которые должны думать, что ты — сильная. И уж будь добра — постарайся соответствовать этому образу.

Она вышла на улицу, и футболка мгновенно прилипла к её спине. Курить не хотелось совершенно. Хотя, суматоха, которая началась пару часов назад в Форте Лас-Крусес, ей определённо не нравилась.

Полковник Харт вызвал её к себе, когда она мучилась болью внизу живота. Чертов цикл начался, как всегда не вовремя. Живот будто резало тупым ножом. Она сменила за день уже две прокладки и выпила пригоршню обезболивающих таблеток. Таблетки помогли ровно на полчаса.

В кабинете у Харта царил аскетизм. На столе — лэптоп и ручка с блокнотом. На стене — карта округа и государственный флаг. Два гостевых стула, коврик у входной двери и больше ничего. Ничего лишнего.

— Куришь, лейтенант? — Харт демонстративно выдвинул верхний ящик стола.

— Не в помещении, сэр. И я только сержант. — Подобралась Алекс. Харт громко задвинул ящик обратно.

— С сегодняшнего дня лейтенант отдельной роты. Прими мои поздравления, девочка. — Алекс опешила. Она, конечно, предполагала, что получит повышение, но не с такой спешкой. Харту, похоже, понравилось смятение юной Алекс Фокс.

— Это честь для меня, полковник. — Девушка уверенно пожала его ладонь.

— Ну, перестань. — Улыбнулся Харт. — Ты умная девочка и далеко пойдешь.

Он пристально смотрел на неё и продолжал улыбаться. Только, нехорошей улыбкой. Будто, он ждёт от неё чего то.

— Вы ведь не за тем, меня вызвали, сэр? — Спросила Алекс.

— Я же говорил, что ты умная. — Расплылся в ухмылке полковник. — Присядь.

Алекс утробилась в кресло, скривилась от боли в животе.

— Вчера нам со спутника пришло странное сообщение. В пустыне внезапно объявился сигнал. Источник неизвестен. Мы отправили туда вертолет, но он ничего не нашел. Вообще ничего. Только песок, камни, кактусы и мать их, ящерицы. — По Харту было видно, что он хочет курить.

— Вы думаете это кортели, сэр? — Харт поднял на неё взгляд. Прищурился. — Русские?

— Признаться, я не знаю, девочка. Но, источник сигнала был там. Он выдавал настолько огромное излучение, что глушил всю электронику. Нам повезло, что пилот догадался вовремя уйти из этой зоны. — Полковник достал тонкую черную сигариллу из коробки и принялся мять её в руках, раздумывая над продолжением речи. — А сегодня сигнал усилился. Многократно. И он продолжает расплываться огромным пятном на радаре. Каждый час. Каждую минуту. Фотографии со спутника показывают, что в этой области, что-то типа урагана. Или глаза бури. Чёрт, я не разбираюсь во всей этой научной галиматье! — Он хлопнул рукой по столу.

— И сейчас вы отправляете туда меня? — Больше закончила за него, чем спросила Алекс.

— Не только тебя, девочка. — Он сделал паузу. — Всех.

— Тогда, почему вы вызвали именно меня, а не капитана Колинджера, сэр? — Спросила Алекс.

— Колинджер уже в курсе дела. А по поводу тебя... — Полковник выдержал паузу. — Я привык лично смотреть в глаза человеку, которого отправляю на войну.

— Разрешите ещё вопрос, сэр?

— Разрешаю. — Кивнул Харт.

— А что мы можем там... встретить?

— Не имею ни малейшего представления, лейтенант. Но, я верю в вас. Как и верю в то, что какое бы дерьмо вы там не встретили, вы накормите его свинцом.

— Ваша карета подана, лейтенант Соня Блэйд.

Махони. Чертов шутник. Рыжий как морковь ирландец и знатный пропойца. Способный пробиться гораздо выше капрала, но из-за своего длинного языка заработал уже пару десятков выговоров и дисциплинарных взысканий. Очки, сползающие на нос и огромная кевларовая каска, падающая при малейшем движении. Алекс до сих пор не понимала, как этот суповой набор с языком, как помело, мог таскать на себе тонну обмундирования, радио и пулемет, и при этом совершенно не уставать. Она, будучи ещё рядовым, как-то пожаловалась, что нормально передвигаться ей жутко мешает бронежилет. "Это всё потому, что у тебя сиськи!" — невозмутимо сказал ей тогда Махони.

— Хорошо, капрал. Я сейчас.

Хаммер рычал на холостых оборотах. Нехорошо всё это. Неправильно. Этот чертов гадючий городишко рядом с долиной. И её резкое повышение. Ещё и месячные. Алекс нутром чувствовала, что здесь что-то не так.

Она оглядела парковку. Двенадцать рыжих хаммеров, включая её машину, полностью укомплектованы оружием и патронами под завязку. На крыше у каждой — крупнокалиберный пулемет, способный с легкостью прошить товарный вагон насквозь. И грузовики, набитые солдатами, как мясом. Она крутила в руках сигарету, которой угостил её Харт.

"Смотри, Алекс, какие большие гробики"

Так не отправляют на войну. Так отправляют на бойню.

Она с силой захлопнула дверь, опустив свой автомат прикладом на пол, и зажав его между коленями.

— Что, то не так, командир? — Спросил Махони с заднего сиденья.

— Просто дурное предчувствие. — Мрачно глянула на него Алекс.

— Все слышали? — Прикрикнул Махони. — У Сони Блэйд плохое предчувствие! И, знаете, что это значит?

— Заткнись, Махони. — Сказал Хорхе Кортес, крепко сжимая руль и не поворачивая головы.

— Когда у неё в прошлый раз было плохое предчувствие, в столовке подавали тот странный суп из тампонов!

— Фу! Махони, прекрати! — Сказала Алекс.

— Какой ещё нахрен, суп из тампонов? — Кортес не выдержал, и развернулся лицом к шутнику.

— Он называет гаспаччо супом из женских... Средств гигиены. — Не отрываясь от ноутбука прояснила Вирджиния Фрай. Рядовую факт таких шуточек, похоже, несколько не

смушал.

— Да-да, сестричка права. — Махони выставил ладонь вверх в жесте "дай пять". Видя, что Фрай не реагирует, он махнул рукой и продолжил. — Так вот. Я честно опасался этого супа. И не зря. Я потом пять часов просидел на толчке...

— Махони, заткнись! — Крикнула Алекс. Кортес тихонько захихикал, уткнувшись лбом в руль.

— Ты хоть представляешь себе, какой это был кошмар? У меня анус жгло адским пламенем. А запах...

— Всё, Кортес, поехали! — Прервала его словоблудие Алекс. — Он может до ночи расписывать.

— Как если бы из моих недельных носок отжали молока на сыр. — Закончил Махони, но голос его утонул в шуме двигателя.

Мотор глухо зарычал, и хамви трянуло. Алекс закурила сигарету от бензиновой зажигалки. В салоне сразу запахло. Хороший табак. — Подумала Алекс. — Крепкий.

Колонна двинулась на запад. Они свернули с федерального шоссе номер десять на Фронтедж-роуд, миновав пригород насквозь. Вайптаун горел ночными огнями.

— Как там связь, Лепрекон? — Спросила Алекс, не оборачиваясь.

— Сейчас проверю, лейтенант Блэйд. — Усмехнулся Махони.

Он забубнел что-то в рацию, и Алекс услышала только: ...проверьте связь ребята, как поняли?

— Вас поняли, Фокс. — Услышала Алекс искаженный динамиком голос.

— Кэп? — Спросила она.

— Он самый. — Подтвердил Махони. — Куда мы вообще едем?

— Кортес, скажи ему координаты. — Алекс обратилась к водителю.

— На кой хрен мне координаты? Меня интересует, что там будет. — Махони вылез наперед и поглядел на Алекс.

— Я не знаю. — Алекс мрачно отвернулась к окну.

— А что сказал полковник Увечье? — Не унимался он.

— Он тоже ничего конкретного не сказал. И вообще, никто толком не знает, что это за штука. — Она сделала паузу. — Махони, будь добр, следи за связью. Здесь очень сильные помехи, и электроника иногда сбоят.

— Вас понял, лейтенант! — Он демонстративно приложил ладонь к каске. — Фрай, душечка, можешь показать, что видно со спутника? — Хаммер трянуло на грунтовке, и Махони навалился на неё всем телом. Фрай недовольно фыркнула. Пользуясь случаем, он заглянул в экран ноутбука. — А это в каком масштабе?

— Один к пятидесяти. — Отрезала Фрай. Махони присвистнул.

— То есть мы уже должны это видеть? — Он отлип от девушки и высунул голову из окна, пытаясь повернуться лицом к небу. Каску пришлось придерживать рукой. Только звёзды и полная луна. Ничего сверхъестественного. — Я ничего не вижу, лейтенант. Совсем ничего.

"И вчера ночью тоже никто ничего не увидел" — Подумала Алекс, но промолчала.

Последние пару миль они ехали молча. Фрай что-то сосредоточенно смотрела в лэптопе. Кортес молча вел авто, а Махони настраивал рацию. Алекс снова скрутила боль внизу живота. Она сцепила зубы и закрыла глаза. Приступ прошел. Она выдохнула. Но, когда она снова их открыла, то замерла с открытым ртом. В небе над пустыней пульсировало и

мерцало красное сияние. Оно было не меньше мили в ширину, и стремительно росло.

— Твою мать! — Только и смогла сказать Алекс, когда к ней вернулся дар речи.

— Что там? — Нахмурился Кортес.

— Ты разве не видишь? — Спросила она его.

— Нет. — Он недоуменно пожал плечами.

— Что я пропустил? — Махони снова вылез вперед.

— Махони, ну хоть ты видишь ЭТО? — Спросила Алекс. Тот сощурился и через секунду выдал:

— Раньше я думал, что это я здесь спец по розыгрышам. — Он обиженно уставился на неё.

— Я что, одна это вижу?

— Не смешно, лейтенант. Я, между прочим, тоже нервничаю. — Махони сделал серьезное лицо, и обиженно вернулся на заднее сиденье.

— Замечательно, блин! Просто чудесно...

Рация выдавала шум и помехи. Об остановке они узнали по габаритным огням впереди идущей машины. Алекс вышла из хамви, и остолбенела. То, что она при лунном свете сначала приняла за огромный валун на песке, оказалось живой массой. Сотни и сотни кошек. Домашние, бродячие, даже несколько кугуаров. И человек. Он сидел, задрав голову вверх. Точно как животные. К нему уже осторожно приблизились несколько солдат с автоматами. Они окружили его, но пока ничего не делали. Алекс проследила за его взглядом и поняла, что она не одна сегодня съехала с катушек. Он тоже видел ЭТО.

— Мистер, с Вами всё в порядке? — Услышала Алекс.

— Оно прекрасно. — Ответил тот отстраненно.

Когда она заглянула ему в лицо, она подумала, что он не в себе. Бедняга лишился рассудка при виде такой картины. Червоточина, разросшаяся к этому времени насколько хватало глаз, будто впускала в этот мир другую планету. Карминовую, с чёрными пятнами гнили. Сияние лилось сквозь ворота, и от него у Алекс начало рябить в глазах.

— Кто такой? — Капитан Колинджер возник из ниоткуда, и Алекс почти испугалась.

— Он не в себе сэр. — Ответил Махони. "Чёртов проныра уже и здесь сунул свой нос" — Подумала Алекс.

— Мы заберем его с собой. — Сказала капитану Алекс. — Сейчас он нам всё равно ничего толкового не скажет. Капрал Махони! — Она обратилась к ирландцу. — Отведите его в моё авто.

— Я не поеду с сумасшедшим в одной машине! — Запротестовал он. — А если его стошнит по дороге? Я потом не собираюсь мыть салон!

— Капрал! — Закричала Алекс и схватила Махони за жилет. — Быстро отвёл его в машину, иначе обратно пойдешь пешком. — Зашипела она ему прямо в лицо.

— Охренеть, мне только юродивого в нашей машине не хватало. — Забормотал капрал, поднимая сидящего человека с земли. — Давай, дружище, поднимайся и перебирай своими ножками. Вот так. Ты же не собираешься блевать в мой любимый хамви? Так-то... Сколько-Сколько ты сегодня выпил?..

— Капитан, Вы тоже это видите? — Алекс подумала о том, что она ведет себя сейчас не лучше того пьянчужки.

— Вижу что, лейтенант?

— ЭТО, мать вашу! Здоровенную дыру в небе, вот что!

Капитан обернулся и посмотрел в направлении, которое показывала Алекс. Обычное небо; полная луна и звёзды плохо освещают пустынную долину. Проекторы на грузовиках выхватывают из сумрака две сотни вооруженных солдат.

— Лейтенант, возьмите себя в руки! — Он гневно посмотрел на неё.

— Сэр, я не сумасшедшая, я, правда, вижу то, что вижу. И тот парень, который был здесь, тоже видел эту штуку.

— Я обязательно учту это в рапорте. — Уточнил Колинджер. И пока Алекс стояла с открытым ртом, снова появился Махони.

— Я упаковал того чудика. Он всё бормочет какой-то бред. — Он достал спички из кармана и принялся жевать одну.

— Капрал, отведите Лейтенанта Фокс в машину к тому гражданскому.

— Сэр?

— Исполнять, без вопросов!

Алекс не ревела. Не дождётся. Её пробирала злость, но она понимала, что все эти слова про чёртову дырищу в небе действительно смотрятся как бред. Махони утешал её, но она толком ничего не слышала.

— Вот так, Соня Блэйд. Сейчас ты посидишь в машине, покуришь, успокоишься, а потом расскажешь мне, что ты всё-таки видела. Пресвятая Молли, я сюда стрелять приехал, или нянькаться с сумасшедшими? — Последнюю фразу он адресовал уже сам себе.

Капитан Джофф Колинджер принадлежал к категории мужчин, которые свято верили в то, что женщина не может получить повышение, иначе чем через постель начальства. И Фокс для него не выглядела исключением. Когда он услышал эту новость от полковника, то пренебрежительно фыркнул, подумав, что она расклеится на первом же серьезном задании.

Так и вышло. Девка раскисла. Может, у неё месячные, или ещё чего? И сейчас, когда полковник внезапно навалил ей звёзд на погоны, у неё начались галлюцинации.

— Какая ещё к хренам дыра в небе? — Сказал он тихо сам себе, вглядываясь в темноту ночи. Хотя, даже он должен был признать, что здесь что-то было. Рядовая Фрай показала ему недавние фотографии со спутника. Сейчас из-за сильных помех получить картинку не получалось. Судя по фото, прямо над ними бушевал ураган. Причем, с диаметром в несколько миль. Дьявольщина какая-то.

Он полез в карман за сигаретами, и заметил красные языки тумана, клубящиеся под ногами.

— Что за?..

Туман бурлил и обволакивал всё, до чего дотягивался. Джофф поднял голову, и единственное, что он смог сказать, глядя на огромные алые врата, было:

— Оно прекрасно!

Она глядела на небо сквозь окно. Капитан угрюмо курил в стороне. Фрай показывала ему картинку на ноутбуке. Солдаты держали автоматы наготове. Все было вполне обыденно до какого-то момента. Но...

Что-то происходило. Прямо сейчас.

— Началось. Началось! НАЧАЛОСЬ! — Нервно закричал и задергался на заднем сидении сумасшедший.

Фокс вгляделась во врата и ужаснулась. Оттуда в этот мир сочилось нечто вроде густого красного киселя. Некая неведомая субстанция, стекавшая прямо из портала.

Все, кто находился в долине, одновременно подняли головы и безвольно опустили

руки.

"Они наконец-то увидели это!" — Подумала Алекс.

"Чем бы оно ни было, оно великолепно! Идеальная форма существования. Оно одинаково хорошо чувствует себя и в нашем мире, и в других, даже отдаленно непохожих. Оно, может быть, и находится вне времен, и вне горизонтов событий. И оно хочет есть. Да-да! Оно определенно голодно после сна. Сейчас Алекс выйдет из машины, и отдаст себя на прокорм вместе с остальными людьми. Оно уже начало есть! Удивительная красота! Она уже идет к нему. Идет... Кто-то или что-то её не пускает. Но, почему? Она же так хочет пойти туда. Пойти, и отдаться этой силе..."

Удар.

"Что происходит?"

Ещё удар.

— Какого... — И ещё один. — ...Хрена?

— Садись за руль, и поехали отсюда! — Кричал ей в лицо тот парень. Он снова занес руку для удара, но Алекс выставила ладонь перед собой.

— Всё, хватит! Я в норме! — Она не понимала, насколько она может быть уверена в сказанном. Она стояла сейчас снаружи авто, хотя не помнила, как выходила из него. А вот с тем парнем произошла разительная перемена. Из его глаз ушел сумасбродный блеск, и он казался нормальным.

— Садись в машину, и погнали отсюда! — Снова закричал он.

— Я не могу, у меня приказ... — Начала было Алекс.

— Нет времени! Сейчас этот грёбаный слизень пожрёт и нас с тобой, если мы не сделаем ноги! — Он тормозил её за руку и тянул к Хаммеру.

— Мы не можем их бросить! — Запротестовала Алекс.

— Там уже некого спасать! — Возразил он. — Оно уже съело их всех! — Алекс оглянулась, и всюду, насколько она видела, была разлита эта неизвестная субстанция. И только. Ни одной живой души. Мало того, ОНО приближалось к ним.

— Садись в машину и пристёгивайся. — Бросила Алекс, думая о том, что она определенно должна привезти этого чудака на базу. Без него ей никто не поверит.

Скотт Ганн моментально запрыгнул на штурманское сиденье, и машина, зарывчав, дернулась вперед. Алекс выжимала педаль до отказа. Плохо разбирая дорогу, она думала только о том, чтобы как можно быстрее уехать из этого проклятого места.

— Эй, что это было? — Алекс надеялась получить хоть какие-то пояснения относительно происходящего.

— Я не в курсе, что это за херня, если ты об этом.

— Но, как тогда ты не поддался на этот?.. — Она попыталась подобрать слово.

— Гипноз? — Закончил за неё Скотт. — Не знаю. Я вообще не знаю, как я оказался посреди этой сраной пустыни.

— Но, как тогда...

Машину резко тряхнуло.

— Что за?.. — Начал, было, Скотт.

А потом машина остановилась. Алекс попыталась завести её, но мотор никак не хотел заводиться. Она с силой ударила по рулю.

— Твою мать! — Выпалаила Алекс.

— Что стряслось? — Спросил Скотт.

— Она заглохла. — Алекс развела руками.

— Замечательно. — Пробубнил Скотт. — Просто охрененно!

ГЛАВА 4. РАСЩЕПЛЁННЫЙ.

30 июня 2019 г.

Приют для душевнобольных им. Джонатана Миллза.

Северная окраина Вайптауна.

Ему снова снилось красное. Много красного. Как поле из алых цветов, или как вода в море, когда на каком-то празднике в старом свете люди убивают китов и дельфинов прямо в солёной воде. Красное пришло с неба. С далёкой звезды, имя которой Сабет. Странная, аморфная, безжизненная, единоутробная, тлеющая. Звезда-попынь прорвала ткань реальности и нависла над городом. Старый город. Гадючий город. Город в песках и камнях под раскаленным красным солнцем. Его улицы и дома постепенно приобретали бордовый оттенок. Люди тоже становились красными. Всё становилось красным. Даже он сам.

Салли Корнрой проснулся среди ночи от тревожного чувства, что всё это взаправду. Он весь вспотел, и тяжелая мокрая пижама с трудом слезла с тощего и бледного тела. Только легче от этого не стало — в палате царила вязкая духота.

Который сейчас час он не знал. Чтобы узнать время — нужно идти в коридор. И идти аккуратно, чтобы сестра не заметила. Если увидит — отругает. Привязать к кровати, конечно, не привяжет, но на ночь может положить в ежевечерний стаканчик лишнюю пилюлю. И тогда он будет спать крепко. Но, без сновидений. А он так не хочет. Впрочем, дьявол с ним, со временем. У него и так его слишком много, чтобы попусту интересоваться положениями маленькой и большой стрелки.

И всё-таки.

Он всегда может сказать сестре, что просто шел в туалет.

Босиком, как в детстве, он вышел в коридор. Часы показывали два ночи. Словно он слишком долго думал над этим — ему и вправду захотелось в туалет. Салли тихо, но быстро прошел в уборную. Старый ковер глушил шаги. Сделав свои дела, направился обратно. Остановился возле часов. Они все ещё показывали ровно два часа.

Неужели видения вернулись? Доктор сказал, что всё снова будет нормально. Что он перестанет видеть вещи, которых нет на самом деле. И вот опять.

Для успокоения он притянул стул, и, взобравшись на него, приложил ухо к часам. Они молчали. Он успокоил себя тем, что завтра сестра сменит в них батарейку, и стрелки снова продолжат свой ход. Он отнес стул обратно в столовую и пришел в свою палату. Пятеро его соседей крепко спали. А мистер Дюшон упоительно храпел и не менее громко портил воздух.

Спать Салли уже расхотелось.

Сегодняшний переполох навеял на него старые воспоминания, которые не давали спать. Те, из-за которых он в итоге здесь оказался.

Впервые Гнилой Король пришел к нему в восемь лет. И поскольку отца своего он никогда не знал, он рассказал мамочке всё, что увидел. Мамочка села на стул, начала освящать себя крестом и звать Иисуса. А потом заглянула в ясные серые глаза своего сына, и горько произнесла:

— Вот он и к тебе явился...

А затем она секла его своим тонким кожаным ремнем с заклепками в виде маленьких крестов. Всё для него смешалось в один сплошной комок боли. Он помнил, как это было долго. Мамочка сказала, что если выгнать дурную кровь, всё пройдет. Прекратится. И Салли терпел. Он закусил туго скатанное кухонное полотенце, и молчал. И когда маменька закончила, полотенце было мокрым от слёз. А ремень — красным.

А после мамочка оставила его наедине с Иисусом, который жил в чулане. Салли провёл там всю ночь. И поскольку мамочка заперла его, а спать сидя он не мог, он до самого рассвета паялился в деревянное распятие с агонизирующим златокудрым человеком на нём. Утром мамочка вытащила его на свет божий, и оставила дома, заявив, что в школу он в этот день не идет. И на следующий — тоже.

В ночь второго дня к Салли вновь пришел Гнилой Король. Он ничего не хотел говорить мамочке, но та уже знала. Она узнала это по тому, что Салли говорил и кричал во сне. В этот день уже мамочка секла себя. Она плакала и приговаривала о том, что Гнилой Король не имеет над ней больше власти, потому как у неё уже есть один король. И имя ему Иисус. Салли всё это время сидел с ней рядом, и наблюдал, как ремень со свистом рассекает воздух, как рвет кожу на её спине. Как заклёпки оставляют рваные отметины. И ещё, он, заливаясь краской, наблюдал, как при всём этом, колышутся её огромные белые груди. Когда она закончила, спина её была похожа на исполосованный кусок красного мяса. Маменька

искренне верила, что Господь спасет её душу.

Что, впрочем, совсем не помешало ей спустя три дня после этого события снести себе голову из помпового ружья. Она забрызгала мозгами всю стену, и даже деревянное распятие, висящее над изголовьем.

Салли при виде этой картины наделал себе в штаны. И с полными же штанами встречал полицейских, которых вызвал к ним в дом с помощью большого желтого телефона в гостиной. Они увели мальчика в сторонку, отмыли его, а потом задавали вопросы. Много вопросов. А когда Салли рассказал им про того, кто приходил к нему по ночам, они вызвали пожилого мужчину, который задавал ему ещё больше вопросов.

А в конце они спросили, есть ли у него родственники кроме мамочки. И он ответил, что Иисус дал им только друг друга. Потом пожилой мужчина сказал, что он станет Салли отцом. Или дедушкой. И заберет к себе домой. Только Салли было уже всё равно. Лишь бы больше никто не пострадал из-за него, и из-за Гнилого Короля. Пожилой мужчина тогда сказал, что поможет ему справиться с его видениями.

И всё было относительно хорошо ровно до вчерашнего утра.

Сначала был завтрак и утренние пилюли. Всё как обычно. Уныло, однообразно, равно как и миллион дней до этого. Всё началось на прогулке.

Внутренний двор они называли "сад кактусов". Потому, как кроме кактусов и колючих кустарников, ничего не хотело расти в этой красной земле. Зато кактусов здесь произрастало целых семнадцать видов. Старик Хосе каждый день хвастал тем, что мог назвать их все на латыни. Древний и тощий дед, с залезанными назад остатками жирных седых волос, он так ни разу и не назвал их. В это утро он начал их есть.

Сначала этого никто не заметил. Он покинул беседку, в которой остальные спасались от жары, и принялся есть цветки с некоторых кактусов. Когда он, видимо, насытился ими, он принялся за стебли. Он кусал их зубами, жадно жевал, и когда Салли застукал его за этим, то рот старика был наполнен зеленой кашей, вперемешку с красными ниточками крови. Зеленые слюни стекали с подбородка и оставляли маркие следы на тощей цыплячьей шее старика, и на больничной пижаме.

Салли попытался оттащить его от растений, но тот, словно одержимый, упирался, мычал, и продолжал жевать свою жвачку, словно буйвол. Салли заметил, что у Хосе всё лицо было утыкано коллочками. И ещё они застряли в дёснах. Его передернуло от этого зрелища, но, старик, похоже, ничего не чувствовал. Глаза его были стеклянными. К Салли присоединились ещё пара пациентов, из тех, что посмелее. Вместе они оттащили старика и потащили его к старшей сестре.

Салли, уходя, услышал, как остальные начали громким шепотом обсуждать произошедшее. Ну, и пусть. Будет что обсуждать до вечера.

Старшая сестра поинтересовалась, как так случилось, что старик ни с того, ни с сего сменил свой привычный рацион, и пока Салли мялся и разводил руками, глаза Хосе прояснились, и он сказал:

— Гнилой Король велел мне есть кактусы, если я хочу выжить...

У Салли моментально вспотела спина. Сердце бешено заколотилось в груди.

— Давайте, мистер Хосе, я отведу вас в лазарет, и доктор посмотрит, чем мы можем помочь вам. — Сказала старшая сестра.

Когда она увела старика, Салли вышел на улицу.

Картину, которую он застал, стала для него ещё более пугающей, чем то, что произошло

со стариком. Все присутствующие (а их было двадцать человек, без Салли) стояли прямо под палящим солнцем, и смотрели вдаль. Взгляд их был устремлен сквозь забор из сетки прямо в пустыню. За забором сидел кот. Черный тощий кот, которого они подкармливали, когда он приходил к ним, сейчас сидел на камне и тоже вглядывался в долину. Все называли его просто "Мистер Пушистый", и только Полоумная Пенни упорно называла его "кошечкой".

Салли подошел к мистеру Дюшону, и тихо спросил, чего они там забыли. Тот нервно цыкнул на него, и произнес шепотом:

— Он идёт. Он скоро будет здесь.

— Кто, ОН? — Салли внутренне уже знал ответ, но боялся произносить это вслух.

— Ну, Гнилой Король же! Тебе разве не сказано было? — Сказал Мистер Дюшон, не поворачивая головы.

Салли попятился назад, а потом и вовсе удалился быстрым шагом обратно в здание лечебницы. Он наблюдал за безмолвно стоящими людьми в застиранных пижамах сквозь большие окна в столовой, сидя за пустым столом. Они всё стояли и стояли там. Это продолжалось около четверти часа. А когда Полоумная Пенни упала на землю, скорее всего от солнечного удара, Салли перепугался уже не на шутку. Он вскочил со стула, и тот с грохотом опрокинулся навзничь. Салли быстро прибежал к старшей сестре, и рассказал про то, что во дворе все подверглись массовому помешательству. Та пробурчала что-то вроде: "Да что сегодня за день такой?", и вызвала двоих санитаров.

И вот тут-то и началась самая занятная часть сегодняшнего происшествия. Когда Санитары пытались унести бесчувственное тело Пенни, все остальные как по команде, напали на них. Свалка продолжалась недолго. К санитарам на помощь высыпал остальной медперсонал лечебницы. Уже со шприцами наготове. К обеду все находящиеся на лечении были крепко привязаны кожаными ремнями к койкам, и накачаны убойными дозами транквилизатора. Некоторые так и уснули с открытыми глазами, глядящими прямо перед собой.

Когда старшая сестра успокоилась, она спросила у Салли, почему он не находился под солнцем вместе с остальными, и не участвовал в общем приступе. Салли ответил ей, что он не знает, как так получилось, и снова направился в столовую.

Он просидел там до вечера, мыслями находясь где-то далеко. Он понятия не имел, что произошло со всеми пациентами, и действительно ли Гнилой Король управлял поступками всех этих людей. А ещё в какой-то момент после обеда, он увидел, что кот спрыгнул со своего места, и неторопливой походкой исчез в направлении пустыни.

Салли попытался смотреть телевизор, но, не смотря на то, что это был первый раз на его памяти, когда пульт принадлежал ему одному, он никак не мог сосредоточиться на картинке. Он бесцельно щелкал каналами, но всё, что там транслировалось, смешалось в сплошной винегрет из бессмысленных кусков. Сегодняшнее странное поведение больных никак не шло из его головы. Он сдался, выключил телевизор, и, приняв лекарства, отправился спать в свою палату.

И вот сейчас, в два часа ночи (или сколько там уже времени?) Салли сидел на кровати в одних пижамных штанах и пытался снова осмыслить пережитое. Задумавшись, он пропустил момент, когда проснулся мистер Дюшон.

— Салли. Эй, Салли. — Позвал он его.

— Чего вам, мистер? — Салли испуганно вздрогнул.

— Развяжи меня, пожалуйста. — Умоляющим тоном произнес привязанный.

— Не могу. — Ответил Салли. — Сестра потом меня накажет.

— Ну, пожалуйста! — Мистер Дюшон не унимался. — Мне в туалет надо.

— Я могу позвать сестру, и она поставит вам утку, мистер Дюшон.

— Парень, не надо будить сестру. Со мной уже всё в порядке. Я просто схожу и сделаю свои дела, а потом вернусь обратно. Я быстро.

— Всё равно, мистер. Я не могу...

— Всё-то ты можешь, хренов шизофреник! — Неожиданно зашипел доселе мирный Вэйно Дюшон. — Развяжи меня немедленно, сопляк, иначе я намотаю твои кишки на ближайший кактус!

Салли испуганно сполз с койки, и, пятясь, направился прочь из палаты.

— А ну, не смей бежать от меня, грёбаный псих! Стой! — Салли всё пятился, не отводя глаз от извивающегося под ремнями мистера Дюшона. Вернее, от того существа, в которое он превращался.

Глаза его налились красным, а тело всё напряглось. Вены вздулись, и Салли слышал, как трещат ремни.

Он выскочил из палаты, и бросился по коридору в сторону закрытой коморки дежурной сестры. Коморка пустовала. Салли перевел дух, слышал громкий треск рвущихся ремней, и утробное рычание из палаты. Он побежал на кухню, и спрятался за огромным котлом из нержавеющей стали, что стоял в темном углу. "Сомнительное укрытие" — подумал он обреченно.

Несколько секунд всё было тихо. Потом послышались тихие шаги. Неторопливые, они раздавались всё ближе и сопровождались громким дыханием, будто этому существу не хватало кислорода в этом мире. Салли вжался в стену и замер.

Шаг. Ещё один. А потом тишину разорвал скрип дверных петель. В коридор, по-видимому, из туалета, вышла дежурная сестра. Салли отчаянно пытался вспомнить, кому так не повезло заступить на дежурство в эту ночь. Маргари? Роуз? Келли?

— Мистер Дюшон?! А что вы делаете посреди ночи в коридоре, и кто выпустил вас из палаты?

Удивленный голос с нотками властности. Как и положено при общении с умалишенными. "Всё-таки Роуз" — обреченно подумал Салли.

— Давайте, идите в палату! Или я вынуждена буду уложить вас силой!

"Бедняжка. Она не подозревает, что разговаривает уже не с человеком, а с неким отличным созданием, лишенным страха перед маленькой женщиной в белоснежной униформе." — Подумал Салли. Мысль о том, чтобы выползти из тени и помочь ей, пугала его ещё больше, чем то, во что превратился мистер Дюшон.

— Предупреждаю в последний раз, мистер... — Голос её умолк на полуслове, и раздался короткий вскрик.

Салли мог только представить себе то, как мистер Дюшон, подверженный нечеловеческой силе, прыгнул на неё, и тем самым прекратил поток глупых вопросов с её стороны. Словно в подтверждение его мыслей, в тишине что-то хрустнуло, а затем упало нечто, что было явно не мешком с мукой. Секунды тянулись для него бесконечно долго, и в тишине он слышал только, как громко колотится собственное сердце.

— Салли? Ты где?

Голос этот был словно скрип металла по стеклу, и он не принадлежал Вэйно Дюшону. Салли он пробрал до самого нутра. Он покрылся испариной, а от прикосновения мокрой

спины к холодной стене он вздрогнул.

Шаги становились всё ближе.

И ближе.

Салли отчётливо услышал, как это существо жадно втянуло воздух носом, пытаясь выследить его по запаху.

— Ты где-то рядом, гадёныш! Я чувствую твой мерзкий запах. — Скрипящий голос раздался совсем рядом.

Салли понимал, что монстр знает, где он спрятался. Иного пути здесь просто нет. Через секунду-другую он явится сюда, и Салли ожидает судьба сестры Роуз. Он аккуратно, чтобы не наделать шуму, поднялся на ноги и заглянул за емкость.

"Пока не видно" — Пронеслось в голове.

Теперь как можно быстрее, и как можно тише достать сковороду побольше. Салли сделал несколько быстрых шагов и оказался у стены, увешанной сковородами, шумовками и половниками.

"Ножей они здесь вряд-ли оставят" — Салли не питал по этому поводу никаких иллюзий. Он ухватил самую большую сковороду из имеющихся. Увесистая, сделанная, судя по всему, из титана с добавлением чугуна. Он прикинул её в руке и развернулся, намереваясь снова спрятаться в укрытии.

Салли замер.

Перед ним стояло то, во что превратился мистер Дюшон. Салли едва сдержался, чтобы не закричать. Даже при лунном свете он мог разглядеть это существо. Кости её, будто стали больше, и теперь выпирали, не помещаясь в старом теле. Голова осела вниз, вжалась в самые плечи. Глаза превратились в маленькие красные бусины, а нос — наоборот стал много больше, и задран вверх. Оно было похоже на летучую мышь, только без огромных ушей.

Оно снова потянуло носом, и в пугающей ухмылке открыло пасть. С зубами тоже было что-то не то. Их стало гораздо больше, и они напозлали один на другой, теснясь во рту.

Руки у Салли дрожали. Ноги сделались ватными. Одно дело, когда к тебе во сне приходит древняя неопишуемая сущность, и мотивы её до конца не ясны. Но, совершенно другое — когда старый мистер Дюшон, который всегда был добр к тебе, теперь вполне внятно выказывает свои гастрономические намерения. Салли перехватил ручку поудобнее, и что есть силы, наотмашь ударил существо по голове. Она, с хрустом, дернулась в сторону, и пока Салли отходил вбок, пытаясь уйти из этой западни, голова медленно поворачивалась обратно на него.

— Не смей так больше делать! — Прошипело оно.

А потом дернулось в его сторону с раскрытой пастью.

Салли успел только выставить сковороду перед собой. И существо ухватилось в неё зубами, и принялось трепать из стороны в сторону, словно собака. Под звуки ломающихся о металл зубов и глухое рычание, Салли бросился к выходу. Сестра Роуз лежала прямо на проходе, а рядом с неестественно вывернутой шеей, растеклась огромная лужа, окрасившая ковер в бордовый цвет. Он отвернулся и перепрыгнул через тело.

"Всё в этом городе становится красным..."

Он пробежал коридор насквозь, и обернулся только раз, когда услышал, что сковорода звонко ударилась о стену, отправленная в полёт разочарованным монстром.

Двери в парадный коридор. Салли потянул за ручку, и с удивлением обнаружил, что они открыты. Он поблагодарил Иисуса, и всех прочих святых, за то, что сегодня, в суматохе кто-

то забыл её запереть. Пробежав до парадных дверей, он резко выкрутил ручку, но дверь не открылась. Когда дверь не открылась со второй попытки, Салли обреченно понял, что ключи могли быть у сестры Роуз. Воспоминание о ней скрутило его желудок в холодный тугий узел.

Он обернулся, затылком чувствуя тяжелые шаги и дыхание существа. И оно появилось, застыв в дверном проёме.

— Теперь ты уже не убежишь от меня. — Существо снова повело носом.

И прыгнуло на Салли.

То, что произошло впоследствии, он почти не разглядел. Он услышал щелчок замка с той стороны, и в открывшуюся дверь словно ворвался ветер, принесший облако густого серого песка и пыли.

Существо отлетело в сторону, и от мощного удара о стену у него с громким хрустом треснул череп. Оно дернулось, обмякло, а потом Салли разглядел растекающуюся под ним лужу крови.

Он поднял голову и увидел человека. Вернее, он выглядел как человек. Серая мантия с капюшоном, черные штаны и пыльные ботинки. Лица не видно.

— Я не знаю, кто вы, но спасибо вам огромное. Это... существо. Оно хотело... — Испуганно начал Салли.

— Не благодари, Расщепленный. Дай мне руку, и я уведу тебя из этого места. — Сказал пришедший хриплым голосом.

— Куда вы меня отведете?

— В безопасное место. — Ответил тот. — Грядет буря, Салли Корнрой, и мне нужно забрать у неё прочих моих детей, помимо тебя.

СЛОМАННЫЕ ВЕЩИ.

1 июля 2019 г.

Вайптаун.

Шериф Вайптауна Майлз Хастор снова не спал. День был настолько насыщен событиями, что его не сморило даже после большой чашки чая, щедро сдобренной виски. Нехотя, он встал, и переоделся из ночной пижамы в джинсы и рубашу. Раз уж не спать, то нужно занять себя чем-то полезным. Он сварил себе кофе в турке, и вышел на крыльцо с дымящейся чашкой. Ночной воздух охлаждал, и чиф сходил за пледом. Когда тебе за шестьдесят, старые кости ломит от любого холода. Особенно, пустынного.

Бессонница стала его спутницей ровно три года назад, когда Маргари тихо и спокойно ушла во сне. Являясь шерифом, он лично констатировал смерть собственной жены, вызвал скорую, и только когда тело забрали медики — разрыдался. Негоже людям видеть, как огромный, хотя, и в возрасте мужик, плачет. Он свято считал, что такие вещи мужчина должен делать в исключительном одиночестве. То, чем ещё он может заниматься только в одиночестве, он бросил в подростковом возрасте.

И когда "Старая Сука" забрала его жену, пришла вторая — "Ночная Сука". Она сегодня не то, чтобы просто пришла. Она никуда не уходила со вчерашнего вечера.

Чиф устроился в старом кресле и закурил. Когда он женился — Маргари отучила его от этой пагубной привычки. Однако три года назад Майлз освободился от клятвы и снова занялся уничтожением "раковых палочек". Спустил сорок лет воздержания. А сегодня был, своего рода рекорд по выкуренным сигаретам. Привычка считать их пошла со времен борьбы с курением. И теперь курить можно — но, прекратить считать сигареты — нет.

А ещё у него ужасно ныли колени. У чифа они предсказывали бурю. Он задумчиво вглядывался на север, но никаких предзнаменований не замечал. И, определенно, ему это не нравилось. Он чувствовал, что что-то должно произойти. Каждое поколение семьи Хасторов, будучи шерифами, переживало некое громкое событие. Начиная с его далекого предка Эббота Хастора, который ещё не носил звание шерифа, а именовал себя законником, отловившем и отправившем на тот свет более сотни убийц и прочего отребья. Однажды в одиночку он расстрелял банду из двадцати человек и при этом выжил. И заканчивая отцом Майлза — Руфусом, поймавшим "Фартука" — серийного убийцу Роберта Фармора прославившегося тем, что жертв своих тот мучил и убивал, будучи одетым в мясницкий кожаный фартук грубой выделки. Настало время подвига Майлза Последнего, которому Маргари так и не подарила детей.

Кофе ещё не остыл, а первая сигарета уже закончилась. Чиф закурил ещё одну. Во рту появился горький привкус, сродни предчувствию нарастающей беды. Сегодняшний день и так был наполнен событиями, которые заставили его впервые за долгое время наполнить пепельницу до краёв. Если утро началось с нескольких чашек кофе и пары сигарет, то после обеда словно прорвало плотину. Всё началось с кошек. Вернее, с их владельцев. Майлз Хастор выслушал и принял заявления о пропаже котов более чем у четырех десятков человек. Старая Джинн Вормот даже начала строить теорию о серийном похитителе котов прямо в кабинете чифа. Сам он терпеть не мог этих четвероногих бестий, и пропажа пушистых питомцев его волновала мало. Будь его воля, он бы вообще пустил их всех под

каток и закатал в асфальт. Майлз терпеливо кивал и соглашался, не желая ввязываться в спор с выжившей из ума старухой. И когда поток котовладельцев, казалось, иссяк, несколько человек, стесняясь и уверяя, что не являются сумасшедшими, рассказывали, что наблюдали людей, которые в некотором роде не являются людьми. Все они говорили примерно одно и то же. Существа со страшными искаженными лицами.

Вспоминая особо яркий рассказ аутичной Мэйси Потт, Майлз вздрогнул в ночной прохладе. Перед глазами встало искаженное лицо с красными глазами и россыпью шипов на лбу и голове. Существо смотрело ему прямо в глаза.

— Что, мать его, началось в этом городе? — Спросил чиф сам у себя.

Что-то, определённо, началось. Нечто нехорошее, и скоро всё станет гораздо хуже.

Начиналась буря.

Уличный фонарь, облепленный ночными мотыльками начал медленно тускнеть. Чиф подозрительно уставился на него. Фонарь снова зажегся нормальным светом.

Хастор глянул на часы. Пятнадцать минут второго. Фонарь моргнул и потух окончательно.

— Интересно, этот день когда-нибудь закончится? — Ответом ему было лишь пение цикад в ночной тишине.

Майлз Хастор ещё несколько минут сидел при лунном свете, допивая кофе, а затем вошел в дом. Подсвечивая дорогу фонариком, установленном на сотовом телефоне, он бросил плед на первое попавшееся кресло, и отправился в спальню за большим фонарем.

"Майлз, не разбрасывай вещи, где попало" — Прозвучал голос в его голове. Все эти фразы Маргари намертво въелись в его мозг, и последнее время он слышал их даже после того, как жены не стало. В какой-то момент чиф задался вопросом, могла ли она общаться с ним исключительно этими фразочками: "Это что такое?", "Куда подевалась та штука?" и "Сегодня на обед — рис". После непродолжительных внутренних диалогов Майлз понял, что может. Вот и сейчас снова.

В холостяцком бардаке, фонарь он нашел не сразу. Ругаясь, и перекидывая кипы вещей с места на место, он всё-таки обнаружил то, что искал. Увесистый светодиодный фонарь на аккумуляторе. К его облегчению батарея была заряжена, и белый рассеянный свет разогнал тьму спальни. Чиф присел на кровать и несколько минут сидел на краю.

А потом он услышал голос:

— Майлзззз...

Голос звал его, и источник звука был где-то внизу. Возможно, в прихожей.

Чиф аккуратно спустился вниз, подсвечивая себе дорогу, и гадая, не разыгралось ли с ним его воображение. Самый насыщенный за последние годы день, мог и навеять что-то такое. Старые ступени скрипели, прогибаясь под грузным телом шерифа. И снова:

— Майлзззз...

Голос Маргари.

Его Майлз узнал бы из многих других. Хастор покрылся испариной, и дергано осветил углы, в поисках чего-то, что могло бы дать объяснение всему происходящему.

— Майлз, иди ко мне!

Во рту пересохло, и проглотить горький ком в горле не удавалось. Голос шел будто издалека. Чиф осветил фонарем большое зеркало в прихожей и там что-то шевельнулось. Он вскрикнул и попятился. Отражение тоже сделало несколько шагов назад.

Собственное отражение, нечеткое от рассеянного света фонаря. Темный силуэт

двигался синхронно с шерифом. Тот выдохнул и подошел ближе.

Всё в порядке.

Всего лишь отражение.

— Майлз! Ты там?

Голос пробивался словно через толщу воды. Чиф поднял фонарь над собой и вгляделся вглубь зеркала. Несколько секунд ничего не происходило. А затем у него из-за спины в отражении вышла она. Маргари.

Она предстала ему в том возрасте, когда он повстречал её впервые. Глаза цвета морской волны, светлые кучерявые волосы и обаятельная улыбка. Только сейчас она совсем не улыбалась.

Майлз обернулся, но рядом с ним никого не было. Она была там. В зеркале.

— Майлз, это ты?

Её глаза отчаянно бегали, пытаясь найти родного человека. Она смотрела на него и будто не замечала.

— Маргари... — Прошептал он и приложил ладонь к холодному стеклу. Взгляд её изменился, и она заметила его.

— Мой шериф. — Теперь голос изменился. Он был совсем рядом, но из него ушло то тепло, с которым она всегда произносила эту фразу. — Выпусти меня отсюда!

— Маргари, ты ведь... — Майлз отвел руку, и сделал шаг назад. На зеркале осталось теплое пятно от его ладони. Он отказывался верить в происходящее, надеясь сохранить свой рассудок.

— Мне так холодно здесь, Майлз! Пожалуйста, выпусти меня! — Отражение мёртвой жены начинало впадать в панику. Она обняла руками себя за плечи, и взгляд её был устремлен прямо на чифа. Она сделала шаг вперед. Лицо её начало медленно стареть и морщиться.

— Нет, Маргари, ты умерла! — Чиф замотал головой, отказываясь впускать в этот мир потустороннюю сущность.

— Я не умерла, Майлз! Просто здесь холодно, и ты обязан впустить меня к себе! — Она начала кричать и стучать ладонью по зеркалу.

С той стороны.

— Нет! — Решительно закричал шериф. — Кем бы ты ни было, убирайся обратно!

— Впусти меня! — Теперь лицо её было лицом древней старухи, искаженное яростью. Она ударила кулаком по стеклу. Зеркало отозвалось жалобным звоном. — Впусти меня! Впусти, ты старый сукин сын! — Голос напоминал птичий, только очень низкий. Утробный. Рука её выгнулась, сквозь кожу прошли кости, ладонь стала шире и больше. Пальцы стали похожи на огромные птичьи когти. Красные с чёрным, они с омерзительным скрипом царапали зеркало с той стороны.

Сущность в зазеркалье начала истошно кричать, и ударила лбом в зеркало. Оно пошатнулось на стене, и шериф дернулся — оцепенение наконец-то спало с него. Он выскочил на улицу, и, спотыкаясь, бросился к своему джипу, не выпуская фонарь из рук. На заднем сидении лежал заряженный дробовик. Майлз вцепился в него, словно в спасительную соломинку. Он снова бросился в дом, где гулко звенело стекло.

Тварь уже мало походила на человека. Осталась только общая антропоморфность. Она с невероятной силой билась о стекло, в надежде пробить брешь между мирами. Майлз Хастор поставил фонарь на стол, и направил на существо. Он перевернул затвор и направил ствол в

портал, где металось создание, яростно колотящее по стеклу.

Раздался хруст. В том месте, куда в очередной раз монстр приложился головой, начала разрастаться трещина. Майлз понимал, что сейчас тварь пробьет стекло и вырвется в этот мир. В голове лихорадочно металась обрывки сегодняшних рассказов о страшных монстрах. Теперь они воплотились во вполне определенные формы. К тому же, настроенные достаточно агрессивно. Он знал, что не промахнется. При всём своём возрасте, и лишнем весе, стрелять он не разучился. К тому же, с расстояния в пару шагов. Только руки его тряслись, и сердце бешено колотилось в груди.

"Только не бойся! Не важно, чувствует оно твой страх или нет — не бойся. Оно тоже смертно, и дробь возьмёт эту дрянь, чем бы оно ни было!" — Чиф утешал сам себя, но руки всё равно тряслись.

Он глубоко вздохнул.

Тварь устремилась к трещине.

— Господи, Иисусе, помоги мне. — Прошептал Шериф.

Он спустил курок.

Грохот выстрела смешался со звоном взорвавшегося зеркала. Перед тем, как потух фонарь и наступила кромешная тьма, Майлз увидел искаженное, и окровавленное дробью лицо этого существа. Осколки градом разлетелись по комнате, и кровь, вперемишку со стеклами попали ему на лицо. Он закричал, и выбежал из дома на улицу, грузно привалившись ко входной двери. Он чувствовал, что из порезов на его лице сочиться его кровь, смешиваясь с чужой кровью.

Чиф так и стоял, замерев, не в силах совладать с потоком адреналина. В ушах звенело. Он надеялся, что этим всё закончится. Когда он смог различать звуки, в тишине раздался голос:

— Майлзз... — Рот говорившего, казалось, был забит песком. — Он придёт...

И шериф закричал.

Он в три прыжка преодолел расстояние до джипа, и запрыгнул внутрь, бросив дробовик на штурманское сиденье. Ключи были в зажигании. Автомобиль завелся только со второго раза. Чиф сделал резкий разворот, и глянул в зеркало заднего обзора. Там была видна только поднимающаяся столбом пыль. И его испуганное лицо в крови. Он боялся, что сейчас увидит, как за машиной, на большой скорости мчится монстр, пришедший с той стороны зеркала. Его трясло от одной только мысли, что в его собственный дом проникла неведомая тварь, которая чуть было, не прорвалась в этот мир, и которую не взяла дробь. Впрочем, и в том, что она до сих пор жива, Майлз Хастор тоже не мог быть уверен до конца.

Он ехал, не разбирая дороги. Когда дрожь в руках ушла, и он смог внятно мыслить, он понял, что держит курс на север. В пустыню. И ему не было до этого никакого дела. Главное — подальше от дома. В бардачке он нашел початую пачку сигарет, и прикурил от автомобильного прикуривателя. Салон наполнился густым синим дымом и мнимым спокойствием. Никотин помогал думать. Думать о том, что делать дальше.

Из потока мыслей его вывел свет. Красное сияние, разлитое в долине черепахи, сработало для Майлза, как сигнал "стоп". Он настолько резко вдавил педаль тормоза в пол, что полноприводный внедорожник жалобно заскрипел тормозными колодками, и его занесло вбок. Майлз вышел из машины и взгляделся в зарево. Где-то далеко в небе разверзлись врата, и сквозь них в этот мир проникало нечто. По сравнению с ним, тварь из зазеркалья показалась ему мелким мотыльком, заглянувшим на свет.

Чиф застыл на месте, и смог произнести только:

— Пресвятая Дева Мария, что это, мать твою, такое?!

Словно в ответ, ветер бросил ему в лицо песок, и боль в коленях усилилась. С севера надвигалось черное. Буря.

Инстинкт самосохранения подсказывал, что необходимо уносить отсюда ноги. И как можно, скорее. Майлз запрыгнул в машину, и поехал обратно в город. Домой он возвращаться не хотел ещё и по причине того, что там, как и во всём городе не горели огни. А вот в участке должен быть аварийный источник электричества, и самое главное — оружие. Сегодня на смене его помощник — Хьюи. Он сообразительный мальш, и на него Майлз Хастор может положиться всецело.

Только автомобиль внезапно остановился. Двигатель чихнул, натужно застучал, и заглох. Снова запускаться он отказывался категорично. Чиф выругался, и, забрав ружьё, выпрыгнул из кабины. Затем открыл багажник, в поисках тряпок, которыми можно замотать лицо. Среди прочего он нашёл свою старую клетчатую рубашку, которую ему когда-то давно подарила Маргари, и которую он никак не решался выбросить.

— Прости, старушка. — Сказал он толи ей, толи Маргари.

Он оторвал рукава и закутал лицо и лысину в красную клетчатую ткань. Перехватив дробовик поудобнее, он двинулся в сторону Вайптауна. Придется идти пешком как минимум миль двадцать. Давненько он не припомнил таких долгих прогулок по ночной пустыне.

Буря настигла его очень скоро. Она налетела внезапно, и за несколько секунд обволокла его целиком. Майлз Хастор протер глаза от пыли, но разобрать что либо, даже на длину вытянутой руки было тяжело.

Он пробубнил нечто несвязное и неприличное по поводу погодных условий, и продолжил двигаться в примерном направлении. Песок забивался в глаза и уши. И понять, сколько прошло времени, и сколько он прошёл, было сложно. Чиф опустил голову, и медленно брёл вперед. Пока не налетел на нечто твердое.

Он вскинул дробовик, и тот уперся в чью-то грудь.

Незнакомец был одет во всё серое и пыльное. Лицо скрывала тень от капюшона. За руку он вел паренька, насколько можно было судить, одетого лишь в потрепанные пижамные штаны. Тот закрывал рот и нос ладонью, и по нему было видно, что он очень устал.

— Стой! — Закричал Шериф. Незнакомец подошел к нему вплотную, отодвинув рукой направленный в него ствол.

— Майлз Хастор. Последний законник Вайптауна. Этому мальчику нужна твоя помощь. Отведи его в безопасное место, и помоги ему пережить бурю. Я скоро вернусь. — Незнакомец развернулся, и растворился в бушующем потоке песка.

— Стой! Кто ты такой! — Майлз пытался перекричать ревущие потоки воздуха, но получалось плохо. К тому же, знакомого уже не было видно. — Как ты, парень? Идти сможешь? — шериф перевел взгляд на Салли.

— Пожалуй, смогу, сэр. — Сказал он, глядя на шерифа усталыми глазами. Чиф снял с себя рубаху, и повязал ему на голове. — Спасибо, сэр — Сказал парень.

— Как тебя зовут? — Спросил Шериф.

— Салли Корнрой, сэр.

— Откуда ты?

— Из приюта. — Салли слишком устал, да и не хотел уточнять, из какого именно приюта.

— А как ты оказался здесь, посреди пустыни? — Не унимался Шериф.

— Человек провел меня через изнанку.

— Через что? — Переспросил Майлз.

— Он назвал её "короткой тропой". — Ответил Салли.

В голове Майлза мелькнула мысль, что позже нужно расспросить паренька обо всём более подробно. А пока они должны добраться до города.

Пока буря не пришла и туда.

КРАСНЫЕ ТЕНИ.

1 июля 2019 г.

Долина Черепах.

— Держи! — Алекс ловко метнула Скотту пистолет в кобуре, да только тот его не поймал, и "пустынный орел", угнездившийся во внушительном чехле упал в песок. — Твою мать, как тебе вообще можно доверить что-либо? — Алекс была в ярости. Он так долго кланчил у неё оружие, и теперь она сомневалась, правильно ли она вообще поступает.

— Ну, простите, мадам, что я не разбираюсь в двигателях. — Скотт провёл несколько мучительно долгих минут, взглядываясь во внутренности внушительного двигателя хаммера. И всё, что он понял — что он ни черта не сечет в автомобилях. К тому же, ночью. Да ещё и

луна спряталась за тучами. Признаться в этом взбалмошной бабе в военной форме было немного стыдно, но другого выбора не было.

— Охренеть! — Воскликнул Скотт, когда взвесил в руке, а затем разглядел само оружие. — Откуда у тебя такая «птичка»?

— Подарок от папы — Буркнула Алекс. — Смотри не отстрели им себе что-нибудь.

— Не переживай, дорогая, я умею обращаться с такими игрушками. — Напыщенно выдал Скотт, и снова уронил пистолет на землю.

— Руки из задницы... — Сказала Алекс больше сама себе.

— Зато ты у нас прямо золотце! — Не выдержал Скотт.

— Я тебе не золотце, дорогой! — Злобно прошипела она. — Я — офицер армии.

— И как же вас звать, лейтенант? — Спросил Скотт, пытаясь приспособить кобуру с пистолетом на пояс.

— Соня Блэйд. — Внезапно для себя выдала Алекс. Скотт замер, а затем расхохотался. — Ну, и чего такого смешного я сейчас сказала? — Спросила она.

— Прости, ничего. Я просто... Ну, меня зовут Скотт Ганн. Не чувствуешь, как занятно получилось? Пистолет и нож? Ну? — Скотт ожидал, что мисс бравый офицер армии непобедимой страны хотя бы улыбнется, но она только нахмурилась ещё больше.

— Идиот. — Сказала она сама себе. — Поздравляю тебя, Соня, ты спасла имбецила.

— Я, между прочим, всё слышу! — Скотту всё-таки удалось приторочить кобуру, и теперь она успокаивающе оттягивала штаны. — И попрошу заметить, именно я растормошил тебя, когда ты пыталась отдаться этой бурлящей массе. И вообще, какого хрена вы все там делали? — добавил Скотт.

— Могу задать тебе тот же самый вопрос. — Алекс встала в вопросительную позу.

— Сказать честно, не имею ни малейшего представления. — Обреченно сказал он. — Последнее, что я помню, что я пошел за кошками. А потом пришел в себя уже в твоей машине. Когда ты вылезла из неё, и попыталась...

— Я поняла, поняла! — Вспылила Алекс. — Большое спасибо, что спас меня. Так лучше?

— Я, конечно, не просил благодарности... — Начал Скотт.

— Ты просто невыносимый мудака! Приятно оставаться.

Скотт ещё минуту наблюдал, как мисс Блэйд спешно надевает тактический рюкзак. Она запуталась в лямках, и тихо, но сочно ругалась.

— У тебя лямка перекрутилась. — Скотт сделал невинное лицо.

— Пошел нахрен!

Алекс подхватила автомат и торопливым шагом направилась на восток.

— Далеко собралась! — Крикнул Скотт ей вдогонку. Вместо ответа она показала ему средний палец.

— Постой, ты куда так быстро двинула? — Скотт нагнал её, спустя несколько минут.

— Не твоего ума дело. — Отрезала она.

— Нет, кроме шуток, куда ты идешь? Город в другой стороне.

— А мне и не нужно в ваш паршивый городишко. — Она остановилась и мрачно взглянула на него. — Я иду обратно.

— Это куда же? — Спросил Скотт.

— В форт Лас-Крусес.

Скотт присвистнул.

— Это же почти сто миль отсюда.

— Ничего, доберусь как-нибудь. — Алекс снова взяла быстрый темп.

— Я с тобой. — Скотт поравнялся с ней.

— Зачем? — Спросила она.

— Ты предлагаешь мне вернуться обратно? Нет, уж, хрена лысого. — Сказал Скотт. — Доберусь до твоего Форта, а там гляну. Подамся куда-нибудь в другое место. Знаешь, я очень рад, что мы выбрались из этой... От этого. Из этого дерьма. — Скотт наконец-то подобрал подходящее слово. Как доберусь до цивилизации, сообщу на телевидение о том, что здесь произошло. А потом...

— Послушай. — Прервала его Алекс. — Ты можешь перестать трепать языком?

— А ты можешь перестать быть такой сукой? — Ответил он вопросом на вопрос.

Вместо ответа Алекс зарычала, и быстрым движением достала армейский нож из-за голенища. Она приставила его к горлу Скотта раньше, чем он успел что-либо понять. Он сглотнул, но не испугался.

— Послушай, Скотти. — Голос её был ровным и спокойным. — У меня сегодня очень дерьмовый день. Я сегодня потеряла тех немногих друзей, что у меня были, и теперь я посреди этой грёбаной пустыни. А ещё я чудом уцелела, когда эта неведомая срань проникла в наш мир. И теперь мне нужно пешком тащиться черт знает куда. А ты, мало того, что увязался за мной, так ещё и не можешь заткнуть свой рот ни на минуту. Пожалуйста, Скотти, сделай мне маленькое одолжение — помолчи хоть немного! — Последняя фраза пошла гулять эхом по пустыне.

— А где ты так научилась обращаться с ножом? — Спросил он, когда она выговорила.

В её глазах всего на секунду мелькнуло намерение, всерьёз прирезать его. Вместо этого она выдохнула, и опустила нож.

— Папочка, когда мне было шесть лет, отобрал у меня куклу, и вместо этого, вручил мне раскладной ножик. И сказал, что не отдаст её, пока я не научусь управляться с ним. Я плакала и училась. Резалась, и училась. Пока не научилась. — Она механически засунула тесак обратно в ножны, и отстраненно зашагала дальше.

— А папа у тебя был большой оригинал. — Скотт поплелся за ней следом.

— Он ещё жив. — Сказала Алекс.

— Это славно. Ну, а теперь-то он доволен тобой?

— У него альцгеймер. Он... — Алекс тяжело вздохнула. — Ладно, проехали.

Скотт хотел было что-то сказать по этому поводу, но промолчал.

Следующие минут двадцать они шли молча. Скотт размеренно шагал, смотрел в пол и думал о том, что его коты, наверное, остались там в долине. И их постигла та же судьба, что и солдат. Алекс остановилась так резко, что Скотт налетел на её рюкзак.

— Ты чего? — Спросил он в ответ на её мрачный и задумчивый взгляд.

— Компас не работает. — Ответила она с такой безнадежностью в голосе, будто бы потеряла единственный ориентир в этом мире.

— И что? Ты же знаешь, куда идти. — Невозмутимо сказал Скотт.

— Примерно. Но, без компаса мы можем блуждать здесь до утра. Телефон здесь тоже не ловит. — Она потрясла перед ним сотовым телефоном в бронированном чехле.

— И что это значит?

— Это значит, что мы в полной жопе, Скотт Ганн.

— Ну, я предлагал двинуть обратно в город. — Сказал Скотт, когда минут через десять

Алекс обреченно уселась прямо на песок.

— Да пойми же ты, придурок! — Заорала Алекс. — Вашему городку — конец. Можешь считать, что его вообще уже нет! — Скотт нахмурился и угрюмо посмотрел на неё. Красивая, с высоким хвостом цвета воронова крыла, выглядывающем из армейской кепки, и с зелеными глазами, готовыми вот-вот разреветься. — Через день, может два, эта неведомая срань сожрет его, как и тех солдат! — Она указала рукой в направлении, соответствующему, как ей казалось, месту событий.

Скотт замолчал. Если она права (а на этот счёт сомнений у него осталось крайне мало), то нужно уходить из этой проклятой долины куда подальше. Он сел рядом с Алекс, и сказал ей:

— Хорошо. Я помогу тебе выбраться отсюда.

— А разве я просила тебя сопроводить меня? — Спросила она удивленно. Скотт не нашелся, что ей ответить. Он открыл, было, рот, но слова не шли. Он достал сигарету, и принялся шарить в карманах штанов в поисках зажигалки. Когда дело дошло до заднего кармана, он услышал шаги. Нетрезвые, шаркающие. Он обернулся.

— Твою мать! Стой, где стоишь, сука! — Закричал он, пытаясь вынуть пистолет из кобуры. В фильмах герои всегда делали это быстро. Сейчас же, в панике, он боролся с застежкой. Сигарета изо рта упала на песок.

Алекс обернулась на крик. Она выпрямилась как струна, и вскинула автомат. Она ожидала увидеть всякое, но только не это.

Капрал Махони. Вернее, то, что от него осталось. Правой части тела практически нет. От руки — только часть плеча, мясо с правой ноги слезло до кости. Торс и грудь разъедены.левой рукой он зажимал раненый бок, а ногу подволакивал. Словно прокаженный, он весь был покрыт язвами и волдырями красного цвета. А ещё правое ухо оплавилось, и очки сползли на одну сторону. От формы большей частью остались одни лохмотья. Ни автомата, ни рюкзака с рацией е было.

— Не стреляй! — Закричала Алекс Скотту.

— И не смог бы. Чертова кобура. — Пробубнил Скотт себе под нос.

— Махони, мать твою, что это с тобой? — Алекс подбежала к нему. Она хотела схватить и обнять его, но в последний момент одёрнула руку, боясь прикоснуться к его ранам. Он медленно поднял голову и попытался поправить дужку очков на отсутствующем ухе, но та снова сползла набок. — Мэтью, это я! Что случилось? — Снова позвала его Алекс Махони повертел головой, и взгляд его тяжело сфокусировался на её лице.

— А, это ты... — Он попытался улыбнуться, но правая сторона лица словно онемела, и улыбка вышло кривой.

— Что там произошло? — Алекс начала плакать.

— Это всё этот чертов красный. — Он замер, словно пытаясь вспомнить слово. — Туман. Он разъел меня. И остальных.

— Кто ещё выжил? — Спросила она.

— Выжил? — Он удивленно поднял бровь и попытался засмеяться. Изо рта брызнула кровь, и он зашелся в кашле. — Человек десять, может. Но, им, как и мне — пи*дец. Эта штука, она была голодной. И она пожрала почти всех. А ведь есть на ночь вредно... — Капрал снова попытался засмеяться, но кровь хлынула изо рта, и он замер. А затем просто завалился набок. — Алекс смотрела на своего мертвого друга, и понимала, что и сама могла точно так же закончить свои дни на этом свете.

— Мне очень жаль твоего друга. — Скотт положил руку на плечо Алекс. Та вздрогнула от неожиданности, и смахнула её.

— Пойдём отсюда. Живо! — Алекс закричала неожиданно громко даже для самой себя. И она зашагала прочь. Чтобы Скотт не видел, как она рыдает.

— Соня! Соня Блэйд! — Алекс не сразу сообразила, что обращаются к ней.

— Что? — Она повернула голову на Скотта.

— Посмотри туда. — Он показал рукой назад.

Алекс взглянула в указанном направлении и замерла. От горизонта прямо на них шла стена песка. Стремительно засыпая всё на своём пути, буря росла. До них долетел слабый поток ветра, поднимавший песчинки у ног.

— Бежим! — Закричала она, и резво дала дёру.

Скотт едва поспевал за ней. Несколько долгих минут изнуряющего бега не спасли их. Песок накрыл их внезапно, и со всех сторон. Алекс на ходу закуталась в камуфляжный шарф, по типу куфии, только это не спасло её от того, что песок забился ей в глаза. Их щипало, они болели и слезились. Скотту укрыть лицо было нечем, поэтому он закрыл рот и нос рукой. Второй — взял Алекс за руку. Она не возражала.

— Продолжаем идти прямо! — Алекс пыталась перекричать ветер, но Скотт уловил только обрывки слов. Он понял её интуитивно. Сам бы он сказал то же самое. Песок забивался в глаза и уши. Скотт ощущал песок на языке и то, как он мерзко скрипел на зубах.

Он думал о том, сколько они ещё протянут. С такой силой ветра и видимостью, близкой к нулевой — достаточно недолго. Оставалась только надеяться, что скоро всё стихнет. Или они удалятся от центра бури раньше, чем задохнутся.

Первым подозрительные тени заметил Скотт. Выглядело это так, будто в песке метались огромные красные пятна. Он пытался поймать и зафиксировать их взглядом, но тщетно. Слишком они быстрые. Через несколько секунд их стало больше. Скотт отпустил руку Алекс и полез в кобуру. На этот раз расстегнуть её ему удалось с первого раза. Алекс обернулась и удивленно взглянула на него, а затем опустила взгляд на пистолет, который тот крепко держал в правой руке.

— Какого хрена ты делаешь?! — В глазах её читалось недоумение. Скотт резким движением поднял ствол и направил его в её сторону. — Ты с ума сошел?

Выстрел прозвучал достаточно громко даже в таком шуме. Руку Скотта дернуло назад. Не будь он готов к этому, кисть, возможно, оказалась бы вывихнутой. А ещё вспышка пламени, вырвавшаяся из ствола, разорвала сумрак словно молния. И не смотря на то, что Скотт нещадно сощурил глаза, вспышка всё-равно отпечаталась на сетчатке.

Алекс, с ухнувшим куда-то вниз, сердцем, и почти ничего не видя, начала моргать. Когда зрение вернулось к ней, она медленно повернулась и нашла глазами мишень.

Она скорее инстинктивно поняла, что когда-то это существо было кошкой. Сейчас этот монстр представлял собой лишенную шерсти тварь, с красной кожей, огромными когтями, и внушительного размера пастью. Пуля разворотила ей грудь, разорвав почти пополам.

— Да ты совсем охренел! А если бы меня зацепило? — Алекс подошла к Скотту вплотную, по пути сняв автомат с плеча.

— Могла бы и спасибо сказать. — Скотт угрюмо отвернулся. — Их тут ещё много.

Красные тени мелькали вокруг них. Скотт снял ещё одну, а третья молниеносно метнулась, увернулась от пули, и почти зацепила его ногу когтями. Застрекотал автомат. Значит, лейтенант Блэйд тоже разглядела тварей. Скотт прижался спиной к Алекс и,

наткнувшись на её рюкзак, испытал едва заметное чувство уверенности.

— Хер вы меня достанете, долбаные уродцы. Я ещё не собираюсь помирать! — Скотт ещё продолжал проклинать тварей, но голос его терялся в автоматных очередях, и шуме ветра.

Алекс палила хаотично, вразброс. Песок и слёзы в глазах мешали нормально прицелиться, и она полагалась на то, что даже так снимет хоть какое-то количество монстров. Только по случайным вспышкам крови, она понимала, что зацепила кого-то.

Внушительного размера срань-кошка прыгнула Скотту прямо в лицо. Выстрел разметал её голову, словно переспелый томат. Он почувствовал, как его лицо обдало горячей кровью. Он пристрелил ещё троих, вынырнувших буквально из воздуха, одну за другой. Очередное красное пятно вышло из стены песка, сформировавшись в смертоносного зверя. Скотт нажал на курок, но пистолет не выстрелил.

— Вот дрянь. — Скотт перехватил пистолет за ствол, в надежде орудовать им как молотом, но, тут же обжегся о горячий ствол. Он выронил пистолет и затряс обожженные пальцы. Автомат за спиной стих. Видимо, у Сони Блэйд тоже кончились патроны. Скотт даже не знал, есть ли у неё запасные обоймы. Слово в подтверждение, она закричала:

— У меня пусто!

Скотт молчал. Он обреченно смотрел на то, как красных теней становится всё больше. Оборачиваться к Соне ему не хотелось. Он был больше чем уверен, что её тоже обложили со всех сторон. Создания между тем подбирались всё ближе. Скотт понимал, что с голыми руками им не выстоять. Самым простым решением сейчас было бы просто закрыть глаза, и позволить этим созданиям оборвать их жизни. Быстро и безболезненно. Всё лучше, чем долго и мучительно умирать от обезвоживания или от удушья. Но, закрыть глаза он не смог.

Одна из тварей оскалила пасть, и Скотт разглядел частокол тонких и длинных зубов, расположенных к тому же, в два ряда. Злобные красные глаза заглядывали ему прямо в душу, отыскивая страх и отчаяние в глубинах сознания. С языка капала слюна, а хвост нервно хлестал из стороны в сторону.

— Давай, иди сюда. — Скотт поманил её пальцем и сжал руки в кулаки. Прикрывать дыхательные пути от песка уже бессмысленно. Тварь зарычала и бросилась ему под ноги. Она не вцепилась ему в ногу, не укусила. Она хотела, чтобы сначала он как следует испугался. — Давай, сука страшная! — Закричал ей Скотт. И она, будто понимая его, приготовилась к прыжку. И когда лапы её оторвались от земли, время "загустело". Скотт видел, как создание медленно застывает в прыжке. Как песчинки останавливают свой хаотичный танец. Как из сумасшедшего вихря появляется его старый приятель в капюшоне. И вот он единственный, кто двигается быстрее всего этого. Безликий перехватил метящую в Скотта тварь за хвост, и разmozжил её о другое существо. Метнулся к Алекс, и разорвал троих ближних голыми руками. Потом снова к Скотту. И обратно. За несколько секунд он разметал и перебил почти всех созданий.

Алекс думала, сначала, что это Скотт. Только когда она обернулась, и увидела, что он также стоит пораженный их внезапным спасением, она поняла, что это кто-то другой. Незнакомец мелькал серой тенью, и разбрасывал мерзких тварей как кегли. Его танец зачаровывал, приковывал к себе взгляд своей смертоносностью. Когда Безликий закончил его, Алекс услышала его голос. Станный. Сухой.

— Дайте руки, дети мои. Я выведу вас отсюда.

Алекс вопросительно глянула на Скотта, и тот неопределенно кивнул.

— Вы знакомы? — Спросила она.

— Мы встречались ранее. — Вместо него ответил Незнакомец. Алекс попыталась взглянуть в его лицо, но увидела только темноту под капюшоном. Он всё ещё стоял, протянув им руки.

Первым за руку его взял Скотт.

— Скотт Ганн. — Кивнул он ему. У Алекс не оставалось выбора. После сегодняшних событий, этот загадочный человек казался ей спасителем. Станным, опасным, но спасшим их от смерти. Она крепко схватилась за его ладонь. К её удивлению, крови на его руках не было.

— Алекс Фокс. — Поприветствовал он её. Скотт удивленно поднял бровь. — А теперь, детки, держитесь крепко и поспевайте за мной.

Скотт держался из последних сил. У Алекс заплетались ноги, но она упорно переставляла их, пытаясь считать шаги, чтобы хоть чем-то занять голову. К тому же, вернулась боль внизу живота. Алекс с ужасом подумала о том, что, возможно сейчас на её штанах красуется пятно красного цвета. Её уже мало удивляло то, что двигались они тяжело, будто сквозь густой кисель, а воздух был стоячим и затхлым. Да и сам пейзаж был каким-то неправильным. Что именно не так, она понять не могла.

— Короткая тропа не всегда лёгкая. Двигаться сквозь изнанку тяжело, но быстро. — Сказал незнакомец, словно отвечая на её вопросы. Слова его повисли в воздухе, и дышать стало совсем тяжело.

Скотт вспотел, и чувствовал, что пот с него льётся ручьями. Мокрая ладонь, то и дело, норовила выскользнуть из ладони Безликого. Когда ему показалось, что этот поток воздуха станет для него последним, мир вокруг внезапно обрел краски, звуки и прочие привычные ощущения. Скотт глубоко вдохнул, и свежий ночной воздух наполнил кислородом его лёгкие.

Алекс просто упала на спину, тяжело и часто дыша. Безликий стоял над ними, скрестив руки на груди, и, наверное, усмехаясь.

— Почему ты не пришел раньше? — Только и смог спросить Скотт.

— Вы не единственные, кому грозила опасность, Скотт Ганн. Расщепленный не должен был погибнуть. Как и она, как и ты. А сейчас мне нужно идти. Береги её, Скотт Ганн. — И прежде чем Скотт успел открыть рот, Безликий развернулся, и зашагал прочь. Так же, как и в прошлый раз, очень быстро, и уверенно.

Скотт сел прямо на землю и принялся рыться в карманах в поисках сигарет. Он нащупал кобуру, но, к его удивлению, она не была пустой. Рукоять выглядывала из плотного чехла. Он ещё раз потрогал её, дабы убедиться, что это не шутка. Он так и не вспомнил, сам он подобрал пистолет, или Безликий незаметно подсунул его ему.

А потом Скотт закурил. Он разразился кашлем, но сигарету не выкинул. Сизый дым причудливо смешивался с чернотой ночной пустыни.

— Где мы? — Уставший голос Алекс. Скотт прекрасно понимал, почему она не назвала своё настоящее имя. Первому попавшемуся сумасшедшему? Ещё и в свете всего этого кошмара. Вряд ли. Впрочем, конец ли это?

Скотт тяжело встал на негнущиеся ноги и развернулся.

— Добро пожаловать в Вайптаун, лейтенант Блэйд.

ЖЕРТВА.

Где-то в пустыне. Штат Нью-Мексико.

Несколькими днями ранее.

Вэйд даже уже не боялся, что Скарр найдет его. И прирежет. Вэйд у казалось, что он скоро упадет замертво и, возможно, спустя много лет, кто-нибудь случайно найдет в песках его белесый череп. С тех пор, как он пересек границу и скрылся от курсирующего в сумерках американского патруля, людей он больше не встречал. Солнце стояло высоко, и выпаривало из него остатки жидкости. Когда ему день или два назад приспичило помочиться, из него болезненно вышло что-то вроде янтарного киселя.

Он даже не мог понять, сколько дней он брел. Он помнил только, что днем было жарко, а ночью — холодно.

Надо было всё-таки взять с собой воды. Хоть немного.

"И для чего?" — спросил он у себя. "Чтобы растянуть мучения?". Дорога в родную страну превратилась в раскаленную адскую тропу с унылым пейзажем по краям.

И всё-таки, это было лучше, чем существование у Скарра. Даже смерть была лучше, чем судьба, которую этот жестокий человек приготовил для мальчишки.

Вэйд не знал, что он будет делать дальше. Само это понятие было для него настолько эфемерным, что он решил разобраться с этим только тогда, когда освободится от власти Скарра.

Если освободится.

Как-то Кузен Скарра — Сохо привел Вэйда посмотреть на процедуру усмирения одного парня, который не захотел выполнять приказ. Парень держался гордо и надменно. Но, только вначале.

Когда Скарр, ничего не говоря, взял большой острый нож и отрезал ему соски, один за другим — тот сломался. Он кричал и рвался, связанный по рукам и ногам. Из ран лилась кровь, некрасиво пачкая белый ковер на полу.

А потом Скарр просто сказал, что парень должен ему новый ковер. Парня унесли, и Вэйд остался в комнате со Скарром и Сохо. Он почувствовал, как ладони его сделались мокрыми, а в животе похолодело.

Скарр молча смотрел на Вэйда, пока тот не опустил глаза, а потом спросил:

— Ты ведь будешь послушным, амиго?

— Да, сеньор. — Незамедлительно выпалил он.

Уходя, он думал о том, какое наказание ждёт беглеца, если того поймают. Заводить разговоры с остальными на этот счёт он не решился. Могли и сдать за такие вопросы. Все знали, что просто так Скарр не отпустит принадлежащих ему людей.

А Вэйд принадлежал Скарру. Как вещь. Мозг почти стер из памяти эти воспоминания, но они, то и дело всплывали в его снах. Он не знал, как так вышло, но женщина, которую он семь лет называл своей матерью, однажды продала его Скарру. Тот заплатил ей весьма приличную сумму, и больше Вэйд её не видел. И теперь Скарр теперь мог делать с мальчиком всё, что ему заблагорассудится. Он купил его, и вправе распоряжаться им по своему усмотрению.

Вэйда клеймили. Ему на лицо нанесли татуировку — знак банды. Теперь на правой и левой щеках красовалась надпись "novem". Со стилизованной под цифру девять развернутой в обратную сторону буквой "e".

Их символ. Впрочем, теперь и его тоже. И его, понятное дело, нужно было заслужить. Вэйд не больно-то рвался портить своё лицо чернилами, но понимал, что иного выхода у него нет. Или так — или на свалку. А могли и просто вывезти в пустыню и закопать в песок так, чтобы одна голова торчала.

Он долго занимался попрошайничеством и карманными кражами. А когда ему исполнилось тринадцать — тот же Сохо отвел его на старое ранчо за городом и учил стрелять. Из пистолета, из автомата, из ружья. А ещё Сохо рассказывал про траектории полета пули, про их устройство, и прочее. Он называл это "баллистикой".

Тогда-то Вэйду и поставили клеймо на лице. Теперь он, как и они, стал "девяткой".

И через год Вэйда начали брать с собой старшие. Почти всё время его просто оставляли "на стрёме". И когда в очередной заварушке ему из парадной двери навстречу выбежал такой же, как и он, мальчишка с пистолетом в руках, Вэйд замер. Он быстро (как его учили) достал свой пистолет и направил на врага. Выстрелить он не смог. Сам вид представителя противоборствующей банды был нелепым. Младше его (хотя, это могло только показаться из-за худобы мальчишки), с коротким ёжиком черных волос, и с татуировкой на шее. Оба

замерли. Будто два брошенных щенка встретились на перекрестке. В глазах того мальчишки Вэйд видел страх и отчаяние. А совсем ещё детская рука дрожала от веса настоящего боевого пистолета. Вэйд держал ствол обеими руками. Время растянулось. Мальчишки замерли.

До Вэйда только со второго раза дошло, что голос, звучащий из окна третьего этажа обращался к нему.

— Застрели его, парень! Стреляй, ну же!

Он боялся поднять голову, но, и стрелять тоже не хотел.

А потом зазвучала полицейская сирена. Где-то совсем близко. Возможно, в паре кварталов отсюда.

Вэйд опустил оружие. Паренек напротив — сделал то же самое. И Вэйд принялся бежать. Как можно дальше.

Пока есть шанс — нужно его использовать.

Пистолет он сбросил в решетку канализации, когда стихли завывания сирены и грохот пальбы. Только тогда он понял, что среди бела дня бежит по оживленной улице с пистолетом в руках.

Татуировку на лице он замазал тональным кремом, украденным в супермаркете. В туалете он наскоро размазал её пальцами. Поглядел в зеркало. Тон был темнее, и не совпадал с цветом кожи, но так было даже лучше. Сойдет за мексиканца. Осталось дожидаться ночи.

Когда стемнело, он направился в сторону границы. Скарр наверняка уже начал разыскивать его. Сначала, конечно же, он через свои каналы связи узнает, не поступал ли к ним кто в участок, похожий по описанию. А когда выяснится, что Вэйд просто-напросто сбежал, то снарядит за беглецом пару машин вдогонку.

Может, удача, а может, и вовсе, Дева Мария вывели его из города без происшествий. Патрули за забором его тоже не заметили. Одинокий джип с выключенными фарами пролетел мимо него на расстоянии полумили, и пока он не скрылся в темноте, Вэйд лежал на земле, боясь пошевелиться.

Всё это казалось сейчас таким далеким. Сейчас он остался один на один с пустыней, и та пыталась иссушить его.

Вэйд облизал шершавым языком потрескавшиеся губы, и попытался сглотнуть. Слюна застряла в горле колючим комком и он закашлялся.

Где-то здесь должен быть город. Небольшой. Со странным змеиным названием. Вэйд смотрел по карте. Нужно только добраться до него.

Нужно только...

Рокот мотора он услышал не сразу. Когда он увидел пыльное облако, окружавшее стремительно приближающийся черный автомобиль, он хотел было бежать. Но, не смог. Он просто остановился и ждал её. Если подберут — хорошо. Если проедут мимо, обдав облаком из пыли и выхлопных газов — тоже сойдет.

Авто и вправду проехало мимо. Вэйда обдало песком и пылью. А затем машина сдала назад и остановилась рядом. Стекло с правой стороны с мягким жужжанием опустилось. На мальчишку пахло прохладным воздухом, запахом кожи, и автомобильным освежителем воздуха. Что-то сладкое и знакомое до ужаса.

— Подвезти, парень? — Водитель выглядел под стать машине. Идеально уложенная прическа, пижонские усы, и строгий костюм черного цвета. Причем, и рубашка, и галстук тоже были черных оттенков.

— Спасибо, сэр. — Только и смог сказать Вэйд. Он сел рядом с водителем и стекло всё с тем же жужжанием ушло вверх. Вэйд всегда опасался подобных автомобилей. Всякий раз, когда он садился в салон, он боялся ненароком испачкать или испортить что-либо.

В авто было прохладно. На коже моментально выступила испарина. Вэйд обвел глазами салон и глянул на водителя. Тот, похоже, засмотрелся на татуировку на лице, и Вэйду казалось, что он сейчас обдумывает вариант просто выбросить его обратно на улицу. Но, через зеркальные стекла очков ничего не прочтешь. Впрочем, хотел бы — уже бы выгнал.

— А у Вас есть вода, сэр? — Спросил он, потупив глаза.

— Ах, да, прости. Сейчас гляну. — Водитель открыл переборку между сидениями и достал оттуда пластиковую бутылку с газировкой. — Держи.

Машина тронулась, а Вэйд жадно припал к бутылке. Водитель искоса поглядывал на уставшего мальчишку, в грязной одежде, который жадными глотками поглощал воду. Тонким ручейком она стекала по подбородку и шее, оставляя мутные следы. Бутылка стремительно пустела.

По громкому звуку отрыжки он понял, что парень напился. Тот зажал рукой рот и произнес:

— Простите.

— Всё в порядке, парень! — Произнес мужчина, смеясь. — Как тебя зовут?

— Вэйд. А Вас?

— Лекс Ларкин. — Сказал тот, протягивая руку.

— Очень приятно! — Ответил Вэйд, пожимая её. — И ещё раз большое спасибо, что подобрали меня.

— Не за что, парень. Признаться, тебе очень повезло, что я оказался здесь. До города ещё миль двести, и, сомневаюсь, что ты дошел бы до него пешком.

— До какого города? — Спросил Вэйд.

— До Вайптауна. — Ответил Лекс. — Ты ведь не местный?

— Нет, сэр. Я... — Вэйд на секунду задумался. Он даже не знал, что ответить этому человеку. Говорить правду он по понятным причинам, не хотел, а лгать было бы некрасиво. Всё-таки он подобрал его, и согласился подвезти. — Я заблудился. Мы с другом катались на велосипедах, и я так увлекся, ну, знаете? Я даже не заметил, как остался один. А пустыня, ну, она такая вся... Одинаковая, что-ли.

— А как зовут твоего друга? — Спросил Лекс.

— Что? — Вэйд не ожидал этого вопроса.

— У твоего друга есть имя? — Настойчиво переспросил Лекс.

— Да, сэр. Его зовут Сохо. — Вэйд тяжело сглотнул. Он не был уверен, поверил ли человек в сказанное.

— Сохо, значит. Ага. — Лекс закивал. — А где же твой велосипед?

— Он остался там. — Вэйд понимал, что его история становится всё менее правдоподобной.

— Ты бросил велосипед? То есть ты мог бы ехать на велосипеде, но вместо этого он просто "остался там"? — Вэйд ощутил прожигающий взгляд даже сквозь стекла очков.

— Я ехал ночью. И налетел на камень. У велосипеда колесо согнулось, и он... Ну, на нем уже нельзя было ехать. А я ушибся. Коленом. — Мальчика постепенно охватывал страх, что этот мужчина сейчас скажет ему, что он от Скарра и отвезет его к нему.

— И как сейчас коленка? Не болит? — Спросил Лекс.

— Нормально, сэр. Уже лучше.

— Это хорошо. — Сказал Лекс.

Он замолчал, и прибавил громкость на радио. Оттуда зазвучала песня про едущих в шторм людей. Вэйд выдохнул и расслабился. Мужчина глянул на него и улыбнулся. Вэйд улыбнулся ему в ответ. Когда песня закончилась, Лекс Ларкин убавил громкость и обратился к Вэйд:

— Понравилась?

— Что, простите? — Вэйд так увлекся музыкой и пейзажем за окном, что целиком погрузился в себя. Он подумал о том, что красота пустыни зависит от того, с какой стороны окна автомобиля ты находишься.

— Музыка. Понравилась? — Вновь спросил Лекс.

— Да, сэр.

— Это Джим Моррисон. Я влюбился в его песни с того самого момента, как впервые услышал. И в голос. Некоторые считают, что его голос — это голос Бога. Как думаешь, парень?

— Наверное, сэр. — Вэйд не знал, так ли это на самом деле, но решил согласиться с таким заявлением.

— Это так. А в первый раз я услышал эту песню, когда был примерно в твоём возрасте. И тогда я тоже любил кататься на велосипеде. У отца была не очень большая зарплата, но на тринадцатый день рождения он подарил мне велик. Большой. Красивый. Серебристого цвета. И я назвал его пулей. Я был безумно счастлив. Понимаешь меня?

— Да, сэр.

— И вот однажды я решил скатиться на нём с холма. Чтобы скорость и ветер в ушах. И адреналин. Я разогнался как следует и начал спуск. Впервые в жизни я ехал с такой скоростью. Сейчас я даже не скажу тебе точную цифру. Но, у самого подножия, я словил камень. Меня подбросило, я свалился с велосипеда, и ещё пару ярдов проехал на боку. Велосипед, к моей великой радости, был цел. Но, вот джинсы на коленях были разорваны, а кожа стёрта. Я едва доплелся до дома, но велик свой не бросил. Колено моё зажило только спустя пару недель.

Лекс резко дал по тормозам, и Вэйд, не ожидая такого, глухо приложился лбом о панель. Он поднял ушибленную голову и держась за неё рукой, увидел, что Лекс снял очки, и пристально смотрит ему в глаза.

— А вот у тебя, парень, нет даже следов от падения. И вообще — вся твоя история — сплошное враньё! Думаешь, я ни о чем не догадался? — Вэйд в панике схватился за ручку двери, в надежде убежать, но двери были заблокированы. Он ошалело взглянул на мужчину. Тот снова надел очки, и продолжил спокойным, ровным тоном. — А сейчас ты мне всё расскажешь, иначе я не поленюсь, и отвезу тебя туда, где нашёл. — По глазам мальчишки Лекс понял, что попал в точку. Тот опустил глаза и тяжело вздохнул.

— Я убежал. — Едва слышно начал Вэйд. — Семь лет назад мать продала меня главарю одной банды. С той стороны забора. И с тех пор я попрошайничал, занимался воровством, и прочими нехорошими вещами. А когда представился момент — я сбежал. Я пересек границу, и несколько дней блуждал по пустыне. Это он сделал это с моим лицом. — На глаза навернулись слёзы. Вэйд умоляюще смотрел на Лекса, но тот молча переваривал информацию. — Пожалуйста, не отвозите меня обратно! — Закричал он.

— Не буду. — Сказал Лекс, спустя несколько мгновений. — Просто я должен знать

правду, если хочю помочь тебе.

— А вы поможете мне? — Вэйд начал утирать слезы тыльной стороной ладони.

— Конечно, помогу. — Ответил Лекс. — Не могу же я бросить такого парня в беде.

Он улыбнулся, завел авто, и они снова двинулись в путь.

— Вэйд, Просыпайся! — Сильная рука трясла его за плечо.

Только когда он открыл глаза, то понял, что уснул по дороге. В голове — каша из обрывков сна, во рту — сухость. Он закашлялся и спросил:

— Мы уже приехали?

— Да. Добро пожаловать. — Сказал Лекс.

Он припарковался на подъездной дорожке возле аккуратного двухэтажного дома, выкрашенного в белый цвет. На Вэйда накатила липкая волна воспоминаний. В таком же (или в очень похожем) доме он провел детство. Велосипед, качели, школа, друзья. Но, был ещё отец, который по вечерам любил тяжелой рукой начать воспитывать и Вэйда и ту суку, которая потом его продала мексам. И вот в семь лет отец пропал, а мама собрала вещи мальчика в небольшой рюкзак, а потом сказала, что сейчас они поедут в гости к "хорошим знакомым"...

— Проходи, не стесняйся. — Сказал Лекс, выходя из машины, и Вэйд последовал его совету.

— Вы живете здесь один, сэр? — спросил Вэйд, когда Лекс открыл ему входную дверь. После яркого солнца в доме казалось темнее и прохладнее.

— Да. Ни жены, ни детей. Холостяцкая обитель. — Он заискивающе улыбнулся, обнажив безупречные зубы. Если он рассчитывал на толику доверия мальчишки, то просчитался. Вэйду наоборот — всё здесь казалось фальшивым и наигранным. Начиная от слабой попытки показать, что Лекс Ларкин — самый обычный рубаха-парень. И заканчивая внутренним убранством дома, за которым, судя по чистоте, ухаживала горничная.

— У Вас тут очень... чисто. — Вэйд нашел подходящее слово. Больше ничего положительного он сказать не смог.

— Присаживайся. — Лекс жестом предложил располагаться на диване за затейливым стеклянным столом. — Чай? Пока я не приготовлю и не накормлю тебя какой-то более существенной едой.

— Спасибо, сэр. — Вэйд помимо чая, не отказался бы от душа и плотного обеда впридачу. Он надеялся, что всё это впереди.

— Ты ведь американец, парень? Не так ли? — Голос Лекса из кухни. Шум воды и щелчок электрочайника.

— Да, сэр. Я из Альбукерке. — Вэйд понял, что ему здесь не нравится. Неуютное ощущение фальши, сквозящей отовсюду. словно стерильная красота фотостудии, где всё вокруг — декорация.

— Планируешь вернуться в родной город? — Звяканье тарелок и шуршание упаковки.

— Думаю, да. У меня там друзья. Вернее, были друзья. А если нет — отправлюсь на запад. К побережью. Подальше от этой сраной пустыни.

Последние слова он произнес шепотом. Вэйд уже был готов отправиться хоть на Аляску. Лишь бы только подальше отсюда. Здесь максимум — чай и душ. И сваливать. Лекс Ларкин одинаково мог быть как приличным представителем высшего класса, так и любителем детского порно.

— Это хороший план, парень. Я, кстати, только сейчас подумал, что могу помочь тебе с

документами. Ты ведь не сможешь путешествовать без паспорта. Ну, и без денег разумеется. — Чайник на кухне закипал.

— Вы и так для меня многое сделали, сэр. Пожалуй, дальше я сам. — Не хватало ему ещё влезть в долг и к этому странному мужчине. Избавился от одного сумасшедшего, и попал к другому. И если от Скарра Вэйд хоть знал, чего можно ожидать, то мистер Ларкин был для него полной загадкой.

— Не заморачивайся, парень! — Лекс нес в одной руке дымящуюся чашку с чаем, а во второй — тарелку с печеньем. И снова улыбался той же наигранной улыбкой. — Мне это не принесет никакого убытка. Просто, я буду знать, что я спас одного славного парня. Может, наступит однажды такой момент, когда уже мне потребуется твоя помощь. Что скажешь?

— Хорошо, сэр. — Вэйд натянуто улыбнулся в ответ.

Чай был горячим и вкусным. Вэйд выпил его весь, и съел всё печенье. Он почувствовал дискомфорт в желудке, но через мгновение всё прошло. Только захотелось спать. Веки стали тяжелыми, словно пудовые гири. Окружающий мир начал терять четкие очертания, а голос мистера Ларкина говорил что-то неразборчивое. Перед тем, как окончательно погрузиться в непроглядный мрак сновидений, Вэйд услышал слова "Отдыхай, мальчик. Будет ему славная еда..."

ПРИШЕДШИЙ ИЗВНЕ.

31 июня 2019 года.

Вайнтаун, штат Нью-Мехико.

Когда он открыл глаза, кругом было темно. Голова была тяжелой, и мысли неохотно ворочались, причиняя боль. Он попытался пошевелиться, но ощутил, что руки крепко связаны за спиной. К тому же спину нещадно холодило. Словно бы он лежал на сыром бетонном полу.

Вэйда охватила паника, и он начал дергаться. Он перекатился на живот и попытался перекинуть руки через ноги. Только руки были связаны ещё и в локтях. Он не знал, сколько тщетных минут он потратил на безрезультатные попытки выпутаться из веревок.

— Эй! Ты проснулся? — Тихий женский голос. Вэйд замер. Судя по всему, он так громко сопел и ворочался, что разбудил кого-то. Или просто обратил на себя внимание. — Ты живой? — Снова заговорил кто-то.

— Да. Только связан.

— Я тоже. — Сказал голос.

— Ты что-нибудь видишь? Я ни черта не вижу. — Сказал Вэйд.

— Погоди немного. Глаза скоро привыкнут.

— А где мы? — Спросил он.

— Видимо, в подвале. — Сказал голос. — Судя по сырости. А ты как попал сюда?

— Меня... — Вэйд сделал паузу, размышляя, с чего бы начать. — Меня подобрали в пустыне, и потом подсыпали в чай какую-то дрянь, и я отключился прямо за столом.

— У меня почти тоже самое. Только с небольшой разницей. — На последней фразе голос дрогнул, и в нем появились стыдливые нотки.

— А долго я здесь? — Спросил Вэйд.

— Не знаю. Может, несколько часов. Я вырубилась, а когда проснулась снова, ты уже лежал.

Пауза после этой фразы затянулась. Вэйд понемногу привык к темноте, и начал различать очертания подвала. Стеллажи с хозяйственной утварью, огромный стол с верстаком, окно под стропилами, заколоченное наглухо. Вэйд дергался, пытаясь развернуться лицом к обладательнице приятного голоса. Когда он увидел девушку, привязанную за руки веревкой к балке под потолком, он не без стеснения определил для себя род её деятельности. Короткая юбка и чулки в сетку, полупрозрачная майка и обильный макияж. Растекшаяся под глазами тушь походила на огромные синяки.

— Ой. — Невольно вырвалось у него.

— Ну, я не то, чтобы горжусь своей профессией, парень. Ты, как я посмотрю, занимался тоже не самыми законными делами. — Голос с нотками сарказма заставил его покраснеть.

— Нет, я не про то. — Попытался оправдаться Вэйд. — Просто ты — красивая.

— Расскажи это своей мамочке. — Голос её стал резким.

— Прости, я...

— Тихо! — Шикнула она.

Вэйд затих. Наверху раздался какой-то шум. Шаги, тихие невнятные голоса, скрип дверей.

— Лекс, сукин сын! — Девушка закричала так громко и настолько внезапно, что Вэйд вздрогнул от неожиданности. — Ты, говна кусок, а ну спускайся сюда! Клянусь, я оторву тебе твои поганые яйца и скормлю тебе же! Спускайся немедленно!

Дверь открылась, и вниз хлынул свет, на секунду ослепив Вэйда. В дверном проёме показался силуэт человека в костюме.

— Триша, дорогая, будь добра закрыть свой грязный ротик. — Фраза была произнесена настолько тихим и властным голосом, что у Вэйда зашевелились волосы на загривке. Ему показалось, что такой голос не может принадлежать нормальному человеку. Разве что, у этого парня не проблемы с горлом.

— Я тебе не дорогая, долбаный урод! — Триша дернулась вперед, словно собака, готовая укусить. — Немедленно развяжи меня! Думаешь, если я шлюха — это значит, что меня не будут искать? Хрен тебе! За мной придут, не сомневайся!

Вэйд слушал её, и понимал, что, скорее всего, за ней не придут. Отчаянная попытка напугать и сбежать — не более. В конце концов — что ей ещё остается делать, если не знаешь, что с тобой может сотворить такой человек. Вот за Вэйдом точно придут. Рано или поздно. И тут он оказался между молотом и наковальней. Думать об этом ему не хотелось.

Триша продолжала сыпать угрозами в сторону Лекса, пока тот не торопясь спускался по деревянной лестнице. Он встал перед ней, довольно ухмыляясь. Она замолкла и не нашла ничего лучше, чем плюнуть ему в лицо. На что тот резко ударил её кулаком в скулу.

Триша вскрикнула, и голова её дернулась в сторону. Второй удар пришелся прямо в

губы. Они надулись и треснули. Голова свесилась, и с губ на пол закапала кровь.

— Ну, вот зачем ты кричала? — Лекс не торопясь достал из нагрудного кармана пиджака платок. — Это что-то решило? Я только сделал тебе больно раньше времени.

Он не торопясь вытер плевков с лица, а затем аккуратно приложил платок Трише к губам.

— Скоро всё закончится, сладенькая моя шлюшка. Скоро ты станешь полезной и вкусной едой для Него. — Приговаривал он, вытирая её лицо. Она только тихонько всхлипывала и стонала. Лекс ещё раз промочил её губы, а затем с отвращением выбросил платок.

Он развернулся к Вэйд и присел на корточки рядом с ним.

— Ну, а ты будешь хорошим мальчиком, Вэйд Оуксон? Будешь лежать тихо, пока всё не кончится, а? — Вэйд проглотил тяжелый ком в горле. Спорить с этим человеком ему не хотелось.

— Да. — Тихо сказал он.

— Вот и славно. — Улыбнулся Лекс. Причём Вэйд готов был поклясться, что когда тот приоткрыл рот, там дернулся раздвоенный, словно у змеи язык. — Приятно оставаться, детки.

Лекс молча, поднялся по лестнице, и запер за собой дверь. Обе жертвы снова остались в полной темноте, наполненной стонами Триши.

— Не плачь, мы что-нибудь придумаем. — Это единственное, что Вэйд придумал сказать Трише. Она, кажется, не услышала его. Или не хотела слышать. В любом случае, она никак не прореагировала на эту фразу. А больше он никак не смог приободрить её.

После того, как Лекс покинул их, Вэйд кое-как переместился из лежачего положения, в сидячее, и не оставлял попыток выпутаться из веревок. Всё закончилось тем, что он до крови натер себе запястья, и теперь ноющая боль сопровождала его при каждом движении. Он тяжело вздохнул и перевел взгляд на девушку. Подумал о том, что руки у неё, наверное, занемели в таком неестественном положении. Сколько она уже провела вот так, в полувисячем положении? Несколько часов? Пару дней?

При всём при этом, она до сих пор оставалась красивой в некотором смысле. Не беря в расчёт разбитые пухлые губы, и здоровенный синяк на скуле, она всё же была симпатичнее, чем те толстозадые проститутки, коих частенько приводили к "девяткам". От тех вечно чем-то пахло, и большинство плотно сидели на метамфетамине. Триша, по сравнению с большинством из них, выглядела вполне пристойно.

Вэйд смущенно застал себя за тем, что мысленно раздевает её взглядом. Вот она снимает с себя свою маечку, а под ней черное бельё, и колечко пирсинга в пупке. Затем с неё сползает юбка, и открывает взгляду трусики, которые больше дразнят, чем что-то скрывают. Она игриво встряхивает волосами, и одним ловким движением лифчик улетает куда-то в сторону. Грудь под ним небольшая, но красивая. Соски темные, стоячие. Она играет с ними, заставляя их набухнуть. А потом она виляя бедрами заправляет указательные пальцы за ниточки трусиков...

Стоп!

Вэйд почувствовал, как его "амиго" в штанах напрягся. Он тряхнул головой и подумал о том, что всё это неправильно. Сейчас нужно придумать, как спасти себя и эту девушку от сумасшедшего. Прочь эти мысли! Вэйд вспомнил, что пару лет назад такой же, как и он, купленный парень, рассказывал ему про то, что это просто человеческий инстинкт.

— Перед смертью, либо под страхом неминуемой гибели, человеку больше всего хочется не курить, как нас в этом убеждают фильмы и телесериалы, а именно секса. Это заложено в нас, как в животных. Естественное стремление продолжить свой род. Если ты не выживешь — возможно, выживет твой ребенок. В конце концов, может случиться, что ты просто отменно потрахнешься перед тем, как подохнуть. — Сказал он тогда, а потом громко и от души рассмеялся. Вэйд тогда тоже засмеялся вместе с ним, а потом решил, что наверное, когда он соберется помирать, то будет старым и немощным, и соитие будет интересовать его в самую последнюю очередь.

Сейчас перспектива быть отданным на съедение кому-то неизвестному вызывала лютой холод в желудке, и вместе с созерцанием объекта вожделения — крепкий стояк.

Триша всё так же всхлипывала и стонала. Вэйд любовался на неё до тех пор, пока снова не провалился в сон.

Его разбудили, окатив ледяной водой прямо в лицо. Он дернулся, но снова заныли запястья. Открыв глаза, он понял, что в подвале горит свет. Над ним зловещим чёрным силуэтом навис Лекс.

— Проснулся, парень? — Он снова мерзко ухмылялся.

— Пошел ты. — Процедил Вэйд и опустил глаза.

— Ну, и хрен с тобой. — Он отошел, и Вэйд увидел, что тот снял с себя пиджак и рубашку, оставшись в одних брюках. — Несите девку!

Эта фраза была брошена двоим мужчинам, которых Вэйд разглядел только теперь. Причём, оба они тоже были обнажены до пояса. Один из них был совсем тощий, против второго — огромного свиноподобного борова с трясущимися щеками, маленькими глазками и внушительного размера брюхом, свисающим ниже ремня. Сальные волосы зачесаны назад, отчего сходство со свиньёй было потрясающим. Они быстро подошли к висящей Трише, и когда тощий развязал узел на балке, толстяк поймал её в свои потные объятия. Девушка даже не сопротивлялась. У неё просто не хватило бы сил сопротивляться этой горе человеческого сала. Он донес её до стола, и бросил как кусок мяса на разделочный стол. Словно бы это не стоило ему вообще никаких сил. Триша попыталась вырваться, но толстяк крепко схватил её запястья своими ручищами. Худой ухватил её за ноги, и она могла только слабо трепыхаться, как бабочка, пришпиленная иглой к доске.

Вэйд открыл рот, но крик застрял где-то в горле. Он уже осознал, что собираются сделать с девушкой.

Лекс подошел к столу, и в два резких рывка разорвал на ней майку, словно та была из бумаги. Сорвал лифчик и отбросил его в сторону.

— Нет! Пожалуйста, не надо! — Триша закричала, возможно предполагая, что сейчас её будут насиловать.

Вместо этого Лекс начал что-то бормотать. Вэйд поначалу ни черта не мог разобрать из сказанного, но потом смысл слов постепенно начал доходить до него. Лекс говорил на каком-то странном языке (или на смеси языков), но в голове Вэйда все слова были на английском.

— Хазоат, извне прииди,

Древний плоти поедатель!

Твоё тело взаперти,

Освободит тебя предатель!

Король-тлен. Король-Гниль,

Порча, разложение, проказа!

Огромная рана и вздувшийся волдырь,

Переспелой вишни четыре глаза!

Слова звучали нараспев и повторялись раз за разом. В голове Вэйда они трансформировались в устрашающие и богомерзкие картины пришествия аморфной неопишуемой массы, которую они называли именем Хазоат.

Триша, тем временем отчаянно дергалась на столе, понимая, что сейчас её ждёт кое-что пострашней, чем изнасилование. Глаза её округлились, и в них застыл холодный ужас.

Лекс начал меняться на глазах. Его кожа сменила цвет на темно-бордовый, а сквозь неё наружу пробивались шипы. Они покрыли руки и спину, а на лбу выросли в два ряда, равно как и вторая пара глаз проявилась прямо над первой.

Триша замерла.

Существо, которое ранее было человеком, и носило имя Лекс Ларкин, глухо зарычало, и вонзило свои зубы девушке в живот.

Триша закричала, и крик её захлебнулся в крови. Существо жадно рвало её кожу, глотало мясо целыми кусками, и разбрасывало потроха, ещё живой девушки, вокруг стола.

С толстяком тоже произошла перемена. Он весь сторбился, голова ушла в плечи. Черная жесткая шерсть начала покрывать его спину и голову. Нос превратился в пятак, а на верхнюю губу напозли огромные клыки. Он вгрызся девушке в голову, и Вэйд услышал отвратительное чавканье, вперемешку с хрустом костей. Мощные челюсти перемалывали череп и мозги. И звук был такой, словно в мельницу для кофе случайно попало что-то живое.

Вэйда от этой картины начало тошнить. Желудок выворачивало наизнанку, но поскольку тот был пуст, он сблевал вязким комком желчи.

Пока он отплевывался, всё стихло. Над ним нависли три тени. Причём третий — самый тощий, был похож на озлобленного хорька с окровавленной мордой. Вэйда схватили и положили на стол, прямо в кровавую лужу, оставшуюся от Триши. Он извивался и дергался.

— Я не могу удержать его, у него руки связаны за спиной. — Бросил кабан ящерице.

— Ну, так развяжи его! — Злобно прошипел Лекс.

— Чем? Ножа-то нету!

— Значит, перекуси веревки зубами, дубина! — Лекс, похоже, был не в восторге от мозговитости своего напарника.

Огромный хряк перевернул Вэйда на живот, и он почувствовал, что сильно дернуло за руки. Веревка ослабла. Видимо, хряк всё-таки перегрыз её.

Самое время.

Вэйд лягнул державшего его за лодыжки хорька, и тот выпустил их от неожиданности. Он перекатился на пол, и под неистовые вопли Лекса взлетел по лестнице вверх. Дверь оказалась незапертой.

Когда он закрывал её за собой на замок, то слышал крики ярости и топот огромных ног. Вэйд прислонился ухом к двери, и через пару секунд понял, что зря. Дверь перед ним буквально взорвалась обломками дерева, и ударной волной его откинуло на несколько футов. Он приземлился прямо на стеклянный стол, разлетевшийся миллионами осколков по комнате. Когда Вэйд поднял голову, перед ним стоял толстый. Его маленькие красные глазки смотрели прямо на Вэйда. Он зарычал и бросился вперед, выставив перед собой мохнатые лапищи. Вэйд едва успел отпрыгнуть в сторону, чтобы не оказаться затоптанным насмерть. Он бросился к открытому окну, краем глаза заметив, как хряк с разгону врезался в

стену, сминая под своими ногами роскошный диван. Пока толстяк пытался развернуться, Вэйд неуклюже выпал прямо на улицу вместе с москитной сеткой.

На улице были сумерки, и небо на севере начинало затягивать чёрным цветом.

Собиралась буря.

Вэйд бежал не раздумывая. Бежал быстро и без оглядки. Сначала он потерялся во дворах, а спустя полчаса непрерывного бега остановился перевести дух и унять колющую боль в боку. Подняв голову, он увидел вывеску: "полицейское отделение Вайптауна". Вэйд настолько устал бегать, что пребывание в камере должно быть, будет более безопасным, чем если бы просто отсидеться в случайном подвале. В конце концов, преследователи вряд ли будут искать его в логове копов. Вэйд несколько раз вдохнул и поднялся по ступенькам.

Сержант Хью Хофнет заваривал уже миллионную по счёту чашку кофе. Сублимированная дрянь была горькой, но исправно бодрила его мозг ровно ещё на одну главу. А книга была действительно интересной. И ещё она была единственным его другом на ночных дежурствах. Иногда, за ночное дежурство — если книга была "чертовски увлекательной" — он одолевал по четыреста страниц. Это при условии, что никто за всю ночь не тревожил его звонками, или личными посещениями. Иногда — когда приходилось работать — меньше. Но, за исключением самого его первого дежурства четыре года назад, без книги он на ночь не оставался.

Чашка с горьким напитком дымилась ароматным клубящимся паром. Хью Хофнет уселся за стол, и аккуратно перевернул страницу. Он, морщась, сделал первый глоток и поправил очки.

И ровно в этот момент скрипнула входная дверь. Хью встал из-за стола. В здание вошел черноволосый паренек лет тринадцати-четырнадцати. Серого цвета толстовка была заляпана кровью, а на лице было что-то вроде черной грязи. Издалека он не смог разобрать, что это.

Когда парень увидел его, он бросился к нему так резко, что Хью невольно схватился за рукоять револьвера. Парень остановился в паре шагов от него и задал самый нелепый вопрос, который сержант слышал за всю свою службу:

— Добрый вечер, офицер, не могли бы вы запереть меня в камере?

БЕЛЫЙ ШУМ.

1 июля 2019 года.

Вайнтаун, штат Нью-Мехико.

Заставить себя спать, после такого зрелища было тяжело. Перед глазами всё ещё стояла картина того, как вооруженная колонна военных автомобилей едет навстречу алому зареву в пустыне. Пока Мэй с аппетитом уплетала макароны с соусом, Рик просто раскинулся в кресле и смотрел в пол. Жэсс включила телевизор, и снова смотрела мультики. Кот так и не вернулся.

Рик вообще сомневался, что кто-то вернется из долины. Если то, что сказали ему голоса в радиоприёмнике правда, то ему очень жаль всех тех солдат, которых отправили навстречу той неопишуемой штуке.

Врата открываются прямо сейчас, Рик Мур.

Король-Тлен идёт.

Бутылка бурбона всплыла в голове, словно спасительный плот. Нет, упиваться сейчас не самое лучшее решение. Если что-то и случится, он должен оставаться трезвым, и способным защитить себя и свою семью. По крайней мере, девочку.

— Идём спать, малышка. — Рик подхватил уже сонную Жэсс с дивана, и поднялся с ней

в детскую.

— А Ма'аси плидёт? — Спросила она, когда Рик укутывал её в одеяло.

— Обязательно придет, малышка. Он всегда возвращается обратно. А теперь давай засыпай.

— Спокойной ночи, пап.

— Спокойной ночи, детка.

Рик поцеловал её в лоб и отправился в душ. Он долго стоял под струями горячей воды, пока не почувствовал, что согрелся. Ощущение тревоги и страха перед неизвестностью смазлось. Смылось.

Мэй расправилась с ужином, и теперь безвольно пялилась в телевизор с бутылкой колы в руках. Судя по её внешнему виду, чувствовала она себя неважно. Рик в одном полотенце, накинутом на бедра, сел рядом.

— Жэсс уснула. — Сказал Рик.

— Угу. — Хмыкнула Мэй, не отрываясь от картинки в зомбоящике.

— Мэй, там происходит что-то странное. — Начал говорить он.

— Да. — Она всё не могла переключить своё внимание на супруга.

— На нас идёт песчаная буря. А ещё эти военные и странные разговоры о том, что что-то там открывается. — Рик испытал толику спокойствия от того, что разделил гнетущую его тему с Мэй.

— Хорошо. — Всё так же непринуждённо сказала она.

— Ты меня вообще слушаешь? — Рик всё сдерживал себя, чтобы не сорваться.

— Конечно. Слушаю. А что ты сказал? — Она повернула к нему своё удивленное личико.

— Ты издеваешься? — Спросил он. — Я только что кому всё это рассказывал?

— Ну, не ворчи, Сладкий мой. Хочешь, я извинюсь перед тобой? Хочешь наказать свою плохую девочку? — И прежде чем Рик успел открыть рот, Мэй моментально стянула с себя футболку и отбросила её в сторону. Из одежды на ней остались только трусики.

— Мэй, я не...

— Ну, иди ко мне. — Она потянулась к полотенцу и положила свою ладонь ему на член.

— Мэй, пожалуйста. Не сегодня. — Он вскочил с дивана, поправляя полотенце. Мэй надула щёки и отвернулась.

— Ну, и ладно. — Сказала она со злобой. — Значит, просто подрочу себе как обычно. Тебе же похрену на меня.

— А ну успокойся! — Рик одернул себя, когда понял, что повышает голос.

— Трахать ты меня не хочешь — значит иди спать! Давай-давай. Видеть тебя не хочу, скотина! — Мэй снова переключила своё внимание на происходящее на экране. Там волосатые парни мучили электрогитары и рычали нечто нечленораздельное.

— А тебе бы стоило завязать, наконец, с бухлом. Ты уже ни черта не соображаешь от выпивки. — Рика снова начинало трясти. Только теперь от злобы.

— Да-да. Пшел нахрен, святоша. — Мэй показала ему средний палец, а второй рукой залезла себе в трусики. Смотреть, как Мэй делает ЭТО, у него не было желания. Он отвернулся, и поднялся к себе в спальню. Сон пришел, только когда Мэй перестала стонать внизу.

Рик проснулся от того, что Жэсс закричала. Спросонья он даже подумал, что ему это снится. Но, девочка продолжала плакать, и Рик бросился к ней в спальню. Он нашарил рукой

выключатель на стене, но после щелчка свет не зажегся. Рик решил, что разберется с этим позже.

— Жэсс, что случилось? — Девочка тёмным силуэтом сидела, укутавшись в одеяло. Окно противно скрипело и болталось на ветру.

— Окно лассыпалось. — Утирая слёзы, сказала девочка.

Рик подхватил её на руки и подошел к окну. Под босой ногой неприятно хрустнуло стекло. Он одернул ногу, но боли не было. Не порезался. За окном гулял ветер.

Начиналась буря. В воздухе пахло озоном. Рик вышел из детской, и закрыл дверь. С окном он будет разбираться уже утром.

— Не бойся, малышка. Это просто ветер. — Сказал Рик. — Пойдём спать, о'кей?

— А ты включишь свет?

— Я попробую, детка.

Рик уложил девочку рядом с Мэй, а сам попробовал зажечь ночник. Ночник не горел. Рик глянул на наручные часы. Стрелки остановились на отметке 2:22.

— Жэсс, подождёшь меня с мамой, я пойду, посмотрю, что с электричеством.

— Холошо. Ты быстро? — Девочка начала успокаиваться рядом с мамой, но всё также не желала вылезать из одеяла.

— Я очень быстро, малышка.

Рик поцеловал её в макушку, и спустился вниз. Предохранители на электрощитке были включены. Значит, порыв. Рик вышел на крыльцо, и попытался рассмотреть, только ли у них одних нет электричества. Вайптаун будто вымер. Огни не горят, а из пустыни чёрной стеной идёт волна песка.

Рик запер входную дверь, и проверил окна на первом этаже. Поднялся в спальню. Мэй всё также спала. Тонкое одеяло сбилось, и сползло набок. От нее снова несло алкоголем. Видимо, всё же нашла "Койота".

А вот Жэсс ждала его. Она бросилась ему на шею, и он улегся с ней в обнимку.

— Спокойной ночи, малышка. — Сказал он ей, думая о том, что хоть кто-то в этом доме любит его по-настоящему.

— Спокойной ночи. — Сказала она. И когда Рик почти задремал, она вздохнула, и произнесла:

— Надеюсь, Мааси велнётся...

Рик снова проснулся. Ему приснилось, что Жэсс опять кричит. Но, на этот раз она спала крепко. Рик глянул на часы. Снова двадцать две минуты третьего.

— Херня какая-то. — Пробубнел он сам себе. Он спустился вниз, и открыл дверь на улицу. Поток ветра и песка едва не сбил его с ног. Он навалился на дверь, и закрыть её снова стоило ему больших усилий.

Буря добралась до города. На памяти Рика такое случалось нечасто. Последняя песчаная буря, которая дошла до Вайптауна, случилась, когда Рiku было лет одиннадцать — двенадцать. Отец тогда закрыл все двери и окна, а в подвале приготовил силовую станцию на случай отключения электричества. Воспользоваться ей тогда не пришлось, а вот Рик мог бы, и подумать об этом заранее. Он так и стоял в коридоре, раздумывая, не стоит ли пойти проверить в каком она состоянии. Если буря затянется на пару дней, то...

— Ты чего здесь делаешь? — Внезапный голос Мэй заставил Рика подпрыгнуть на месте.

— Твою мать. — Зашипел он. — Ты меня до смерти перепугала.

— Прости. — Равнодушно пожала плечами Мэй. Она открыла холодильник, и достала оттуда бутылку колы. То, что в холодильнике не горел свет, её, похоже, ничуть не смутило. Она сделала несколько глотков и поставила незакрытую бутылку обратно.

— Электричества нет. — Сказал ей Рик.

— Хорошо. — Равнодушно ответила она.

— Ты не поняла. Во всём городе нет электричества. — Повторил он.

— Я поняла. Завтра сделают. — Мэй невозмутимо отправилась наверх.

— Надеюсь, что так... — С надеждой сказал он сам себе.

Сон не шел. Он как был, в одних трусах, сел на диван. Где-то, глубоко в нём проснулось чувство тревоги. Что-то нехорошее должно было случиться. Казалось бы? Все окна и двери заперты, Мэй и девочка наверху. Всё в порядке. Но что-то в нём говорило о грозящей беде.

"Интересно, что бы по этому поводу сказало мне чёртово радио?"

Он отогнал от себя эту мысль. Радиоприемник сгорел, и Рик благодарил всевышнего за это.

Только вот слова, произнесенные страшным хриплым голосом, всплыли в памяти. Они мерцали и переливались всеми оттенками красного. Отращивали щупальца и переплетались меж собой. А потом начали разлагаться и сыпаться частями плоти, осколками желтых костей, и могильными червями.

Рик сам не заметил, что пялится в нерабочий телевизор. Тот отозвался искрами статики в темноте дома, и низким звуком, свидетельствующем о включении.

— Вот же дрянь. Только тебя мне сейчас и не хватало.

Телевизор, не смотря на все протесты Рика, включился и начал транслировать белый шум.

— Зараза! — Рик вскочил и выдернул шнур питания из розетки. Телевизор, тем не менее, не выключился.

— Соскучился по мне, Рик Мур? — Мерцание дрогнуло в такт безжизненному механическому голосу. Рик молча, взирал на него, стиснув зубы. — А мы не забыли про тебя. Буря уже пришла в ваш город. И скоро Он придет...

— Заткнись! — Перебил его Рик. — Пусть приходит. Пусть придет сюда, и я Богом клянусь, вышибу из него всё дерьмо.

— Ты глупый и безрассудный, Рик Мур. Твой ограниченный разум даже не способен представить себе всю Его силу.

— Мне насрать, что ты там себе думаешь. — Рик сжал кулаки, и готов был разломать долбаный телевизор. — Ты достал меня своей болтовней. Давай, выходи! Выходи, Сука!

— Что ж. Будь, по-твоему. — Сказал голос.

Белый шум заполнил собой всё пространство. Остальные звуки, казалось, исчезли вовсе. Статичные помехи начали обволакивать комнату, образуя непроницаемый кокон.

Из хаотичного шума начали вырисовываться образы. Рик увидел колоссального размера червоточину, сквозь которую проникала бурлящая аморфная масса, похожая на живой кисель.

Люди в одинаковой форме замерли, наблюдая смертельную красоту этого зрелища. Словно загипнотизированные, они жаждали воссоединиться с этим существом. И оно протянуло к ним свои жадные и голодные щупальца. Оно поглощало их целиком, поглощало кусками, отъедало части тела. Кто-то кричал, кто-то — нет. Пару-тройку человек отделились от общей толпы и принялись бежать. Неудачно.

Сущность от этого, казалось, только ещё более изголодалась. Она повиновалась своим единственным первобытным инстинктам. Есть, и распространяться как можно больше и дальше. Она ела и становилась сильнее. Но, сытое довольство моментально сменялось голодом. Ей требовалось больше еды. Она звала всё живое себе на прокорм. И аппетит её был бесконечным. В своем неумеренном голоде она могла начать поглощать сама себя.

Картина происходящего вскипела, и Рик увидел двух одиноких странников, плутавших в песчаной буре. Видел мельтешащие тени неведомых существ, агрессивно настроенных к путникам. Видел, как твари взяли людей в кольцо, и смешались в непроглядной буре.

— Хватит! — Закричал Рик. Белый шум неприятно давил на глаза и уши. Глаза слезились и болели.

Шум пошел рябью, и Рик услышал голос:

— А ведь это только начало. Он вкусил здешней еды, и теперь требует ещё...

— Хватит! Прекрати!

— Ты же сам хотел увидеть его? — Ехидно произнес голос. — А теперь тебе не нравится то, что ты видишь?

— Я не просил показывать мне картинки.

— Ах, да. Ты ведь просил показаться.

— Рик?

Голос Мэй снова заставил его вздрогнуть. Шум мгновенно рассеялся, и Рик застал себя за тем, что смотрит в безжизненный монитор телевизора.

— Ты с кем разговаривал? — Похоже, она была удивлена.

— Прости, Мэй. Мне что-то не спится. — Рик не знал, что ей ответить.

— Я только начала засыпать, а ты разбудил меня своими криками. — Это была больше констатация факта, чем вопрос. — И почему Жэсс спит в нашей кровати?

— У неё окно разлетелось, и я забрал её из детской. На улице буря, если ты ещё не заметила, и окно разбило ветром. — Рик почувствовал себя внутри абсурдного сюрреалистического фильма. Вот Мэй не всё равно, что происходит вокруг. Вот нерабочий телевизор показывает ему чудовищные картины прихода некоего неопишуемого существа из иного мира. Что дальше?

— Так, а с кем ты всё-таки разговаривал? — Настойчиво интересовалась она.

— Я разговаривал с телевизором. — Фраза, не подразумевающая никакого сарказма. Рик надеялся, что после неё Мэй скажет своё очередное "хорошо" и отправится спать дальше. Или продолжит пить.

— Рик, у тебя точно всё в порядке? — Она прищурилась, и скрестила руки на груди.

— Да, дорогая, у меня всё нормально. — Рика начинала напрягать такая дотошность с её стороны.

— Ты точно ничего от меня не скрываешь?

— Мэй, всё в норме. Не накручивай себе. — А в голове его крутилась мысль: "Кроме того, конечно, что ты беспробудно пьешь, и тебе насрать на то, что происходит вокруг. А ещё в городе начинается какая-то люто нездоровая херня, и со мной разговаривают электроприборы"

— Это, случайно, не из-за той штуки в пустыне? Не из-за того, что врата открываются? — Спросила она.

— Что? — Рик удивился этому вопросу.

— Я спрашиваю: Это не из-за того, что Он уже пришел, и что скоро всё начнется? —

Последние слова Мэй произнесла хриплым безжизненным голосом.

— Что за...

— Я же говорил, что ты даже не представляешь, с чем имеешь дело, Рик Мур.

Рик замер. Голос не принадлежал его жене. Это был тот самый голос из радиоприёмника и из телевизора. С глазами её тоже произошло что-то неладное. Она моргнула, и вместо глаз у неё был тот самый белый шум.

Рик зажмурился в надежде, что всё это продолжение той самой галлюцинации, которую ему показали. Открыл глаза. С Мэй действительно произошло нечто нехорошее. Лицо её обезобразилось яростью, глаза мерцали статическими помехами и ярко светились в темноте.

Она молниеносно подскочила к Рику, и одним толчком повалила его на диван. Села сверху.

— Хочешь меня? — Она высунула язык изо рта и лизнула Рика за ухо. Тот дернулся, но Мэй держала крепко.

"И откуда в девушке, неспособной самостоятельно открыть консервную банку, столько сил?" — Подумал Рик.

— Ну, так как на счёт потрахушек? — Мэй мерзко засмеялась, запрокинув голову назад. Рик сомкнул зубы, и когда её приступ смеха прошёл, и лицо оказалось на одном уровне с его лицом, крепко приложился лбом прямо в её переносицу. По ощущениям он словно бы ударил головой бетонную стену. На секунду всё перед глазами расплылось, а в ушах зазвенело. Когда зрение снова сфокусировалось, он увидел всё то же ухмыляющееся лицо со светящимися глазами.

— Ты очень плохой мальчик, Рик Мур. Я должен наказать тебя!

И Рик получил ответный удар. Он услышал, как что-то хрустнуло, и отключился.

Ему казалось, что его голову зажали в тиски. Причём, некто особо изощренный то усиливал, то ослаблял давление. Боль приходила волнами. И когда очередная волна боли схлынула, Рик всё-таки разлепил глаза. Он попытался встать, но моментально сел обратно. По ощущениям ото лба к затылку словно просунули штырь. На секунду пронизывающая боль заслонила всё его сознание. И когда вспышка прошла, он ощутил нечто тревожное.

— Мэй! — Закричал он.

Тишина.

— Жэсс!

Снова тишина.

Он окрикнул их ещё раз, но никакого эффекта это не принесло.

Со второй попытки он всё-таки встал. Ноги были словно ватные, и не хотели его слушаться. Ещё и пол под ногами ко всему прочему раскачивался из стороны в сторону. Он потрогал рукой переносицу, и ощутил под пальцами что-то влажное.

— Твою мать!

До второго этажа он добрался, держась одной рукой за перила, а второй — придерживая голову. Дверь в детскую была закрыта. Всё, как он и оставил. А вот в спальне дверь была открыта. Рик увидел смятое детское одеяло, валяющееся на полу.

"Она забрала её!" — Эта мысль поразила его мозг словно пуля.

— Сука! Гребаная сука! Ты догадалась забрать девочку! Мою девочку...

От переполняющей его злобы он схватил стул и метнул его в дальний угол. Стул жалобно скрипнул, встретившись со стеной, и растворился в темноте. А Рик безвольно сел на пол и заплакал.

Он понимал, что Мэй, даже в самом своём паршивом состоянии неспособна на такое. Её тело забрали, и теперь она безвольной куклой несет Жэсс навстречу... Навстречу тому, с чем Рик даже не хотел думать. Он не знал, сколько он пролежал без сознания. Часы уже в который раз показывали одно и то же время.

БУРЯ.

1 июля 2019 года.

Полицейское отделение Вайнтауна, штат Нью-Мехико.

— Кофе будешь? — Сержант Хофнет внес мальчишке в камеру чашку с горячим напитком.

— Да. А можно еды?

Хью задержался на парне взглядом. Черные спутанные волосы, весь заляпан кровью, на запястьях — стертая от веревок кожа, на лице — татуировка. Если бы Хью встретил такого на улице — непременно схватил бы и отвез в участок, даже безо всякой весомой причины. Но перед ним сейчас был загнанный мальчуган с испуганным взглядом. Он сам пришел сюда, и попросил убежища. И внешний вид его говорил о том, что паренек увидел нечто такое, что тюремная клетка для него теперь вовсе не страшна. К тому же, он ничего не рассказывал о своих возможных преследователях. И от этого становилось по-настоящему жутко.

— погоди, я гляну, что у меня с собой есть. — Хью автоматически запер камеру. Зашел в дежурную кабинку, и залез в холодильник, где он оставил блистер с ужином, взятым из дома. — Держи. Еда не слишком роскошная. Чем богаты, как говорится. — Хью усмехнулся и передал пареньку свой ужин. Сам он сел на скамейку рядом с ним.

Вэйд ничего не говоря, набросился на еду. Хью только присвистнул, глядя как вареный картофель и сосиски исчезают у парня во рту. Сколько же он не ел? Жадно, практически не разжевывая, он глотал холодный ужин.

В какой-то момент Хью заметил, что паренек начал есть инстинктивно, смотря остекленевшими зрачками куда-то в пустоту.

— От кого ты прячешься, парень? — Всё-таки задал долгожданный вопрос Хью, поправляя очки. Парень замер.

— Лучше бы вам не встречаться с ними, офицер. — Вэйд даже не посмотрел в его сторону. — Видели бы вы, что они сделали с той девушкой...

— С какой девушкой? Кто сделал?

Парень молчал, и внятных ответов из него было не вытянуть.

Хью встал, и, пятясь задом, будто остерегаясь паренька, вышел из камеры и снова запер её, попав в замочную скважину только с третьего раза. Что-то здесь было не так. Впрочем, мысль позвонить шерифу и доложить обо всём, он оставил на потом. Всё-таки, ничего сверхъестественного не происходит, а мальчуган подождёт до утра.

Хью оторвал лицо от книги, когда услышал крик. Спросонья он ничего не успел понять. Несколько секунд было абсолютно темно, и только потом зажегся аварийный свет. Помещение наполнилось мерным гулом откуда-то из недр подвала. Тусклые красные лампы придавали происходящему фантазмагорию старого фильма ужасов. Рассеянный полумрак и крики вырывали Хью из объятий сна, но первой его мыслью была: "Охренеть, авария ещё работает..."

Он нашарил на столе очки, сползшие с него, пока он спал, и громко крикнул в сторону камер:

— А ну, заткнулись там нахрен все!

Крик затих.

А потом Хью услышал, как кто-то (похоже, тот самый паренек) начинает вскрикивать, срываясь на фальцет. Помощник шерифа нехотя встал и направился к его камере. От криков проснулся залётный мексиканец, и начал полупшепотом молить кого-то о пощаде. А старику Вилсону вся эта суматоха, похоже, была нипочем, и он натужно храпел пьяным сном.

Проходя мимо первой камеры, Хью грозно посмотрел на этих двоих и пошел дальше.

Парень метался и вскрикивал на койке. Сперва сержант даже подумал, что у того приступ эпилепсии. Хью зашел в камеру, схватил его за плечо, отчего тот вскинулся, сел, и, не открывая глаз, перехватил руку сержанта.

— Парень, проснись! — Хью тряс его, пока тот не открыл глаза.

— Он идёт! Он уже здесь! — Зрачков у него не было видно, сплошь белое, как пелена.

— Кто идёт? — Хью снова хорошенько потрянул Вэйда. Тот дернул головой так резко, что сержант услышал, как щёлкнула его челюсть. Он поморгал, и теперь уже глаза были уже нормальные — как и полагается человеку. Только красные.

— Я, наверное, кричал? — Спросил он, растирая глаза.

— Ты меня разбудил. Тут что-то с электричеством стряслось. — Хью озабоченно отвернулся на тусклую лампу в углу коридора. — Я пойду, погляжу.

— Не надо. — Взгляд у мальчугана стал серьезным и испуганным.

— Эй, успокойся! Всё будет норм. — Сержант попытался улыбнуться. В красной полутьме это получилось жутко. Однако, бессловный взгляд мальчишки пугал его. Пугал иррациональным знанием, заставив Хью нащупать рукоять пистолета холодной липкой ладонью.

Так он и вышел к входным дверям, дребезжащим мелкой дрожью. На улице было темно — ни электрические столбы, ни город не горели огнями. А ещё там бушевал ураган. Настоящая песчаная буря, которая грозила принести в Вайптаун тонны песка.

И Хью казалось, что сквозь двойные стекла, он слышит вой пустынных призраков. Ветер смешивался с гудением резервных генераторов в дьявольскую какофонию. Что-то определенно странное и ужасающее опускалось на город. Хью закрыл двери на засов.

Рукоять пистолета в кобуре стала предательски скользкой. Часы на руке показывали два часа ночи.

Внезапный крик за спиной заставил его вздрогнуть, и он едва удержался от того, чтобы не вскрикнуть тоже. Револьвер неуклюжим ленивым движением выполз из кобуры.

— Что там снова за дела, мать вашу!?! — Голос дрожал и едва не дал петуха.

Сердце участило биение, и страх переползал из живота в предательские колени.

Впервые за все ночные смены ему стало страшно. Песок скрипел под ботинками и смешивался с частым дыханием. Крик то нарастал, то затихал. И принадлежал он уже не странному мальчишке. Да и не человеку вовсе. Крик должен был принадлежать дикому животному.

Хью заглянул в камеру к пареньку, и увидел, что тот спрятался за загородкой туалета и с ужасом затаился. Здесь всё в порядке.

А вот следующей камере творилось неладное. Мексиканец лежал на полу, а руки и ноги его бугрились венами, и выгибались под совершенно невероятными углами. Спина его была натянута как струна, а шея вывернута назад, и опирался он на голову. Черные волосы рассыпались по грязной плитке.

Хью направил на него ствол и взвел курок.

Тот, услышав этот звук, моментально замер, будто это могло спасти его от смерти. А спустя пару секунд и хрустя суставами, он поднялся на четыре конечности, не меняя позы. Ноги согнуты в коленях, руки вывернуты назад. Голова свесилась до самого пола. Взгляд направлен сержанту прямо в глаза.

— Стой, не шевелись! — Тон Хью, к его собственному разочарованию, оказался больше умоляющим, чем приказным. В голове мелькнула отчаянно рациональная мысль о том, что, возможно, не стоит пить так много кофе на ночь. И тогда, может, перестанет мерещиться всякая срань.

Только вот "срань" резво метнулась прямо на него. Хью машинально отпрыгнул назад и поблагодарил всевышнего, что между ним и тварью находится решетка. Мексиканец (вернее, то, что раньше им было) вцепился руками в прутья и попытался их разжать.

— Я буду стрелять! — Сам Хью не был уверен в этом до конца. И если с учебными мишенями он разобрался давным-давно, то с тем, сможет ли он оправить кусок свинца человеку в грудь — он до сих пор сомневался.

(Это всего лишь мишень, Хью, только перевернутая. Человеком оно уже быть перестало...)

Он так и стоял с пистолетом на вытянутых руках. Слабая дрожь передавалась оружию, и мушка легонько выплясывала перед глазами.

Хью застыл. Он ждал того момента, когда основания стрелять станут совсем уж очевидными. Секунда. Другая...

И тут существо открыло рот, и из него в сторону сержанта стремительно вылетел скользкий черный язык. С присоской на конце и длинный, как у хамелеона, он пружиной выстрелил вперед.

Пальцы среагировали быстрее головы. Выстрел револьвера отбросил создание к противоположной стене, заляпав все вокруг густой черной жижей. Помещение наполнилось резкой вонью, запахом пороха и звоном в ушах. Из оцепенения Хью вывел старик Вилсон, который всё это время мирно дремал на соседней койке. Хью дернулся, и направил ствол в его сторону.

Тот, к превеликой радости сержанта, выглядел нормальным человеком. Он осмотрел помещение и только перевернулся на другой бок. Перед тем как снова захрапеть, он проворчал:

— Приснится же гадость такая...

Пистолет будто пустил в руку корни. Хью никак не мог заставить его убраться обратно в кобуру. Рука дрожала, а мысли в голове пришли в хаотичный пляс. Он сумбурно ходил от одной камеры к другой и попеременно заглядывал то в одну, то во вторую.

Мёртвое тело в черной луже продолжало лежать всё в той же нелепой позе. Старик спал. Мальчишка в соседней камере устроился на жесткой койке, поджав колени под себя. Но не спал. Даже здесь он не чувствовал себя в безопасности.

Остатки кофе в чашке были холодными. Хью выпил, не разбирая ни вкуса, ни температуры. Пожалел он только о том, что нечем сдобрить. Пара глотков виски определенно, была бы в самый раз. Револьвер наконец-то выпал из оцепеневших пальцев. И когда Хью, показалось, что пора выдохнуть, раздался настойчивый стук в парадные двери.

Он старался шагать бесшумно, медленно продвигаясь из своей будки к выходу. Не обращая внимания на нетерпеливый грохот в стекло, он крался, сжимая оружие обеими руками. И только когда он аккуратно выглянул из-за угла и увидел шерифа, прижавшегося к

дверям, выдохнул.

Пока он шел, он разглядывал не столько Майлза, сколько стоящего рядом с ним тощего мальчугана.

(У нас сегодня тут филиал детского сада, что ли?)

Оба они выглядели комично, с намотанными пыльными тряпками на лицах.

Хью открыл засов и впустил Чифа, паренька, и в придачу облако пыли внутрь.

— Хью, твою мать, ты тут спишь что ли? — Майлз снял с себя повязку и отряхивался от пыли. Паренек проделал то же самое, только с большим стеснением и будто бы извиняясь за то, что нанес грязи в помещение.

— Чиф, тут творится какая-то... Какое-то...

— Необъяснимая дрянь, Хью. Называй, пожалуйста, вещи своими именами. И не только у тебя, ты не избранный. Чего так долго не открывал?

— Я, это... У меня тут сегодня очень насыщенный вечер. — Чиф заметил, как Хью рассматривает Салли.

— У нас тоже. Есть выпить?

— Сэр? — Хью удивленно поднял брови.

— Черт, это же участок, да. — Майлз разочарованно вздохнул. Потом заметил, как его помощник удивленно и даже снисходительно разглядывает Салли. — Не косись так на мальчика, я подобрал его в пустыне. Он был с каким-то типом в капюшоне.

— Каким-то типом в капюшоне? В пустыне? В такую бурю? Шериф, я, конечно, могу поверить, что есть сумасшедшие, разгуливающие в пустыне в непогоду, но... Что вы-то там делали? — Видя, как Хью озадаченно смотрит на них двоих, Шериф вздохнул и произнес:

— Чуть позже расскажу. Или пусть он сам расскажет.

Взгляды двух пар глаз усталились на Салли.

— Он забрал меня из приюта. — Салли выдержал паузу, и когда осознал, что шерифа с помощником этот ответ не удовлетворил, добавил: — Он не представился.

— У тебя тут что? — Шериф перевел взгляд на Хью.

— Лучше бы вам самим взглянуть на это, сэр.

— Пресвятая Дева Мария! Что это за тварь, Хью? — Майлз, склонив голову вбок рассматривал искореженные останки создания.

— Это тот самый беглый Мексиканец, сэр. После того, как началась буря, он превратился в ЭТО.

— А что за паренек в соседней?

— Он сам пришел, сэр. Тоже беглый, только сам он ничего не говорит. Сказал только, что сбежал из какого-то ужасного места.

— Как по мне, Хью, Мексика — это и есть то самое страшное место. — Задумчиво протянул Шериф. — Пойди, пригляди за Салли, а я пока переоденусь и сам поговорю с пацаном.

— Я надеюсь, что ты понимаешь, что это — всего лишь вынужденная мера? — Майлз отрывисто кинул взгляд на наручники на руках Вэйда. Тот сидел на койке, пряча лицо под капюшоном. Шериф сидел напротив него. Он надел форму, а дробовик положил на колени. — Я не знаю, ни кто ты, ни откуда пришел. Поэтому предосторожность не помешает. Особенно, в нынешней ситуации.

— Не меня вам стоит бояться, сэр. — Произнес Вэйд тихо.

— А кого же?

— Тех людей, которые оборачиваются зверями. И того, кого они призвали в наш мир.

— Так-так, по порядку. Что за люди, парень?

— Я не знаю. Один из них — тот, кто меня похитил, назвался Лексом Ларкиным.

— Лекс Ларкин... — Шериф задумался. — Ты ничего не путаешь?

— Нет, сэр. Он именно так и сказал.

— Парень... Я здесь родился и вырос. И знаю все семьи, которые живут в Вайптауне.

Даже те, которые недавно переехали сюда. У нас в городе нет человека с таким именем и фамилией. — Вэйд поднял голову и обреченно взглянул на Шерифа. Он хотел, было, что-то ответить, но задумался. — Тогда такой вопрос. Смог бы ты опознать его или этих сукиных детей, если бы увидел их на улице?

— Думаю да, сэр. — Ответил Вэйд уверенно. — Уж поверьте, их лица я вряд ли забуду.

Они там проводили какой-то мерзкий ритуал. Они... Они съели проститутку. — Сказал он.

— Срань Господня! — Выдохнул Шериф.

— И меня тоже хотели сожрать, только мне удалось убежать.

— Это её кровь у тебя на одежде? — Спросил шериф.

— Да, сэр.

— Знаешь... — Задумчиво протянул Майлз, крепко сжав затвор дробовика. — В другой ситуации я бы тебе вряд ли поверил. Но, когда видишь своими глазами потусторонние необъяснимые штуки уже второй раз за ночь... — Пауза затянулась. — Ну, а что ты можешь сказать про ту сущность, которую они позвали сюда?

— Я не знаю, сэр. Видимо, это что-то навроде бога. Отвратительного и злого, если ему нужны такие жертвы. Я, сэр, даже боюсь называть его имя вслух.

— Разумно. — Согласился Майлз. — Может, оно только того и ждёт. Только, видимо, поздно уже опасаться. Эта буря... Боюсь, парень, оно уже здесь.

Оба задумались о чём-то своём. Шериф пришел в себя, когда Парень в очередной раз звякнул неудобными "браслетами".

— Итак. — Тон шерифа снова стал серьезным. — А теперь расскажи про себя.

— С какого момента? — Спросил Вэйд.

— Исходя из сложившихся обстоятельств, парень, свободного времени у нас хватает. Поэтому, рассказывай с самого начала.

— Очередную свою дрянь читаешь? — Шериф вошел к Хью в будку и громко брякнул наручниками. Хью стыдливо захлопнул книгу.

— Это не дрянь. Вернее, это не как в прошлый раз. — Майлз снисходительно глянул на своего замявшегося помощника. Затем на книгу. На обложке красовалась бизонья голова. — Это русский автор. А книга, ну, она весьма своеобразная.

— Хью, да мне похрену! Господи, ты... — Фразу договаривать он не стал. Видно было, что он хочет сказать что-то ещё, но увидев Салли, который сиротливо сидел на стуле, завернутый в шерстяной плед, передумал. — Ты поговорил с Салли?

— Да, сэр. Он, как ни странно, помнит вас.

— То есть? — Спросил Майлз удивленно.

— Вы когда-то давно приезжали в дом, когда его мать застрелилась. — Последние слова Хью произнес почти шепотом.

— А ведь и вправду. Память подводит меня в последнее время. — Сказал Шериф.

— И ещё, сэр.

— Да?

— Мальчику нужны лекарства. Какое-нибудь седативное. И не только.

— Утром, Хью. Идите, отдыхайте.

— А вы, сэр?

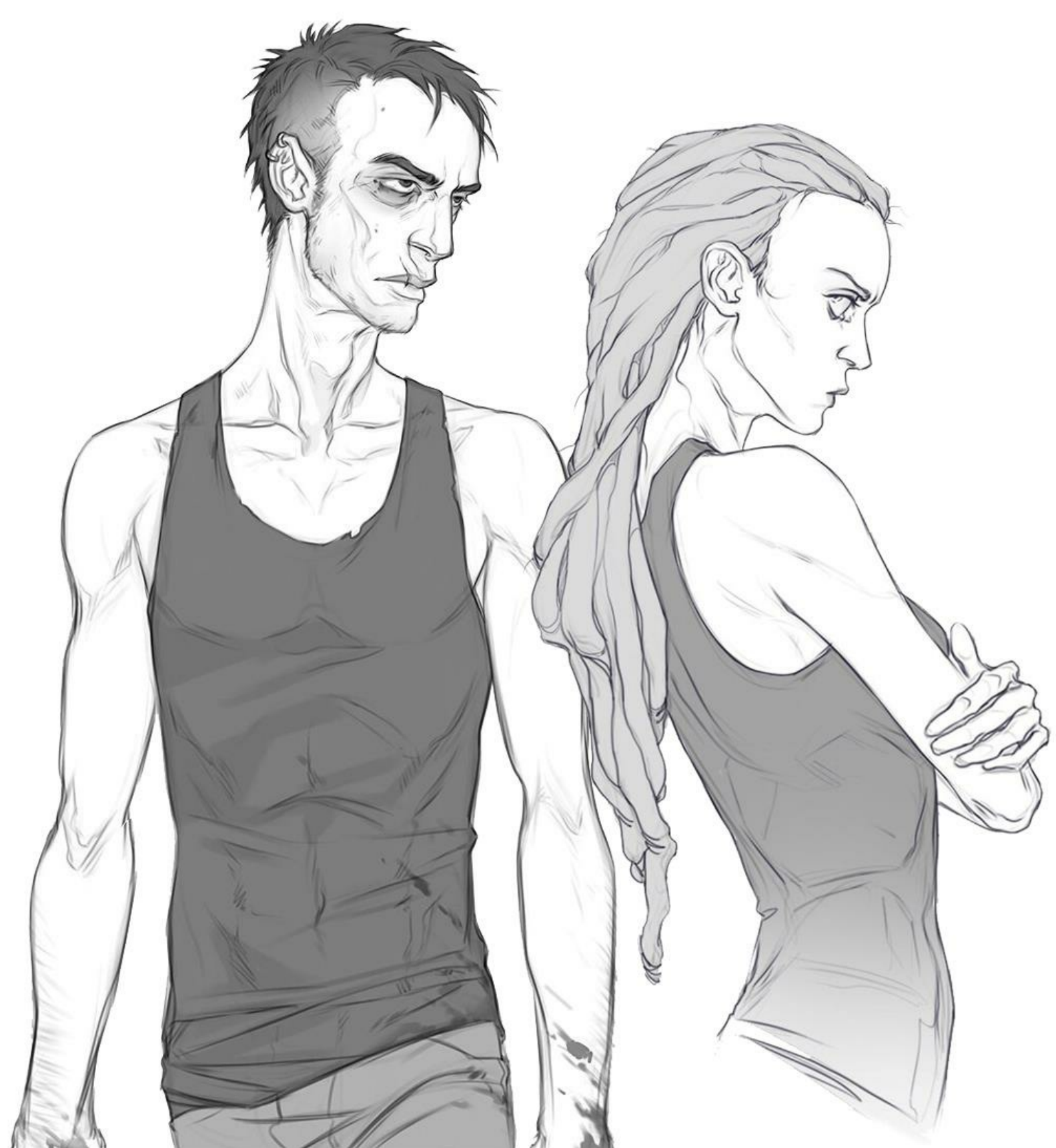
— Я и так уже последние три года не сплю, продержусь и ещё одну ночь...

Майлз Хастор вытащил стул, и устроился дежурить на нем прямо в коридоре. Крепкими ещё руками он сжимал дробовик и сквозь беснующийся на улице песок, всматривался в улицу, пытаясь застать восход солнца.

Вэйд Оуксон наконец-то уснул. Как он не боялся этого, но сон всё-таки сморил его. Ему снилась Триша. Объеденная и голая, она просила не отдавать её Гнилому Королю. Вэйд пытался спасти её, но тщетно. Некто в сером пыльном одеянии без лица, но с четырьмя глазами, возникал из темноты, хватал проститутку за руку, и уводил её под громкие вопли.

Салли и Хью отправились в комнату отдыха. И когда Хью уже почти было, заснул, услышал тихий шепот паренька:

— Оно здесь. Оно уже здесь, и оно очень голодно...

ЗАТИШЬЕ.

1 июля 2019 года.

Вайнтаун, штат Нью-Мехико.

— Уж, не знаю, к чему ты там привыкла, но добро пожаловать. — Скотт открыл дверь и сделал приглашающий жест типа "заходи, не стесняйся".

— Ты, что, двери не запираешь? — Алекс была не столько удивлена, сколько озадачена. И только войдя внутрь и поведя фонариком по внутренностям обители, она поняла, почему

её новый приятель оставляет дверь открытой. Старый диван, старый телевизор, старый холодильник. Старым здесь было почти всё. Утешением стало то, что в трейлере была относительная чистота.

(Значит, Скотт не совсем конченный парень.)

— А чего тут воровать? — Алекс уставилась на него с недоумением. — Ладно, посиди пока здесь, на диване, а я пойду, попробую запустить дизельный генератор.

— Это было бы круто. — Скотту показалось, что она наконец-то выдохнула. Она уселась на диван и заметила, что он смотрит на неё выжидающе. — Чего?

— Только, можешь дать мне фонарь? Я на ощупь пока не умею.

Хренов генератор никак не хотел заводиться. Скотт провозился с ним не менее получаса. Сначала он долго искал большую зеленую канистру с топливом. Потом долго не мог подключить клеммы аккумулятора, из-за неведомо откуда взявшейся паранойи, хранившегося отдельно в украденном, откуда-то цинковом кофре. Потом заклинило стартер, и шнур порвался примерно посередине. Сняв крышку, и намотав два связанных меж собой куска вручную, он завел силовую станцию только с пятой попытки. Выхлопная труба выдала облако удушающего сизого дыма, и Скотт закашлялся.

Стенка между трейлером, и пристроенным к нему деревянным сараем была тонкой, и Скотт был уверен, что лейтенант внутри трейлера вполне отчетливо могла прослушать "полный курс нецензурной брани Скотта Ганна". Впрочем, большое дело — на службе, наверняка и не такое слушала.

Подключить кабель к электрическому щитку тоже оказалось не таким простым делом. Петли заржавели, и в итоге Скотт просто оторвал основательно тронутую ржавчиной, крышку.

Когда он вошел внутрь, Алекс озадаченно ходила по коридору взад-вперед.

— Можешь поздравить нас! Теперь у нас есть электричество! — Скотт искренне сиял от счастья. Но, увидев кислую улыбку Алекс, перестал улыбаться.

— Спасибо, Скотт. — Выдавила она из себя.

— Ладно, я понимаю, что мы в заднице. — Выдал он.

— Ох, ещё и в какой! — Согласилась с ним Алекс.

— И тем не менее. Я предлагаю отдохнуть, и завтра утром выдвинуться отсюда.

— На чём? — Спросила Алекс. — На своих двоих? На волшебных розовых единорогах? Мы так далеко не уйдём.

— Ну, завтра можно поискать машину на ходу. В крайнем случае, у старого Чохаса в подвале оборудовано что-то, вроде бункера. Там и жратва есть. И что-то типа пустынного багги. Правда, не знаю, на ходу, или нет. Я, кстати, всегда говорил ему, что он сумасшедший, раз верит в то, что это убежище с хламом хоть когда-нибудь кому-нибудь пригодится. А вот теперь получается, что...

— Постой! — Алекс подняла руки и глубоко вдохнула. — Давай помедленней. Ты знал, что у кого-то в этом городе есть убежище, с провизией, возможно даже с электричеством и транспортом, но мы пошли к тебе? — Скотт понял, что тут он, конечно, просчитался.

— Ну, я как-то про это забыл совсем. — Скотт принялся озадаченно чесать затылок.

— Твою мать, Скотти! Всякий раз, когда я думаю, что у тебя имеются хоть какие-то зачатки интеллекта, ты обязательно всё портишь! — Алекс сорвалась на крик, и Скотт видел, как её начинает трясти. Сам он тоже устал, и последнего упрека оказалось достаточно, чтобы и он взорвался.

— Хватит! Достаточно! Я в отличие от тебя хоть что-то делаю! Я привел тебя в свой дом. Где есть электроэнергия и защита. А ты только и говоришь, какое я говно! Можно было бы хоть раз и спасибо сказать. — На минуту повисла тишина, сопровождающаяся только рокотом дизельного генератора.

— А душ тут у тебя есть? — Алекс всем видом показывала, что она остается при своём мнении, но готова идти на компромисс.

— Да. — Ответил Скотт. — Вон там, за дверью. За правой дверью. Левая — туалет. — Пояснил он. — погоди, сейчас я принесу тебе полотенце.

Когда она схватила полотенце, свой рюкзак и зашагала в сторону ванной, Скотт опомнился:

— Там в шкафчике слева всякие женские штуки. От бывшей остались...

— Сама разберусь, не маленькая! — Процедила она, не оборачиваясь.

В холодильнике с прошлого раза ничего не появилось. Спиртного — в особенности. Чтобы хоть чем-то занять мозг и руки, Скотт взял телефон Алекс и увидел, что тот мигнул истощающейся батареей и затих. Необходимого зарядного устройства у него не оказалось. Поэтому, когда Алекс вышла из душа (снова одетая в форму, только теперь без армейских разгрузов, и с мокрыми волосами), она застала Скотта, подсоединяющего аккумулятор проводами прямо к розетке.

— Твою мать! Ты мне батарею сожжешь! — Она бросилась к Скотту в надежде выдернуть аккумулятор из его рук.

— Спокойно! Я через понижатель подключил. Я не сумасшедший, в конце концов. И во всей этой электрохрени разбираюсь.

— Просто... Я подумала... — Алекс бессильно упала на диван и готова была разреветься. — У меня сегодня очень хреновый день, Скотти. Просто адски. И мне нужно немного времени, чтобы прийти в себя.

— Я понимаю. — Сказал Скотт куда-то в пустоту. — Ну, тогда иди, отдыхай, а я пока останусь здесь. В спальне — удобная кровать. Можешь спать прямо в одежде, если хочешь.

— А ты? — Скотт так и не понял, был ли этот вопрос искренним.

— Я, может, присоединюсь чуть позже.

— Ты, что сделаешь чуть позже? — Она вскочила с дивана в одно мгновение. — Неужели я похожа на дуру, Скотти? Думаешь, если ты меня спас, то имеешь право бесцеремонно лезть ко мне в трусы? Хрен тебе, урод! Спокойной ночи...

Алекс, не дав ничего ответить, удалилась, и громко хлопнула дверью.

— Я просто хотел сказать, что тоже посплю. Только здесь, на диване. — Сказал он шепотом сам себе. А вообще — мне достаточно было просто сказать "спасибо".

Скотт Ганн положил пистолет на стол, достал из него обойму, и начал медленно вставлять в неё один патрон за другим. Выпить хотелось просто невероятно.

Алекс снился отец. Он укоризненно смотрел на неё четырьмя рубиновыми глазами, а потом сказал:

— Ты недостойное дитя моё, Алекс. — Слова его будто повисли в густом пыльном воздухе. — Сплошное разочарование.

— Папа, я люблю тебя! Но, ты всегда был так строг ко мне! — Алекс заплакала, и слёзы с шипением испарялись с её лица.

— Воспитание — тяжкое бремя. Посмотри, что ты сделала со мной! — Алекс пыталась взглянуть на отца в лицо, но оно будто плыло. — А теперь пойдём.

— Куда?

— В то место, где нерадивым детям преподают урок.

Он крепкой холодной рукой схватил её за запястье и повел в красную бушующую пустыню. Алекс упиралась, но отец был силен.

Они прошли мимо кучки людей, наблюдающих эту картину. Из всех присутствующих она узнала только Скотта. Ещё здесь были двое мальчишек, шериф с помощником, и высокий мужчина с маленькой девочкой на руках. И все они отчаянно прятали глаза и неодобрительно качали головами.

— Помогите! Помогите же мне! — Алекс пыталась вырваться, но тщетно. Она кричала и кричала, срывая горло. — Скотт! Скотт, пожалуйста, кинь мне пистолет!

— А ты скажешь мне спасибо? — Спросил он, не поднимая глаз.

— Да, Скотти, всё что угодно! Только дай мне ствол.

Скотт достал "пустынного орла" из-за брючного ремня, и бросил в её сторону. Пистолет упал в песок.

— Спасибо, Скотт! Спасибо! — Закричала она отчаянно.

В какой-то момент она вырвалась и бросилась к оружию, упав на колени в песок. Алекс передернула затвор и направила дуло на своего отца.

— Положи это! — Взревел он.

— Нет, уж, хрен тебе, папочка!

И она нажала на курок. Вместо выстрела был просто щелчок бойка. А когда Алекс подняла ствол, из него полезли муравьи. Огромные рыжие насекомые покрывали её руки, залезали под форму и кусали её. Места укусов жгло огнём. Алекс закричала, бросила пистолет и начала стряхивать с себя муравьёв.

Алекс проснулась в поту.

— Твою мать... — Сказала она сама себе. Живот выкручивало раскалёнными клещами.

Она закурила прямо в комнате. Сон всё никак не шел из её головы. Она понимала, что вызван он большей частью вчерашними событиями. Последний раз отец снился ей ещё в подростковом возрасте. Тогда она только устроилась на службу в вооруженные силы. Сейчас он снова был ей недоволен.

А ещё нужно извиниться перед Скоттом. И к тому же, она так ни разу и не сказала ему спасибо. Если бы не он, её бы сейчас не было в живых. Может, он и безответственный раздолбай, но в смелости ему не откажешь.

Алекс открыла форточку, и выбросила окурок на улицу. В комнату ворвался сухой горячий воздух. За окном, как казалось, краснел рассвет. Гул генератора в сарае стих.

Скотт спал сидя прямо на диване. Голова запрокинулась назад и он громко храпел. В одной руке сжимал пистолет, а в другой — аккумулятор.

Алекс тряхнула его за плечо, он встрепенулся и наставил на неё дуло пистолета.

— Скотт, твою мать! Это я! — Алекс едва успела отскочить вбок.

— Он на предохранителе... — Пробурчал Скотт сквозь сон. — И тебе доброе утро, лейтенант.

Он так и не понял, то ли это затянувшийся рассвет, то ли это что-то с небом. Оно было красным, как гранат с примесью серого грязного цвета. Облака висели низко, и казалось, что вот-вот обвалятся. Воздух был затхлый и пыльный. Скотт закурил и закашлялся. Затем принялся отливать прямо в кусты.

— У вас здесь все такие дикие, или ты один такой уникальный? — Скотт обернулся, не

прекращая своего дела.

— Прости Соня. Это своего рода ритуал. Я каждое утро отливаю в кусты. Потом иду пить кофе и передёргивать.

По выражению её лица он понял, что умудрился разозлить её ещё до того, как окончательно проснулся.

— Ты неисправимый урод, Скотти.

Когда дверь за ней захлопнулась, он произнес:

— Уж, какой есть, детка. Какой есть.

— Сотовой связи нет, а навигатор показывает, что мы вообще где-то в Мексике. — Алекс уткнулась в телефон, осушая уже вторую чашку отвратительного и холодного сублимированного кофе.

— Если эта дрянь блокирует все сигналы, то неудивительно. Впрочем... — Скотт задумчиво запустил пальцы в волосы. — Если сигнал со спутника пробивается, значит, оно просто искажает приём.

— Ну, от этого нам не легче. — Алекс злобно бросила телефон на стол. — Значит, план такой...

— Я весь внимание, лейтенант. — Скотт улыбнулся. Алекс постаралась пропустить это мимо ушей.

— Берем с собой воду, на всякий случай твой аккумулятор, и топаем к твоему этому Чахесу.

— Чохасу. — Поправил её Скотт.

— Насрать. — Отрезала она.

— А аккумулятор зачем? Он же весит хренову тонну!

— Если все машины попали в зону этого поражения, то заряженный аккумулятор, возможно, есть только у нас. — Ответила Алекс.

— Логично. — Согласился Скотт. — Я дотащу эту хрень. Только с одним условием.

— Это, с каким же? — Спросила Алекс. Скотт лукаво улыбнулся.

— Ты выставляешь мне пиво.

Её отец называл это "тихой паникой". Когда люди начинают подозревать, что что-то пошло не так, но не знают, что именно. Они озадачены, но ещё не напуганы. И пока до настоящей паники дело не дошло, они всего лишь выходят на улицу и множат сплетни.

Город был похож на зимний улей, который осветили огромной красной лампой обогрева. Сонные и озадаченные горожане сбивались в кучки и боязливо показывали руками на небо и красное зарево в пустыне. Скотт и Алекс слышали обрывки разговоров:

— ...ни телефон, ни электричество не работают...

— ...джип не заводится, я, и сегодня утром пробовал...

— ...власти про нас вспоминают, только когда нелегалы сквозь забор сочатся...

— Смотрите, вон и военные!

Некто указывал рукой на Алекс.

— Твою мать! Только лишнего внимания нам сейчас не хватало. — Прошептала она.

— Эй, офицер! Пойдите!

Крупный мужчина в белой домашней майке и кепке, надвинутой на самый нос, резво перебежал улицу прямо в их направлении.

— У нас нет на него времени. — Сказал ей Скотт.

— Я знаю. Но, не могу, же я его просто в жопу послать? — Ответила она.

— Офицер, доброе утро. — Мужчина перегородил им дорогу. Его, видимо, не смутил ни автомат, ни скорость передвижения странной парочки. — Вы что-либо знаете об этих странных событиях. Вы ведь здесь из-за этого?

— К сожалению, да. Хотите совет? — Мужчина озадаченно посмотрел на неё, а Скотт краем глаза заметил, что все вокруг замолчали и смотрят только на них двоих. — Бегите отсюда. Забирайте жену, детей, маленькую домашнюю собачку, и мчитесь куда подальше!

Она резко обошла его, и, не оборачиваясь, пошла дальше по тротуару. Скотт только пожал плечами, и сделал безучастную мину, как бы говоря: "Извини, парень, она тут главная". А затем поравнялся с Алекс и сказал:

— Резко ты его. — Он усмехнулся.

— Ой, да мне начхать на его нежные деревенские чувства. — Алекс полезла в карман за сигаретами.

— Лейтенант Соня Блэйд! — Скотт тыльной стороной ладони похлопал её по плечу. Она раздраженно подняла голову.

— Ну, чего?

— Глянь-ка! Мы, кажется, привлекли их внимание. В плохом смысле. — Уточнил Скотт.

Алекс отметила, что народ мелкими группками уверенно двигается в их сторону.

— Ходу, ходу! — Скотт первым припустил бегом. Чертов аккумулятор был дьявольски тяжелым и больно молотил по ногам. Алекс подобралась, перехватила автомат поудобнее и за несколько секунд поравнялась со Скоттом.

— Стой, суки! Держи их!

Со всех сторон с гневными криками валил народ. Скотт понял, что взятие их в кольцо и линчевание лишь вопрос времени.

— Я не хочу стрелять по мирным! — Сказала Алекс испуганно.

— А вот я бы не отказался... — Ответил Скотт.

— Ты больной убудодок, Скотт. Лучше скажи, куда нам сейчас бежать. — Спросила Алекс на бегу.

— Сейчас направо.

Они свернули в переулок и уперлись в высокий кирпичный забор между домами.

— Тут тупик! — Закричала Алекс, едва не влетев в стену.

— Я забыл. — Сказал Скотт.

Алекс подумала о том, что, удивительно, как Скотт Ганн вообще дожил до своего возраста.

— Клянусь, когда мы выберемся из этого сраного городка, я прирежу тебя...

Народ толпился. Переулок был слишком узким и не вмещал всех желающих. Алекс вскинула автомат, но не решилась даже стрелять в воздух. Скотт медленно завел руку за спину, и тихо отстегнул застёжку на кобуре.

Тот самый мужчина, которому посоветовали убираться из города, вышел вперед, похрустывая пальцами на руках.

— Ну, и чего было так бежать? Хотя, ты Скотти, всегда бежал. — Скотт, ничего не говоря, с отвращением сплюнул ему под ноги. Тот ухмыльнулся. — А подружка твоя дерзкая. Она хоть знает, что ты конченный неудачник? Нет? Ну, и ладно. Ближе к делу. Давайте сюда аккумулятор, оружие и рюкзак. И тогда можете спокойно валить отсюда.

— А как тебя зовут? — Неожиданно спросила Алекс. Мужчина оказался не готов к

подобному вопросу.

— Ма... Майкл. — Ухмылка исчезла с его лица.

— Так вот, Майкл. Сейчас ты скажешь всему этому стаду, что ловить здесь нечего. А потом вы все дружно пойдёте по своим делам. Понял? — В доказательство Алекс передернула затвор.

— Нет, детка. Так не пойдет. Вас тут всего двое, а вот нас...

Скотт прервал его речь, ударив аккумулятором прямо в живот. Тот согнулся пополам и отошел на пару шагов. После секундной паузы кто-то кинул в Скотта камень. К счастью для последнего, он просвистел двумя дюймами левее его уха.

А потом раздался выстрел. Толпа притихла. Кто-то закрыл руками голову и присел.

В этот момент Скотт понял, что черта пройдена. Сейчас их либо разорвут на части добропорядочные горожане, либо Скотт и Алекс начнут их расстреливать. И в этот момент Скотт услышал нарастающий шум сверху. К городу быстро приближались две растущие точки.

— Вертолёты! — Крикнула Алекс. — Это военные! Они заберут нас отсюда!

— Соня, успокойся! — Скотт схватил её за плечо.

Люди задрали головы, и заворожено замерли.

— Они заберут нас, Скотт! — Не унималась Алекс. От возбуждения она была готова выпрыгнуть из штанов.

— Соня! — Он развернул её к себе лицом. — Если вертолеты войдут в зону излучения этой штуки в пустыне, что случится с электроникой? — Алекс мгновенно переменялась в лице. Радость возможной эвакуации сменилась на панический ужас.

— Твою мать... — Прошептала она. — Бежим! Бежим скорее!

Скотт расталкивал людей, и бесцеремонно протискивался к выходу из переулка. Алекс толкалась следом за ним, и безрезультатно пыталась докричаться до человеческой толпы.

Скотт держал её за руку, и бежал что есть сил, пытаясь уйти как можно дальше из возможной зоны поражения.

— Скотт! Скотт! — Крик Алекс.

— Что? — Запыхавшись, спросил Скотт.

— Смотри...

Лопасты двух военных вертолетов с ужасающей скоростью останавливались. Машины будто зависли на мгновение, а затем начали падать.

— Ложись! — Закричал Скотт.

Через четыре секунды раздался взрыв.

ГОРЬКИЕ ГРЕХИ.

1 июля 2019 года.

Вайнтаун, штат Нью-Мехико.

В гостиной царил полный разгром. Лекс Ларкин рассматривал окружающий хаос в интерьере с чувством полнейшего равнодушия. Когда призываешь сущность, родившуюся вместе со вселенной, и которая способна поглотить всё живое, перестаешь переживать по всяческим пустякам.

А переживал он только по поводу мальчишки, который сбежал.

— Ты хоть представляешь себе, что этот крысёныш может всем разболтать о том, чем мы тут занимаемся? — Лекс срывался на Мартине. Мартин боязно тряс своими огромными щеками и пытался внятно сформулировать крутившиеся в голове мысли.

— Ну, он, это... Долго не продержится.

— И, как ты думаешь, куда он пойдёт? — Мартин чувствовал, как сжимается, становится маленьким и беззащитным под гневным взглядом Лекса.

— Ну, будет прятаться где-нибудь на улице, наверное... — Предположил он.

— А потом? — Спросил Лекс.

— Не знаю. — Замотал головой Мартин. Лекс сокрушенно вздохнул. Создатель явнс пожалел серого вещества, когда лепил этого борова.

— А я знаю. — Сказал Лекс тихо. — Его копы загребуг.

— Ну, а нам-то что? — Искренне удивился Мартин.

— А то, что он копам про нас расскажет, это — ничего, свиная твоя голова!? — Лекс кричал во весь голос. Мартин молчал, и было видно, что он боится.

(не того боишься, идиот)

— Прости, Лекс. — Мартин пытался втянуть голову в плечи. Получалось плохо.

— Хватит его поносить, Лекс. Какая, блин, разница, поймают пацана или нет. Завтра тут будет твориться такая дичь, что шерифу с его тормознутым помощничком будет не до него. — Джори вышел из ванной с полотенцем на шее и сигаретой в зубах. Он снова выглядел как человек. Особенно, когда смыл с себя кровь и остатки шерсти.

— Ты тоже хорош, Джори. Не удержал полудохлого мальчишку. — Лекс, казалось, успокаивался.

— Да и хрен с ним, братишка. Мне кажется, у нас и так все получилось охренительно! — Джори бесцеремонно устроился на переломанный часом раньше диван. — Жертву принесли? Принесли. Древнего впустили? Впустили. В чем проблема? — Джори с нескрываемым наслаждением стряхивал пепел от сигареты прямо на ковер.

— Проблема в том, что жертвы оказалось недостаточно. — Сказал Лекс.

— С чего это ты взял? — Спросил Джори.

— А с того, что посмотри на себя. Ты снова стал таким как был.

— И? — Джори искренне недоумевал.

— Да! Вы друг друга стоите! — Лекс покачал головой. — Хазоат не может прорваться в наш мир полностью. Пока только маленькими волнами. Отсюда и кратковременность наших превращений. И прочих событий, кстати, тоже. Он застрял во вратах, и пока кормится только тем, что под руку попадет. Ему нужна жертва. Хотя бы ещё одна.

— Так, а в чем проблема, Лекс? Давай мы с Джори приведем кого-нибудь, и сожрем. — Робко подал голос Мартин.

— Ну, естественно! Проще некуда! Просто пойти на улицу и похитить первого встречного. Мартин! — Лекс смотрел ему прямо в глаза. Тот опустил голову и начал внимательно рассматривать ковер. — Помолчи, будь добр.

— Чего ты на пухлом срываешься, братишка? Мы тут все виноваты. Ты вон, вообще дверь в подвал не закрыл. И что? Толстый же не кричит на тебя из-за этого? — Джори продолжал пачкать ковер пеплом.

— Так, а я и не рассчитывал, что вы окажетесь такими криворукими дебилами. — Лекс снова закипал.

— Ну, блин, хватит! — Джори затушил окурок об свой язык, и отбросил в сторону.

— Я нашел идеальную жертву. У пацана нет ни семьи, ни друзей. И никто не будет его искать. — Продолжил Лекс. — А вы вдвоём всё запороли.

— Брось, Лекс. Мальчишка сейчас сидит напуганный где-нибудь на помойке. Если

вообще не по дороге из города. Или ты думаешь, что он побежал напрямик к шерифу? — Джори громко рассмеялся. Мартин начал мерзко хихикать, но уперся в гневный взгляд Лекса.

— Заткнитесь, оба. Если не будет ещё одной жертвы, всё придется начинать сначала.

— Мама, а куда мы идём?

Девочка спрашивала это уже в третий раз. И всякий раз Мэй не могла ей ответить что-либо внятное. Она и сама толком не понимала, куда её ведут.

От самой Мэй в сознании осталась лишь робкая мышка, которая беспомощно поглядывала своими глазами-бусинами на гостя, занявшего её тело. Она опьяненная и лишённая собственной воли, могла только подчиняться. Мозг старательно пытался понять, что не так, но не мог. Но что-то нашептывало, что всё нормально. Что так и должно быть. Мэй будто пребывала в наркотическом угаре. И через эту пленку она весьма смутно ощущала саму себя.

Ноги вели её куда-то прочь от дома. Сквозь песчаную бурю и ветер, сквозь ночь и пустые улицы. И, несмотря на всё это, тело уверенным шагом двигалось в понятном лишь ему направлении.

Она и сама устала, а тут ещё и детеныш беспрестанно плакал и спрашивал о том, куда они направляются. Впрочем, не стоит ей говорить. Непуганая жертва вкуснее.

— Мы идём в безопасное место! — Наконец прокричала она незнакомым себе голосом, пытаясь перекричать ветер. Впрочем, сама она этого не испугалась. А вот девочку, судя по выражению лица, охватил ужас.

— А как же папа? Папа не идет с нами? — Спросила Жэсс, кашляя.

— Твой настоящий папочка как-то трахнул мамочку и свалил в неизвестном направлении! А этот хренов неудачник, который остался дома, не твой отец!

Слова сами вырвались из горла. Мэй не знала, расслышала ли девочка все слова, и уловила ли смысл фраз, но ей уже было всё равно.

Девочка заплакала.

Идти оставалось недолго.

Гостей в эту ночь Лекс не ждал совершенно. Поэтому настойчивый стук в дверь стал для него полной неожиданностью.

— Какого хрена, Лекс? Кого мы ещё ждём? — Джори встрепенулся на диване, оторвавшись от книги. Причём отсутствие электричества его несколько не смущало. Теперь он мог видеть в полной темноте.

— Я почему знаю? — Огрызнулся Лекс.

— Думаешь, тот пацан? — Спросил Мартин, расплывшийся в огромном кресле.

— Ты хоть сам понял, что сказал, идиот? — Лекс неторопливо направился к входной двери. Стук раздался снова. — Заткнитесь хоть на минуту.

Когда Лекс открыл дверь, он увидел женщину с маленькой девочкой на руках. Женщину звали Мэй, а девочку — Жэсс. Причём последняя плакала и кашляла.

— Здравствуй, Мэй Мур. — Гостеприимно сказал Лекс. — Проходи внутрь. Она медленно, будто полусонная, зашла в дом и застыла на мгновение.

— Я принесла вам детеныша. — Сказала она вместо приветствия.

Лекс удивленно оглядел её, и только когда она протянула девочку ему в руки, он улыбнулся. Краем глаза он заметил, что Мартин и Джори удивленно вытягивают шеи из-за его спины.

— Здравствуй, Жасмин. Мама привела тебя в очень хорошее место. — Девочка взгляделась в его лицо и отвернулась. — Не здороваться невежливо. Неужели, мама не учила тебя этому?

— Ты — плохой! — Девочка попыталась вырваться из его рук, но Лекс держал её крепко.

— Ты даже не представляешь себе, насколько. — Улыбаясь, прошептал ей Лекс.

Мартин и Джори обступили их, и девочка, не смотря на протесты и попытки вырваться, перекочевала в руки приятелей. Лекс брезгливо стряхнул руки и спросил у Джори:

— Ну, хоть ты догадываешься, что нужно делать?

— Да, Лекс. — Он кивнул для убедительности. — Мартин, пойдём.

— Слабовольная привела её нам. Не упустите. — Добавил Лекс.

Девочку унесли вниз под крики, которые было слышно даже через закрытую дверь.

Когда за ними закрылась дверь в подвал, Лекс повернулся к стоящей всё в той же позе Мэй. Выражение лица его можно было расценивать, как пренебрежительное: "Ты всё ещё здесь?"

— Ну, а тебе чего? — Спросил он.

— Выпить... — Она тяжело сглотнула в предвкушение алкоголя.

— Присаживайся. — Лекс только сейчас обратил внимание, что одета она так, будто её только что выдернули из кровати. Черная мятая футболка, надетая шиворот-навыворот и черные трусики шортами. Она послушно села в кресло, которое ранее занимал Мартин. — Чего бы тебе хотелось?

Когда в темноте призывно звякнули бутылки с алкоголем, Мэй заёрзала. Лекс решил, что она обойдется безо льда. Да, и без стакана, вовсе. Он протянул ей бутылку с джином, и через секунду по комнате поплыл тонкий аромат можжевельника. Мэй пила жадно. После четвертого глотка она оторвалась от бутылки и, стиснув зубы, замотала головой.

Когда она хотела снова припасть к бутылке, Лекс остановил её руку своей. Она удивленно посмотрела на него.

— Тебе жалко? — Спросила она.

— Не пошла, Мэй. Мне жалко, что такая женщина как ты, не получает то, чего хочет.

Он уверенно отнял у неё бутылку, и положил руку ей на колено. Медленно поднял выше. Ещё выше. Мэй улыбнулась, и развела ноги в стороны.

— Хорошая девочка. — Сказал Лекс.

Он протянул руку до её живота, а потом запустил пальцы под трусики. Мэй застонала, и крепко схватила его за руку.

— Давай. — Сказала она, глядя ему прямо в глаза. — Трахни меня.

Лекс ввёл в неё палец, и ощутил, что она уже успела намочнуть. Ввёл второй. Мэй откинулась в кресле, и стянула с себя футболку. Лекс орудовал пальцами быстро и умело. Мэй подумала, что даже сама себе она не могла доставить такого удовольствия. Пока он удовлетворял её пальцами, его кожа становилась красной, прорезалась ещё одна папа глаз на голове, а на пальцах появились крепкие и длинные когти. Последнего Мэй в порыве наслаждения даже не заметила.

Кончила она быстро. Она вскрикнула, и тело её сотряслось. Её оргазмирующий крик смешался с захлёбывающимся воплем из подвала.

На несколько секунд воцарилась тишина. Когда Мэй открыла глаза, Лекс стал другим. Он хищно улыбался ей, облизывая пальцы, доставившие ей оргазм, и она к своему

удивлению, улыбнулась тоже.

Лекс зарычал и резкими жадными движениями сорвал с неё трусики. Те задержались сначала на коленках, потом на лодыжках, а затем и вовсе улетели прочь в темноту. Он схватил её за талию, и легко, словно она ничего не весила, развернул спиной к себе. Мэй схватилась за спинку кресла и выгнула спину. Она почувствовала, как пальцы больно впились ей в ягодицы, а потом между ними оказался его язык. Он нашел ту, вторую дырочку, и обильно смочил её слюной.

Он вошел в неё резко и с остервенелым напором. Смесь боли, удивления и страха. Этот тип трахал её двумя членами одновременно! Мэй выгнулась, чтобы увидеть это воочию, и когда убедилась, что оба "прибора" действительно принадлежат Лексу, ужаснулась ещё больше. Тот схватил её за шею и крепко сжал одной рукой.

— Тебя никто ТАК не трахал до этого, да, сука?

— Нет! — Говорить было тяжело. Она задыхалась и наслаждалась этим одновременно. Сил оставалось только на то, чтобы стонать.

Он с рычанием кончил прямо в неё. Мэй сползла по креслу, чувствуя, как в её чреве плещется его семя. Как оно достигает цели, и прорастает в ней.

Она не понимала, сколько прошло времени, но когда она повернулась, их уже было трое. Один из тех, кто появился, был похож на огромного борова, а второй — на куницу. Лица обоих были в крови.

А потом она будто проснулась. Всё чужеродное, что было в ней, ушло. Это вырезали, вырвали словно опухоль. Она снова стала самой собой. И только тогда пришло осознание того, что она только что натворила.

— Где Жэсс? — Она беспомощная и голая пыталась добиться от них ответа на вопрос, на который сама себе уже ответила. — Где моя девочка?

— Ты же сама отдала нам её! — Сказал Лекс ухмыляясь.

— Что вы с ней сделали?! — Её крик, полный отчаяния, заполнил весь дом. Мозг, отравленный алкоголем, всё ещё отказывался принимать правду.

— Она помогла нам пригласить в этот мир бога! — Радостно отвечал Лекс.

— Что вы сделали с моей девочкой?! — Мэй закрыла лицо руками и заплакала. — Моя Жэсс... Что вы с ней сделали...

— Мартин, собери её тряпки, будь добр. У меня нет больше сил слушать эти стенания.

Мартин достаточно проворно для своих габаритов нашел исподнее, принадлежавшее их гостю. Он робко встал перед ней, и ждал, пока она сама опомнится, и заберет бельё из его рук. Джори закурил очередную сигарету, и, увидев эту картину, мученически закатил глаза. Он вырвал из рук Мартина свёрток, и швырнул в лицо Мэй, бормотавшей нечто нечленораздельное. Та машинально схватила одежду и только лишь прикрылась ею.

— Да выставите вы её уже! — Не выдержал Лекс, опустошавший бутылку виски на кухне.

Мартин схватил Мэй за волосы, и поволок к входной двери. Та начала голосить и брыкаться, но тщетно. Когда за ней захлопнулась входная дверь, она ещё долго кричала и колотила по ней руками. Обессилев, она упала на колени.

Буря стихала. Мэй кое-как натянула на себя свои вещи и отправилась в сторону дома, смутно представляя, что теперь делать дальше.

Через полмили у неё резко схватило живот, её стошнило прямо на чей-то газон.

Скарр не знал, для каких целей изначально предназначалась эта штука. Маленький серебряный гробик с вензелями и узорчатой застежкой-гвоздиком, мог бы быть как

солонкой, так и местом хранения пары-тройки колец. Может быть, некто сумасшедший, или просто эксцентричный сделал эту штуку, чтобы презентовать обручальное кольцо даме своего сердца. Может быть. Сколько бы он ни рассматривал эту штуку, и сколько бы ни гадал о её назначении, правды он не знал. Но, наверняка знал то, что маленький серебряный гробик принадлежал только лишь ему.

Скарр хранил в нём кокаин. И сейчас он брал тонкий перочинный ножик, и маленькими горстками высыпал порошок на поверхность лакированного стола. А затем из этих горсток он начал кропотливо вырисовывать череп. Небольшой череп из кокаина. Пока рука орудовала ножом, Скарр отпустил свои мысли в свободный полёт. На данный момент он был обеспокоен побегом. Мальчишка сбежал почти четыре дня назад. С тех пор Сохо искал его по всем своим каналам, вплоть до связей с продажными служителями закона. Собственность нужно было вернуть. Неважно, что после того, как Скарр привезет его обратно, он лично накажет пацана. Возможно, даже лишит некоторых конечностей. Но, он не должен умереть. Он должен стать калекой и наглядным примером для тех, кто решиться "выйти из бизнеса". Каждый! Каждый, сука, должен знать, что Альмовар де Марко де Мария Гонсалес всегда возвращает то, что принадлежит ему.

Череп получался красивый.

Сохо вошел как обычно, без стука. Скарр только поднял голову. Его некрасивое, покрытое оспинами и шрамами лицо было злым и сосредоточенным. Единственный глаз сверлил вошедшего насквозь.

— Нашел? — Спросил он, снова погрузившись в превращение кокаиновых линий в осмысленный рисунок.

— Ну, можно сказать и так. — Уклончиво произнес Сохо.

— Где он?

— Мы прощуршали весь город. Здесь его уже нет. Если он и сбежал, то сбежал в Штаты. Наш человек с границы доложил, что никто из патрульных никого не видел. Но... — Сохо выдержал паузу. — Это ещё ни о чём не говорит. Он мог перейти границу ночью. Логично было бы предположить, что он отправится в свой родной город — Альбукерке. Но, это как раз и есть самая большая глупость. Поэтому, если он где и прячется, то в Вайптауне. Городок этот маленький и спрятаться там, конечно, тяжело. Если он, по крайней мере, был там, то мы обязательно узнаем об этом. — В кабинете воцарилась тишина. Скарр молча, выводил узоры кончиком ножа. Наконец он ударил кулаком по столу, уничтожив рисунок, и подняв в воздух облачко белого порошка:

— Готовь машину, Сохо. Мы отправляемся за маленьким ублюдком лично.

СО СТРАДАНИЕ.

1 июля 2019 года.

Вайптаун, штат Нью-Мехико.

Когда он вышел на улицу, буря почти утихла. Ветер перестал грести песок в город, и дышать стало значительно легче. Разве что воздух был странного серого цвета.

В шкафу Рик отыскал свою старую байкерскую куртку с усиленными локтями и плечами. Последние полтора года он водил исключительно пикап, а чоппер скучал в гараже. Когда он пытался его завести, мотор предательски молчал, и не подавал признаков жизни. Рик отчаянно пнул мотоцикл, и тот с грохотом упал.

— Хренова железяка! — Рик понимал, что железный конь не виноват, но злость застлала его разум целиком.

Придется идти пешком.

Рик сам не понимал, зачем, но руки сами взяли с полки топор с длинной ручкой. С топором наперевес, он вышел в предрассветный Вайптаун.

Город ещё спал. Людей, рискнувших выйти на улицу, Рик отметил не больше десятка.

— Когда он спустился с эш-авеню, навстречу ему буквально выбежал Майкл Нонсен. Бейсболка натянута на самые глаза, на светлой майке — следы от пота.

— Эй, Рик! Рик, стой! — Он махал рукой, в надежде остановить Рика.

— Привет, Майкл. — Рик не сбавлял шага. Майкл поравнялся с ним. — Ты чего тут делаешь?

— Ты не представляешь, какая срань тут творится. — Начал он. Рик скептически поднял бровь.

— Да, неужели?

— Ага. — Майкл не заметил сарказма. А ты куда двигаешь? И что у тебя с лицом? — Тот, похоже, только сейчас заметил синяки под глазами и разбитую переносицу Рика.

— Мэй ушла. — Ответил он коротко.

— Ну, и хрен с ней! — Невозмутимо произнес Майкл.

— Она унесла Жэсс. — Раздраженно сказал Рик.

— И что?

Рик резко остановился и посмотрел Майклу в глаза.

— Ты славный мальчик, Майки. Но, иногда ты бываешь полным ослом.

Рик возобновил шаг, а Майкл так и остался стоять, глядя ему вслед.

— Ну, и топай отсюда! Гребаный неудачник! Ты всегда доигрывал чужие партии. Всегда был запасным...

Рик остановился не оборачиваясь. Майкл напрягся, и подумал о том, что, наверное, зря он сейчас дразнит человека с топором в руках. Он уже готов был ретироваться, но Рик зашагал дальше.

— Урод... — Сказал ему вслед Майкл.

Рика разрывало амбивалентное чувство. С одной стороны, он отчаянно жаждал встретить Мэй. С другой стороны — он не хотел её видеть. Из-за того, что она утащила Жэсс. Из-за того, что она постоянно бухала. Из-за всей накопившейся дряни.

Ему нужна была только девочка. Та, что называла его папой. Та, которую он любил без памяти. Рик старался не думать о том, что он сделает с Мэй, когда найдёт её. Ещё ни разу до этого он не то, что не поднимал на неё руку — не кричал на неё. Но, он понимал, что всему есть свой предел, и что терпение заканчивается даже у самых стойких.

Рик вспомнил самый первый раз, когда он увидел Жэсс. Ей тогда было чуть больше года. Маленькое, спокойное создание, которое пришло в этот хаотичный и бушующий мир, дабы улыбаться. Он взял её на руки, и она засмеялась. Рик был счастлив. Мэй была счастлива. Все они были счастливы...

Вайптаун дремал. Эта дрема была похожа на последние минуты перед тем, как

проснуться. Странное чувство. Мозги знают, что конструкции из мяса и костей пора просыпаться, а та просит ещё немного. Ещё совсем немного...

Утро приходит неминуемо. Как и ощущение беды. Рик чувствовал, что скоро горожане начнут выходить на улицы и непонимающе озираться по сторонам. Самая опасная форма жизни на этой планете — толпа. Когда она поймёт, что привычный уклад рушится на части, она начнет сеять хаос. Именно там, где он не нужен.

Мыслями он был где-то очень далеко. Тело несло его куда-то на Вибора-стрит. И на пересечении с Ройо-авеню он увидел её.

Волосы растрепанны и спутаны неопрятными колтунами. Мятое и пыльное исподнее, на коленках и бедрах — кровь.

Мэй.

Гребанная сука.

Как бы ему не хотелось закричать на всю улицу, он не посмел. Крик застрял где-то в глотке, и оборвался. Он в десяток быстрых шагов оказался прямо перед ней. Мэй, словно не видела его, просто остановилась и замерла, опустив глаза. Рик заметил поплывшую тушь, и перепачканный рвотой подбородок.

— Где Жэсс? — Дыхание выдало его тревогу.

— Прости, Рик. — Лицо её некрасиво скривилось, и из глаз потекли слёзы. Она села прямо на асфальт, безвольно уронив руки на пол.

— Где Жэсс? — Повторил Рик с ощутимой паузой. Мэй молчала. Она отвернулась в сторону и хныкала. — Где, мать твою, Жасмин?

Нет ответа.

— Говори!

Снова тишина.

— Говори, дрянь!

— Рик, я не знала, что так выйдет... — Слёзы стекали по её лицу.

— Как выйдет? — Руки у него опустились.

— Я не знала, что делала.

— Чего ты не знала, тупая ты сука? — Рик почувствовал, что сейчас сам разрыдается. Он не хотел верить, что с Жэсс случилось нечто нехорошее.

— Рик, прости меня! Прости, пожалуйста, за всё! — У Мэй начиналась истерика.

— Ответь мне, пожалуйста, Жэсс жива? Скажи, что это так. Умоляю, скажи, что она ещё жива. — Глаза его застилала мутная пелена слёз.

(Надо же, Рик, слёзные железы у тебя ещё не атрофировались)

Мэй сглотнула и отрицательно закачала головой. Рик ухватило доли секунды, чтобы понять, что он никогда больше не увидит девочку живой. От его крика Мэй дёрнулась, как от удара.

Он кричал, надрывая связки. От бессилия и невозможности что-либо изменить. Опустившись на колени, и сжимая кулаки до хруста. Топор со звоном упал на дорогу. Крик эхом расходился по улицам города.

— Прости меня, Рик. Я... — Пока Мэй сглатывала и пыталась найти слова, он встал с колен и рукой вытер слёзы.

— Ты хоть представляешь себе, что ты наделала? Ты убила её! Убила мою девочку!

— Прости, пожалуйста!

Рик перехватил топор обеими руками и обрушил его обухом на Мэй. Она даже не

сопротивлялась. Словно понимала, что сама виновата в произошедшем, и теперь приходит неминуемая расплата. Слишком долго оттягивался этот момент. Слишком много грехов накопилось. Первый удар пришелся в район плеча. Второй — когда Мэй завалилась на живот, вопя от боли — в район поясницы. От третьего удара головка слетела с усохшего топорика, и бесшумно упала на газон. Рик продолжил избивать жену до тех пор, пока она не обмякла.

Рик подобрал головку, и снова насадил её на рукоять, оставляя на металле кровавые потёки.

Кто-то обязательно увидит его и доложит Шерифу Майлзу. Пускай. Насрать. Главное — что Мэй получила по заслугам. Рик искренне желал, чтобы она сдохла. В глазах у него всё ещё стояли слёзы.

Тусклый рассвет проникал в Вайптаун и Рик медленно направился в центр города.

В Пабе "Tarantula" было темно и открыто, благодаря трем сильным ударам топора по висячему замку. Рик окинул помещение взглядом, и уселся на стул, уронив голову на стойку. Топор он поставил рядом со стулом.

— Бармен, виски! — Закричал он в пустоту.

Рику никто не ответил.

— Я шесть лет не пил... — Продолжил он рассказывать. — А вот сегодня я просто чувствую, что с ума сойду без этого.

Рик услышал, как в тишине по стойке шуршит стакан. Он поднял голову и обнаружил, что перед ним стоит запотевший бокал с жидкостью цвета гречишного мёда. За барной стойкой стоял человек в пыльной мантии, скрывающей лицо капюшоном.

— Здравствуй Рик Мур. — Произнес он странным сухим голосом.

— Заметь, ты появился раньше, чем я начал пить. — Сказал ему Рик с горькой ухмылкой, и в два глотка опорожнил стакан.

— Я знаю про твою утрату.

— Откуда, интересно? И кто ты вообще такой? — Рик утерся рукавом. Пойло всё ещё стояло в глотке, обжигая слизистую и дурманя рассудок.

— Жизнь в четырех измерениях сразу имеет свои особенности, Мур. Оно не хорошо и не плохо. Оно так, как оно есть. Я разделяю твою утрату. Хоть Жасмин и не была твоей биологической дочерью, ты любил её больше всех.

— Повторюсь. — Подобрался Рик. — Кто ты нахрен, такой?

— Так ли важно кто я?

— Да, черт подери! — Рик ударил зажатым в руке стаканом по стойке. Тот, на удивление, выдержал.

— Ну, если тебе это хоть что-то скажет... — Незнакомец скинул капюшон, и перед Риком открылось красивое и отдаленно знакомое девичье лицо. Рик всматривался в правильные черты лица и знакомые зеленые глаза. Воображение играло с ним злые шутки.

— Ты... — У Рика не нашлось слов.

— Так бы выглядела Жасмин, когда повзрослела бы. Может, это хоть немного скрасит твоё горе.

— Не шути так со мной, парень! — На глаза Рика снова навернулись слёзы. Он резкими движениями скинул с себя куртку, и сжал кулаки.

— Я понимаю. — Сочувственно вздохнул Незнакомец.

— Что ты такое? — Спросил Рик.

— А что ты такое, Рик? — Спросил он в ответ. — Задумывался ли ты, в чем твоя сила? Твоя жизнь ценна, и я надеюсь на твою помощь.

— Пффф... — Рик рассмеялся. — И ты надеешься после этого дерьмового представления, что я запрыгаю перед тобой на задних лапках?

— Не совсем так, Рик. Я пришел спасти тебя.

— Чушь! Сраная чушь! Мне уже похрен на всё это. — Рик обвел рукой помещение, и замолчал на секунду. — А знаешь, что? Налей-ка мне ещё!

Незнакомец молча достал из-под стойки бутылку, и наполнил стакан Рика до краев. Он снова натянул капюшон, и лицо пропало. Вместо него была чернильная темнота.

— Не чокаясь. — Сказал Рик, и припал к бокалу. Он снова скривился. В этот раз виски пошло легче. — А теперь ответь мне, дружище... Если ты весь такой дохрена всемогущий, и вообще пришел спасать меня — только от чего непонятно — то какого ты тогда не спас Жэсс, а? Почему ты позволил этой пьяной суке убить её? Отвечай.

— Ответ тебе не понравится, Рик Мур.

— Отвечай! — Закричал Рик.

— Она ничего не значила для спасения этого мира. К тому же, я не видел, что её несут на убой. Прости меня, Рик, но тебе сейчас сложно понять мою логику...

Незнакомец не успел договорить. Рик бросился на него через стойку, перелетев её за один прыжок. Он одной рукой схватил Незнакомца за грудки, а второй врезал по лицу. Ощущения были такие, будто Рик со всего размаху ударил бетонную стену.

— Твою мать! — Он затряс разбитой рукой, и с разбитых костяшек на пол упало несколько капель крови.

— Ты не туда вымещаешь свою злобу, Рик. Мне, правда, жаль девочку, но, твоя жизнь куда ценнее. — Сказал незнакомец, будто бы ничего не произошло.

— Да что ты вообще понимаешь об этом всём? — Рик не осмеливался снова бить этого странного человека.

— Поверь мне, Рик Мур. Я кое-что знаю об этом. А теперь — пригнись!

— На кой?..

— Через десять секунд ты или пригнешься, или твоя голова будет отделена от тела.

— Что ты несешь? — Рик замер. Где-то в отдалении нарастал непонятный гул.

— Шесть секунд. — По незнакомцу было непонятно, волнуется ли он по поводу того, что Рик не падает навзничь сей же момент, или нет. Теперь Рик понял, что является источником звука. Вертолет.

— Четыре секунды!

В этот момент Рик всё-таки упал на пол. Не поднимая головы, он услышал, как лопасти винтов на скорости рассекают воздух, а затем медленно останавливаются. В тишине помещения звук был слышен очень хорошо.

А затем раздался взрыв. Оконное стекло будто взорвалось внутрь, и Рика обдало осколками. Он едва сдерживался, чтобы не поднять голову. А через секунду что-то огромное влетело в здание, и застряло в нем с ужасным скрипом. С барной стойки на Рика посыпались бутылки, и одна из них ударила его по голове. Рик отключился.

Когда Ванесса Шедди почувствовала, как тряхнуло, она не кричала и не пряталась, а вышла на крыльцо поглядеть, что там стряслось.

Из центра города медленно расползлся едкий чёрный дым.

— Господи, Иисусе! — Воскликнула она и приложила руки ко рту, будто из него могли

посыпаться нехорошие страшные слова.

И только потом она увидела неподвижно лежащее тело у себя на подъездной дорожке. Ванесса подбежала к нему, и когда перевернула тело лицом вверх, она с трудом узнала Мэй Мур. На месте лица был сплошной синяк. Футболка прилипла к телу бурыми пятнами.

— Мэй, ты жива? — Она тряхнула её за плечо. Вместо ответа Ванесса услышала слабые стоны. — Жива. — Сказала она сама себе с облегчением.

Занести бесчувственное тело в дом стало для Ванессы настоящим испытанием. Мэй была тяжелой и едва перебирала ногами.

— Лэнг ушел в участок, как только рассвело. — Ванесса будто пыталась разговором успокоить саму себя. — У нас выдалась весьма непростая ночь. Сначала электричество пропало, потом ещё и этот ураган. Кошка вот уже сутки как куда-то запропастилась. Лэнг проснулся ночью, и достал ружьё. Я так забеспокоилась, а он сказал, что это на всякий случай. Сказал, что предчувствие нехорошее. А тут ещё и пожар этот. Или взрыв. То есть... И одно и второе. А ты как оказалась так далеко от дома? И кто тебя избил, Мэй?

— Я сама... — Мэй обнаружила, что говорить ей тяжело. Разбитые губы слушались неохотно.

— Сама? — Удивленно спросила Ванесса.

— Сама виновата. — Закончила Мэй.

— Ты что такое говоришь, Мэй? На тебя напали? Ты запомнила, кто это сделал? Вот сейчас мы тебя умоем, и ты отдохнешь. А потом пойдём к Шерифу. Я понимаю, что у него много работы, но, думаю, он так просто не оставит того, что с тобой сделали.

— Не надо. К Шерифу. — Мэй едва хватило сил взобраться на кушетку в прихожей. Ванесса села на стул напротив и удивленно спросила:

— Это ещё почему?

— Ванесса. Я, правда, сама виновата. — Мэй съежилась в позе зародыша и заревела.

— Перестань, Мэй. Давай, снимай майку, я взгляну на тебя. — Мэй только отрицательно замотала головой. — Ну, же! Давай раздевайся. Может, где-то нужно обработать раны. Или зашить.

— Оставь меня, пожалуйста. — Сказала она.

— Нет! Так не пойдёт. Я не буду смотреть, как ты исходишь кровью.

Ванесса почти не встретила сопротивления, когда начала аккуратно стягивать с подружки футболку. Мэй неохотно, с гримасой боли на лице, подняла руки, и Ванесса ужаснулась.

— Святой Боже!

Почти всё тело было в радужных синяках. Даже на груди было огромное синее пятно. А на разорванном соске запеклась кровавая корка.

Но, не это напугало Ванессу. Живот Мэй будто бы на секунду раздулся, и Ванессе показалось, что там что-то шевелится. Она отпрыгнула, и замерла. Мэй в этот момент скривилась и застонала, держась одной рукой за живот. Боль в нём на мгновение застлала всю остальную.

— Где у тебя уборная? — Спросила Мэй.

— Налево, и по коридору. Вторая дверь. — Словоохотливость Ванессы куда-то испарилась. Равно, как и желание носить подругу на себе. Мэй достаточно проворно вскочила, и насколько могла резво удалилась в туалет.

Её снова рвало. На этот раз вышло всё. Облегчения это, к сожалению, не принесло. Е

животе была такая тяжесть, словно она съела кирпич.

А когда спазмы утихли, она посмотрела на себя в зеркало. Один глаз почти не видит, нос и губы разбиты. Лицо всё в крови и рвоте.

Когда она вышла из туалета, в коридоре её дожидалась Ванесса с полотенцем наготове.

— Ну, как? Легче? — Спросила она. Вместо ответа Мэй отрицательно покачала головой. — Тогда давай в ванную. Я помогу тебе.

Мэй лишь отдаленно понимала, что с ней делают. Ванесса сняла с неё бельё, и помогла усесться в ванне. А потом она долго мыла её холодной водой, за которую извинялась несколько раз. После она тщательно осмотрела все синяки и ушибы, и, убедившись, что ран, требующих срочного вмешательства нет, замотала Мэй в халат и уложила под шерстяной плед.

Мэй стонала, и тихо просила у кого-то прощения, пока не уснула. Ванесса ещё какое-то время сидела рядом, и мысленно возвращалась к тому, что видела. Избитая Мэй с животом, в котором что-то шевелится. Ванессу пробрала дрожь. Чтобы хоть как-то отвлечься, она отправилась в спальню, и подобрала для Мэй чистое нижнее бельё и джинсы. Всё это она сложила аккуратной стопкой на стуле рядом с кушеткой. Затем она отправилась в ванную, и забрала из корзины грязные вещи подруги. Когда Ванесса взяла трусики, она ощутила неприятный запах. Она принюхалась, и лицо её сморщилось в гримасе отвращения. Изнутри на них было присохшее пятно. По запаху оно напоминало гнилую сперму. Ванесса инстинктивно бросила их обратно в корзину, а потом долго, чуть ли не до крови мыла руки с мылом и жесткой мочалкой.

“Лэнгли прав” — Подумала она. “В городе начинает происходить нечто нехорошее. Нечто дьявольски нехорошее”.

ПЛАМЯ.

1 июля 2019 года.

Вайнтаун, штат Нью-Мехико.

— Салли!

Тишина.

— САЛЛИ!

Он оглянулся, но ничего не было видно. Только руки его были перепачканы кровью.

— Приглядиись... — Голос шел извне и Салли откуда-то знал, что он просто не мог принадлежать человеку. — Это всё твоя вина. На твоих руках кровь людей!

— Нет! — Салли отчаянно завопил. — Неправда!

— Истинно так, Салли.

— Поди, прочь! — Закричал он.

— Это ты открыл врата в этот мир. Ты впустил сюда голодного красного бога.

— Неправда! Я не виноват! — Салли отмахивался окровавленными руками от настойчивого голоса.

— Иди ко мне, Салли, и я помогу тебе! Давай, вместе исправим всё то, что ты натворил...

— Нет!

— Кровь невинных

С пальцев стекает.

Тварей голодных

Сюда привлекает...

— Нет, пожалуйста! Я не виноват! Пожалуйста, уходи!

— Чужими руками

Врата распахнул

Голодными ртами

Зверей...

— Салли!

Другой голос. Знакомый. Человеческий.

— ...притянул.

— Салли, проснись!

Темнота теряет силу. Лучи света режут её на куски и та слабеет.

Кто-то трясет его. Сон рушится на осколки, но не забывается до конца. Крупицы впиваются в голову, въедаются в мозг и оседают на задворках памяти.

— Ты кричал, парень. — Хью сонно тер глаза под очками. Салли выпрямился на кушетке, не вылезая из армейского шерстяного одеяла.

— Мне снились кошмары. — Сказал он, рассеянно глядя по сторонам.

— Ты и перед тем, как заснуть, что-то бормотал. — Хью не то, чтобы требовал объяснений по этому поводу. Он просто констатировал это как данность.

— Это из-за лекарств. — Сказал Салли. — Когда они ещё действовали, я спал спокойно. Последние пару дней мне снова сняться ужасы.

— И давно это у тебя? — Хью встал с дивана и начал разминать затекшую шею.

— С детства. А потом мама застрелилась, и меня определили в приют. Тогда оно утихло на время. — Салли громко зевнул.

— Вот ведь! Сочувствую тебе, парень.

— Не стоит. — Отрешенно ответил Салли. — Она была той ещё сукой.

Хью хотел ещё что-то сказать по этому поводу, но передумал.

— Ладно, посиди пока здесь, я пойду, посмотрю, как там остальные. — Наконец сказал он неловко.

— Хорошо, сэр. — Взгляд Салли ничего не выражал. Будто ему всё равно на происходящее вокруг. Хью торопливо застегнул рубашку, надел шляпу и вышел из комнаты, навстречу тихим голосам в коридоре.

Майлз так и не понял, когда успел задремать. Видимо, монотонное завывание ветра, и убаюкивающий гул резервного генератора в подвале сделали своё дело. Бессонница таки сдала свои позиции на пару оборотов часовой стрелки.

Он проснулся от того, что кто-то настойчиво стучал в двери. Шериф перехватил сползший с коленей дробовик и пошел отрывать участок.

За окном стоял Лэнгли Шедди. Крепкий малый, с окладистой бородой и длинными

светлыми патлами, связанными в толстый узел на затылке. Красная клетчатая рубаша и джинсы с ботинками. Канадский лесоруб, не иначе. На плече висело ружьё.

— Ну, и какого хрена ты расхаживаешь с ружьём по городу? — Шериф впустил его, и выглянул на улицу, пытаясь понять, какое сейчас вообще время суток. По всему выходило, что рассвет. Только какой-то странный.

— И вам доброе утро, Шериф. — Лэнгли то ли дразнил чифа, то ли и вправду был таким же не от мира сего, как и его папаша.

— Какое оно, к чертям, доброе, Лэнг? И вообще, чего ты тут забыл? — Шериф запер дверь на засов, и жестом пригласил Лэнгли внутрь.

— Ну, ночью творилось что-то странное. — Лэнг широкой ладонью почесал затылок. — Буря эта. Крики какие-то. Электричество обрубилось. Вот я и подумал, что мой долг как гражданина, помочь Шерифу в случае необходимости.

— В одно место можешь засунуть себе свой долг. — Пробурчал Шериф.

Ворчал он для проформы. Он понимал, что Лэнг, возможно, простой и бесхитростный малый, но, если потребуется, полезет, хоть к дьяволу в глотку. Иногда он думал, что именно такого сына он всегда и хотел от Маргари.

— Я пришел к вам на помощь, сэр. Думается мне, что всё это — только начало. — Лэнг играючи поправил ремень на плече и сделал серьезное лицо.

— Сынок. — Вздохнул Шериф. — Лучше бы ты остался с Ванессой.

— О, не переживайте! Она всё понимает. К тому же, от меня здесь, возможно, больше помощи будет, чем там.

— Ты дурак, Лэнгли. Хотя, я, наверное, ещё больший дурак, чем ты. — Лэнг усмехнулся. — А теперь пойдём, выпьем той сублимированной дряни, которую Хью гордо называет кофе.

Электрический чайник так и не вскипел, нагрев воду до состояния, как выразился шериф "теплой мочи". Видимо, резервный генератор не был рассчитан на такую нагрузку.

Лэнг молча наблюдал, как Майлз, кривясь, хлебает черный напиток. Сам он от этого "удовольствия" отказался.

— Вот увидишь, сейчас из своей коморки выползет Хью, и попросит кофе. — Лэнг улыбнулся. По шерифу было видно, что голова его занята совершенно другими вещами, нежели утренним кофе. Он говорил исключительно ради того, чтобы что-то сказать. Чтобы тишина не была такой гнетущей.

— У Вас, вижу, была та ещё ночка. — Сказал Лэнг, обведя взглядом помещение.

— О, да! — Кивнул Шериф. — Даже не представляешь, что вчера творилось. Я склонен считать, что это "испытание Хасторов". — Видя удивленное лицо Лэнгли, Майлз пояснил. — У всех шерифов однажды было что-то подобное. Какое-то, мать его, испытание. Но, такой дьявольщины даже близко никто из моих предков не помнит.

— Дьявольщины? — Лэнгли удивленно поднял бровь.

— Да, сынок. Неведомой херни, жути... Называй, как хочешь. Пока я добирался сюда в бурю, мой помощник застрелил мексиканца, который превратился в какого-то жуткого монстра. — Шериф, видя изумленное лицо Лэнгли, добавил: — Хочешь взглянуть?

На его взгляд, малый ещё держался молодцом. Не бледнел, не бежал блевать. Только внимательно вглядывался в месиво, оставшееся от головы монстра. Пнул ботинком безжизненную плеть длинного языка.

— А есть ещё такие, как он? — Спросил Лэнг.

— Без понятия, сынок. Мне хотелось бы верить, что нет, но... Я реалист. Если я что-то вижу, я верю в это. Верю и в то, что где один — там и несколько.

— Не знаю, насколько это правда, но, говорят, в Массачусетсе случились похожие события. Лет восемьдесят назад, может больше. В маленьком городке Данвиче. В конце-концов, правительство сказало, что там случилась какая-то эпидемия, а весомых следов чего-то, выходящего за грани, так и не нашли. Местные, правда, уверяли, что там всё было куда более ужасно и загадочно.

— Оставь бабкины сказки для детей, сынок. — Шериф пытался сохранить невозмутимость. — Если хочешь помочь — помогай.

— Да, шериф. — Сказал Лэнг. — Для этого, собственно, я и взял с собой ружьё.

* * *

— Шон! — Голос в динамике смешивался со статикой.

— Чего тебе? — Раздраженно спросил он.

— Хочешь анекдот? — Финн паскудно ухмылялся.

— Нет.

— Ну, тогда слушай. Приходит порноактриса домой с работы, и говорит: Как же меня там все затрахали!

Финн громко рассмеялся собственной шутке. Шон лишь криво усмехнулся. Не то настроение сегодня, чтобы слушать дурацкие шутки. Он вообще не хотел сегодня лететь. Только его об этом мало кто спрашивал. А вот Финну было пофиг. И он снова завел свою старую тему за анекдоты.

— А вот ещё один! — Снова начал Финн, когда отсмеялся. — Заходят как-то в бар...

— Стриж один! Стриж один! Как слышите меня, приём! — Голос в наушниках прервал монолог Финна.

— Слышим вас хорошо, центр. — Отрапортовал Шон.

— Стриж один! Примерно через восемь минут вы войдёте в контакт с целью. Стрелять на поражение! Вы меня слышите? Стрелять на поражение! Это приказ!

— Вас понял, центр. Конец связи. — Сказал Финн. — Что там вообще такое в этой пустыне, что нас туда гонят в такую рань? — Спросил он у Шона, когда голос в динамике затих.

— Я не знаю. — Отстраненно ответил тот. — Ребята рассказывали, что вчера из форта Лас-Крусес туда отправили целый батальон солдат. И они мало того, что не вернулись, даже не сообщили, что там такое. Просто пропали.

— Срань Господня!

— Ни связи, ни отчета от ребят. Даже со спутника ничего не понятно. Просто огромное пятно в пустыне, которое медленно расползается как опухоль.

— И они думают, что две наших "птички" наведут порядок там, где обосралась пехота?

— Я не знаю, чего там начальство себе думает, Финн. Я знаю, что я лично выпускаю весь заряд в цель, разворачиваюсь, и улетаю домой.

— Вот, это по-нашему, парень! Вот, за это я тебя и люблю! Йууухууу! Готовьтесь отведать американского свинца! — Последнюю фразу Финн угрожающе бросил огромной полосе пустыни, разросшейся за приближающимся пятном города. — Стриж два! Стриж два, приём!

— Стриж два слушает. — Финн слышал их плохо, с сильными помехами. Не смотря на то, что второй вертолет летел всего в десятке метров от них.

— Как настроение, Стриж два? — Финна накрывала гомерическая истерика.

— Как жопа твоей мамыши, Финн. В предчувствие конца. — На этот раз Шон рассмеялся искренне. Финн озадаченно завис, а затем грязно выругался, чем ещё больше повеселил Шона.

На какое-то время он замолчал. И Шон подумал о том, что пока Финн балаболит, он хоть немного отвлекал от тяжелых мыслей. Сейчас они снова навалились скопом. Жена, больной сын...

Чем ближе они подлетали, тем внимательней он всматривался в город. Городишко как городишко. Невысокие домики, с высоты кажущиеся игрушечными, прямые и узкие улочки. Вроде всё нормально. Только мозг испуганно шептал, что что-то здесь не так. Серые низкие облака, укутавшие Вайптаун, словно саван. Какая-то иррациональность и обреченность. Как все те опустевшие города из фильмов ужасов.

— Стриж два, как слышите меня? — Финн снова попытался связаться со вторым вертолетом. — Стриж два! Приём!

Треск статики перешел в неразборчивый шум помех. — Стриж два! Вы слышите меня?!

В глазах у Финна промелькнуло удивление. И испуг. Все звуки для Шона смешались в одну какофонию. Гул двигателя и шум лопастей, крики второго пилота и собственный внутренний голос, который отчаянно советовал улетать обратно.

— Финн, разворачиваемся! Улетаем отсюда! — Голос предательски дрожал.

— Отставить! — Отрезал Финн. — У нас приказ!

— Разворачиваемся и уходим, иначе мы нахрен уьемся! — Не унимался он.

— Не мели чушь, Шон! Это просто помехи! Нас предупреждали, что радиосвязь может сбиться...

Машину резко тряхнуло.

— Твою мать, что это было?! — Шон мертвой хваткой вцепился в сиденье.

— Я не знаю! Видимо, двигатель! Я разворачиваю...

Мотор замолчал, а лопасти винтов сделали ещё несколько оборотов и замерли.

* * *

— Лёгкок на помине! — Сказал Шериф, когда в дежурную будку вошел заспанный и удивленный гостем сержант Хью Хофнет. — Кофе?

Хью хотел было что-то сказать, но как только он открыл рот, раздался грохот. От взрыва стеклянные двери участка задрожали, а резервный генератор заглох.

— Какого...уя!? Шериф схватил свою шляпу, и на ходу пряча лысину, выбежал на улицу.

Хью и Лэнгли последовали за ним.

Город горел. Вернее, центральная площадь и близлежащие здания превратились в агонизирующую горящую массу.

— Что это было?! — Хью оторопело стоял на крыльце участка, сжимая револьвер.

— Я не знаю! — Закричал Шериф. — Но, предлагаю это выяснить.

Место крушения вертолетов походило на адский котел, в котором крики людей смешивались с ревом огня. Пламя пожирало всё, до чего дотягивалось. Температура была настолько высокой, что Шериф видел, как трескаются гранитные бордюры. Искать там выживших было бессмысленно.

Люди кричали и хаотично носились взад-вперед. Раненые и обожженные жутко кричали. Мёртвые лежали неподвижно. Мимо Шерифа с сопровождением, пронесли люди с носилками. Кто-то безуспешно пытался накрутить пожарный рукав на гидрант. Майлз

думал о том, что даже приложи он все силы — не сможет успокоить и организовать эту толпу. Слишком много хаоса здесь. А ещё едкий чёрный дым, стелющийся густой стеной.

Кто-то задел Шерифа, и это будто прорвало пузырь оцепенения.

— Хью! Хью, твою, Бога Мать, слышишь меня?!

— Да, сэр. — Майлз видел, как тряслись его руки, но голос оставался жестким.

— Организуй медицинскую помощь всем, кому она необходима.

— Но, сэр, ни телефон, ни машины... — Начал Хью.

— Значит, найди людей, которые в силах носить раненых до госпиталя. И проследи за этим! Господи, как по-твоему это делалось, когда не было телефонов?

— Да, сэр! Так точно, сэр!

— Давай, сержант. Докажи мне, что ты вынес хоть что-то полезное из своих книжек! Лэнг!

— Да, чиф. — Отозвался Лэнгли.

— Сделай что-нибудь с этим пожаром! Ты же хренов бойскаут, да и работал в пожарной бригаде какое-то время!

— Постараюсь.

— В пожарной части должна быть эта долбанная ручная бочка с писюнами. Ну, которая там как музейная стоит. Если этот антиквариат не прохудился, тащите его сюда! Думаю, ребят, которые смогут тебе помочь, найдешь без проблем.

— Да, Шериф. — Лэнг не сразу догадался, что шериф имеет в виду допотопную пожарную конструкцию, состоящую из бочонка с водой и ручного насоса на колесиках. «Писюнами» ласково называли два шланга, торчащие с двух сторон.

Когда оба помощника разошлись, Майлз достал сигарету и закурил.

— Первая. — Сказал он тихо сам себе.

Даже если бы его часы показывали время, он бы всё равно потерял ему счёт. Понять, сколько времени продолжается эта борьба с огнем, было решительно сложно. Майлз уже четыре раза устраивал перекур, но три из них его отвлекали. Поэтому, считать время сигаретами тоже не получалось.

Картина вырисовывалась отвратительная. Погибших только во взрыве было около сотни. Сколько ещё отдали душу богу не сразу — было не ясно. Несколько жилых кварталов выгорели подчистую.

Когда огонь удалось хоть немного успокоить, а пострадавших — определить в госпиталь, Майлз громко свистнул, внутренне надеясь, что народ хотя бы обратит внимание, и выслушает его. Столпившийся народ, на удивление притих. На шерифа смотрели уставшие и испуганные люди.

— Граждане Вайптауна!

(вернее то, что от них осталось)

Настал тот час, когда мы должны объединиться и действовать сообща...

(Господи, какую же банальщину я несу)

— Никому я ни хрена не должен! — Крик принадлежал Майклу Нонсену. Тот подошел к шерифу почти вплотную.

— Майкл, угомонись! Если тебе есть что сказать, то, будь добр, дождись, когда я выскажусь. — Шериф говорил так, чтобы это услышали и все остальные.

— Хрен там! Я сам знаю, что и когда мне говорить!

— Майкл...

— Заткнись, старый пень! — Майкл резким движением перехватил дробовик шерифа, и прикладом ударил его в висок. Шляпа слетела с головы, а сам шериф обмяк и упал. Сознание он при этом не потерял, хотя левую сторону лица залило кровью из раны. — Народ! Слушай меня!

(о, Боги, Майкл! Ты их всех погубишь!)

Сейчас мы собираемся и уходим отсюда. Берем еду, воду, вещи и сваливаем из этого ада!

Толпа неоднозначно загудела.

— А кто не согласен — может оставаться вместе с этими неудачниками и помирать здесь! — Майкл тряс оружием, а в глазах светилось безумие. Впервые в жизни он понял, что может и, больше того, должен управлять этим стадом. Когда он выведет их из города, они ему ещё спасибо скажут.

— Майкл, ты идиот... — Шериф попытался подняться, но снова получил прикладом. После этого он уже потерял сознание.

Майкл чувствовал себя Мессией. Пророком, который выведет всех этих людей через пустыню. Небольшая паства — человек шестьдесят-семьдесят. И это только взрослых. У них есть небольшие запасы провизии и тёплых вещей, которых должно хватить для того, чтобы перейти пустынный кусок до ближайшего населенного пункта на севере.

Ни компас, ни телефон не подавали признаков жизни, но Майкла это не останавливало. Народ был в подавленном состоянии и верил ему безоговорочно. А уж пустыню Майкл знал. Отчасти, поэтому за ним и пошли.

С запада надвигались тучи. Не грозовые, нет. Те были серые. А эти — настолько чёрные, что, казалось, они несут с собой вулканический пепел.

Когда они полностью закрыли собой небо, стало темно. Не беспросветно черно, но серо, как в сумерках. И на западе, в долине черепах стало разрастаться красное сияние. Майкл сам не понимал, почему он сворачивает туда, но противостоять этому он не мог. Следом за ним, потянулись все остальные. Как загипнотизированные, люди бросали свою поклажу и стремились попасть туда как можно скорее.

Когда перед глазами Майкла раскинулась картина огромной пульсирующей массы красного цвета, он остановился, и словно зачарованный, произнес:

— Оно прекрасно!

РАНЫ.

1 июля 2019 года.

Вайнтаун, штат Нью-Мехико.

— Лекс! Лекс, там что-то началось! — Мартин едва не прыгал от распиравшей его радости. Он видел, что город горел, и ему не терпелось отправиться туда.

— Успокойся, дубина! — Прорычал Лекс. Джори тихонько захихикал в углу.

— Но, Лекс, там сейчас самое веселье. — Не унимался Мартин.

— Самое веселье начнется чуть позже. Скоро на город опустится сумрак, и вот тогда можно выходить на охоту.

— А почему не сейчас?

— Мартин, у тебя действительно холодец вместо мозгов. Сказано тебе: Сиди на месте ровно! Выйти сейчас — это всё равно, что дразнить осиное гнездо голым задом. Как думаешь, выстоишь ты один против этой оголтелой толпы?

— Ну... — Задумчиво протянул Мартин. Джори снова ехидно засмеялся.

— Хватит там подхихикивать, Джори. И чем это ты забавляешься? — Лекс заметил, что Джори, сидя в углу, подбрасывает и ловит нечто округлое.

— Это остатки от девочки. Головешка невкусная была, вот я черепок и забрал. — В доказательство он покрутил в руке гладкий маленький череп, с рваной дырой на затылке.

— Надеюсь, ты хотя бы не собираешься сношать это? — Лекс скорчил брезгливую физиономию.

— Признаться, я об этом ещё не думал, братишка! — Джори громко засмеялся, а Мартин недоуменно уставился на него. — Но, теперь мои мысли полностью заняты этой мыслью.

— Черт с тобой! — Махнул рукой Лекс. — Делай с ней что хочешь. Только прекрати

ржать как гиена.

— О'кей, босс. — Джори на минуту замолчал. — Ну, так и, правда, Лекс? Чего же мы ждём? Сейчас бы пошли, развеялись, пока там такая неразбериха.

— Если вам так нейдет, то я найду, чем вас озадачить.

— Может, давай мы ещё кого в жертву притащим? Ну, хоть пожрём.

— Может быть... — Лекс закрыл глаза, и замолчал. Джори наблюдал, как он стоит неподвижно. Не шевелясь. Даже на лице ни один мускул не дрогнул. Пауза затянулась на добрых несколько минут.

— Джори, как думаешь, он уснул? — Мартин старался подойти к нему бесшумно. Получалось плохо.

— Не пори чушь! Сейчас он откроет глаза и придумает очередную хрень, чем нам заняться.

— А я есть хочу. — Сказал Мартин. — Ты вот напомнил о еде, и мне вдруг захотелось.

— Ну, тебя! Тебе всегда жрать охота. — Отмахнулся Джори.

— Не всегда. — Возразил Мартин. — Хотя...

— Вот именно, что всегда.

Лекс стоял долго. Потом открыл глаза.

— Салли Корнрой! — Этот голос не принадлежал Лексу. Мартин и Джори моментально затихли. — Приведите его. Он — ключ к воротам. Но, он не должен узнать об этом...

Голос замолк и Лекс ещё пару секунд просто стоял, глядя в пустоту. А потом рухнул на пол.

Картинка была какая-то неправильная. Всё было серое, подавалось под непривычным углом, да ещё и со звуком была беда. Ну, то есть звук-то был. Только это был непрекращающийся звон в ушах. Скотт открыл рот и попытался выровнять давление. Звук понемногу возвращался. Через минуту Скотт пожалел об этом. Крики и рыдания обволокли его плотным клубком.

Скотт прислушался к себе. Вроде, не ранен. Одеревеневшие мышцы слушались с трудом. Он с ощутимыми усилиями встал и оглядел себя. В порядке. Алекс лежала рядом лицом вниз. Скотт аккуратно перевернул её на спину. Прощупал пульс. Жива, но без сознания. Осмотрел её. Из ушей тянулись две ниточки крови. За исключением этого — цела.

— Я очень рад, что ты жива. Думал уже, что нам трындец. — Сказал он ей. — А теперь давай открывай глазки, спящая красавица, нам надо двигаться дальше. — Скотт потряс её за плечо. Никакой реакции. — Давай, же! Очнись!

Снова ничего. Бить её по щекам не хотелось — Скотт по себе знал, что процедура не самая приятная. Он залез в её рюкзак и достал пластиковую бутылку с водой, которая примостилась на самом верху. Набрал полный рот воды и выплеснул Алекс на лицо.

Алекс нехотя открыла сначала один глаз. Затем другой.

— Снова ты? — Спросила она в пустоту.

— Да, детка, именно такой реакции я от тебя и ожидал. — Буркнул Скотт. — А теперь давай, поднимайся. Так, аккуратно.

Он приподнял её за руки и усадил на асфальт.

— Чёрт, моя голова... — Алекс прижала ладони к вискам, и скривилась от боли.

— У меня, к сожалению, нет с собой таблеток, извини. — Скотт развел руками, попутно осматриваясь. — Твою мать...

— Чего там? — Спросила Алекс.

— Глянь туда. — Ответил Скотт.

Алекс повернула голову и зависла. Через пару кварталов от них огонь поднимался почти до низкого серого неба. В дыму и сполохах пламени мелькали люди. До Алекс долетали крики.

— Там... — Алекс не нашлась что сказать.

— Жопа. — Закончил за неё мысль Скотт. — Давай, вставай, нам надо двигаться дальше.

— Они... там... — Алекс собиралась разреветься.

— Лейтенант, соберитесь. Мы не нанимались спасателями. К тому же... Вот, дерьмо. — Скотт нашел аккумулятор, который валялся в нескольких футах от них. Корпус его треснул, а жидкость маслянистой лужей растеклась по асфальту.

— Мы должны им помочь. — Сказала Алекс. Скотт на секунду замер.

— И с какого хрена? Ты не очень-то рвалась спасать своих солдат. А сейчас — рвешься помогать тем, кто нас едва на куски не разорвал. — Скотт навис над ней.

— Это разные вещи. Тогда, в пустыне другого выхода не было. А здесь — мы ещё можем им помочь. К тому же, тут женщины. Дети...

— Вот именно, Соня. Тогда сожрали бы всех. Сейчас они сами могут себя спасти.

— Ты бесчувственный мудака, Скотт! — Алекс кричала на него, чувствуя, что слёзы вот-вот польются.

— Может быть. Только живой. А теперь хватит подпирать жопой асфальт! Встала и пошла!

Алекс открыла рот, но слова из него не шли. Она поднялась на ноги и утерла слёзы тыльной стороной ладони.

— А аккумулятор? — Она только сейчас вспомнила про него.

— Забудь. — Бросил Скотт. — Нет у нас его больше.

— Ну, и какого хрена мы здесь делаем? — Мартин пытался казаться незаметным. Если бы не медленно сгущающаяся темнота на улице, это определенно было бы нереально.

— Ищем пацана. — Коротко ответил Джори, дымя сигаретой.

— Ты заметил, что это уже второй мальчик за два дня? — Мартин ехидно захохотал.

— Да. — Невозмутимо ответил Джори. — Только вот этого жрать нельзя. И засунь свои шуточки куда подальше, хорошо? Я, конечно, ценю твой тонкий юмор, только сейчас это вообще не смешно. Если мы и это дело просрём, Лекс нас сам с дерьмом съест. Усёк?

— Я понял. — Угрюмо пробубнил Мартин.

— Если бы ты ещё и понимал что-то — цены бы тебе не было... — Прошептал Джори, выбрасывая окурок на газон.

— А почему Лекс сам не пошел с нами? — Закономерно спросил Мартин.

— Он сказал, что у него какие-то дела. — Ответил Джори и потянулся за новой сигаретой.

— У него дела, а мы должны искать мальчишку сами. — Пробубнел он.

— Марти, я ни черта не могу тебя понять. Ты ведь так рвался на улицу. Ну? И чего тебе сейчас не нравится?

Воцарилась пауза. Мартин шумно сопел, перемещая свою, ставшую ещё больше, тушу.

— погоди. — Внезапно вспомнил он. — А как мы узнаем, что это именно тот пацан? Лекс же нам ни фотографии не дал. Ничего такого.

— Марти, а ты сейчас представь себя, расхаживающего с фотографией или со сраным

объявлением в руках. Здрасьте, а вы не видели этого мальчика? — Последней фразой Джори попытался скопировать Мартина. — Каково?

— Ну... — Задумчиво потянул Мартин. — Как-то же нам всё-таки надо его узнать.

— Как-то надо. — Согласился Джори с раздражением. — Лекс же говорил, что у парня будет что-то типа бледно-красной ауры. Ты чем слушал вообще?

— Я думал, он шутит. — Невозмутимо ответил Мартин.

— Мда... — Потянул Джори. — Да, Марти, Лекс пошутил. Сейчас мы будем останавливать всех мальчиков, и смотреть их паспорта.

— Это ведь сейчас сарказм был. — Джори так и не понял, было это утверждением или вопросом. Он лишь остановился на мгновение, косясь на своего огромного товарища, и сплюнул себе под ноги. А потом зашагал, тщательно стараясь ничего не говорить хотя бы в ближайшие несколько минут.

— Стой! — Джори резко остановился и повел ушами.

— Чего там? — Мартин сосредоточенно вглядывался в темноту.

— Идёт кто-то. Двое.

— Тёлку чувствую. — Мартин повёл огромным пятаком.

— С чего ты взял, что там баба? — Джори с сомнением глянул на своего друга.

— Ну, у мужиков месячных не бывает. — Мартин заулыбался. — Их-то можно будет... Того?

— Их можно. — Расплылся в ухмылке Джори.

Их поймали на пересечении Филч-стрит и Солт-гарвен-авеню. Скотт остановился и сперва не поверил своим глазам. Перед ними было двое. Один — огромный бесформенный здоровяк со свиной мордой. Второй — комично худой по сравнению с первым. Вытянутое тело и мелкая хищная голова как у хорька или ласки. И если на толстяке из одежды едва держались рваные штаны, то на хорьке была белая рубаша в кровавых пятнах, и подтяжки. А ещё по их ухмылкам было понятно, что их с Соней ждали.

Алекс вместо рефлексии просто вскинула автомат и передернула затвор.

— Бибоп, это ты? Как-то ты спаскудился... — Скотт завел руку за спину, и аккуратным движением вынул пистолет из кобуры. Толстый то ли не услышал, то ли не понял шутки. Зато второй мерзко захихикал.

— Ох, и не повезло же тебе, братишка. — Джори демонстративно затушил окурок о язык и сплюнул черным тягучим комком. — А сестричке и подавно. — Он облизал губы длинным розовым языком.

Алекс судорожно переводила автомат то на одного, то на другого. Они не дергались. Алекс сомневалась, что они боятся оружия. Издеваются, разве что. Краем глаза она заметила, как Скотт достал пистолет, и крепко сжимает его двумя руками. Вся ситуация напомнила ей дуэль из фильмов про дикий запад. Только вот боя часов в полдень не будет. И первым будет стрелять тот, у кого сдадут нервы. Алекс собралась и прицелилась толстяку в голову.

"Стреляй!" — Истошно кричал голос в её голове.

— Вали доходяжного. Кабана я возьму на себя. — Шепнул Скотт.

— Его разве что из базуки надо валить. — Прошептала Алекс в ответ.

— Думаю, я и так в нем дырок понаделаю. — Скотт попытался убедить в этом хотя бы себя.

— Порви их, Марти. — Сказал Джори.

Мартин с хрустом дернул головой сначала в одну сторону, затем — в другую. А потом зарычал, и бросился на Алекс и Скотта.

Алекс направила ствол автомата на толстяка. Нажала на курок. И ничего не произошло. Автомат заклинило.

— Твою же, сука, мать!

А потом по ушам резко грохнуло.

Скотт стрелял на удивление метко. Пули достигали цели, и делали сквозные дыры в толстяке. Только его это совсем не останавливало. Он бежал, не сбавляя темп.

Если бы Скотту раньше сказали, что такая огромная крупнокалиберная пушка, как "пустынный орел" не подходит для отстрела людей, он бы рассмеялся. Сейчас было вовсе не до смеха. Он попал в этот бегущий сальтисон уже шесть раз, но тот вовсе и не думал падать замертво. При условии, что как минимум дважды он попал в голову. Седьмой выстрел стал последним. Гора мяса, сала и костей сбила Скотта с ног, навалилась на него сверху и затихла. Радость от победы так и не пришла. Сейчас ему даже вздохнуть было тяжело.

(Вот что чувствуют, наверное, попав под грузовик)

Алекс в последний момент отпрыгнула в сторону и только тогда заметила, что тощий быстрым шагом приближается прямо к ней.

— Что, не работает твоя игрушка, девочка? — Бросил он уже на ходу. Алекс забросила автомат за спину, и достала из сапога нож. — О, папочка научил тебя обращаться с ножиками? — Бросил он удивленно.

Спина Алекс при упоминании об отце покрылась холодным потом.

(Откуда он об этом знает?)

Худой тем временем, стремительно бросился на неё, выставив перед собой руки с длинными когтями на пальцах.

Алекс едва уворачивалась от его когтей, не говоря уже про контратаку. Только спустя несколько секунд она поняла, что не слышит пистолетные выстрелы. Бросив короткий взгляд, она увидела, что туша этого огромного бора лежит на асфальте, пачкая его свежей кровью. Под ним лежал Скотт. Непонятно было, пострадал он, или нет, но определенно он был жив и пытался выбраться из-под дохлой горы мяса. Алекс снова сосредоточилась на оставшемся, и поняла, что сделала серьезную ошибку, когда отвлеклась. Тощий подошел слишком близко. Он, что есть силы, ударил Алекс в подбородок. Она пошатнулась. Плотные стиснутые зубы, казалось, раскрошатся в пыль. Перед глазами заплясали звёзды.

Пока она не оправилась от удара, её с силой ударили по руке, которой она сжимала нож. Тот выскользнул из её пальцев, и едва не упал на асфальт. Хорёк поймал его, и подбросил в воздух, перехватив для удара. Когда Алекс опустила голову, пытаясь найти врага, то разглядела прямо перед собой его ухмыляющуюся морду.

Нож вошел в её грудь легко, и медленно лишал сознания. Из рта её вырвался хрип вместе с кровавыми пузырями. Алекс осела сначала на колени, а затем — едва не завалилась набок. Джори ласково приобнял её, и сел рядом.

— Вот и всё, детка. — Сказал он ей. — Вот и всё. Толстого ублюдка не жалко. Но, месть — она имеет место быть.

— Нет, не всё... — Джори услышал хриплый голос рядом. Он поднял голову, и взгляд его уперся в дуло пистолета.

— У тебя закончились патроны. — С вызовом усмехнулся Джори.

— Херово же ты считаешь, приятель. — Сказал Скотт, и нажал на курок.

Верхнюю часть головы снесло практически подчистую. Мозг и осколки черепа брызнули мутным кровавым фонтаном. Голова Джори дернулась назад, а после и он сам завалился на землю. Нижняя челюсть болталась на одном уцелевшем хряще, а длинный язык вывалился набок. Скотт заставил себя отрывать взгляд от этого зрелища, и только тогда обнаружил Алекс с ножом в груди.

— Вот, дерьмо! — Скотт бросился к ней, и аккуратно перевернул её на спину. Пульс угадывался едва-едва. — Только не умирай! Пожалуйста, только не сегодня!

Скотт в панике вскочил и огляделся. Улицы были пусты. Стрельба скорее напугала людей, чем заставила выбраться посмотреть, что происходит.

Скотт думал только о том, чтобы в больнице был хоть кто-то.

Последние три квартала до госпиталя он толком не запомнил. Он просто нёс её, обливаясь потом и тяжело дышал. Во рту было сухо, как в пустыне, а в боку кололо. А ещё он постоянно разговаривал с ней. Он чувствовал, как кровь из раны тёплым пятном расплзлась по его футболке, а предательские руки с каждым футом становились всё более скользкими.

— Не подыхай, Соня, пожалуйста. Твою, мать, лейтенант, это приказ! — Скотт уже даже не понимал что плачет. — Ты ещё не выставила мне пиво, помнишь? — Он криво усмехнулся. — Я не дам тебе сдохнуть, слышишь? Слышишь меня?! Я обещал тебе вывести тебя из этого места, и я выведу... Даже, если мне придется делать это на чёртовом инвалидном кресле! Прости меня, Соня, что я не успел. Но, тот, второй весил хренову тонну, и я едва вылез из-под его туши. Прости. Прости, что я такой мудака...

Алекс молчала.

Дежурная сестра Нора Элиотт курила прямо за стойкой регистрации. Пожарная система всё равно не работала. А то, что сегодня происходило, было похоже на день открытых дверей в аду. Более пятидесяти человек с ожогами разной степени. И это не считая поступивших с переломами и рваными ранами. И если бы Нора верила в Бога, она бы решила, что сегодня он решил взять выходной. Благо, всё это подходило к концу. Поток пострадавших медленно таял.

А ещё нечто странное творилось с погодой. Нора сомневалась, что дым, даже такой густой и чёрный, способен так долго держаться. Но, другого объяснения тому, что на улице было почти темно, она не находила.

— Помогите! Она ранена!

Внезапный крик заставил Нору едва не подпрыгнуть на месте. И поначалу она испугалась того, что увидела. Мужчина, весь в крови, держит на руках девушку в военной форме.

— Сэр? Что с ней? — Нора выскочила из-за стойки и подбежала к вошедшему.

— Она умирает. — Уставшим хриплым голосом произнес мужчина.

— Ну, вы и идиоты. — Лекс презрительно оглядел место недавней бойни. Он брезгливо поднял голову Мартина, и сказал ей: — Я же четко сказал, приведите мне мальчика, свинья твоя голова! А вы что сделали? Вы сцепились с местными и... — Лекс уронил голову обратно.

— Надо же... — Он увидел стрелянные гильзы, и внимательно рассмотрел маркировку. — Неудивительно, откуда у вас появились такие здоровенные ненужные дырки.

Лекс тяжело вздохнул, схватил Джори за ноги и поволок к туше Мартина. Ещё несколько минут ему потребовалось, чтобы перевернуть необъятное тело на спину. Когда

оба помощника лежали рядом, Лекс сказал:

— Ну, а теперь, мои непослушные засранцы, будем вас лечить.

Лекс одной рукой приоткрыл пасть Мартина, а пальцы второй вставил себе в рот. Раздался булькающий звук, и из его рта в рот Мартина потекла густая розовая масса.

Почти то же самое он проделал и с Джори. Только тому пришлось запихивать субстанцию прямо в глотку.

Лекс вытерся рукавом и сел на асфальт рядом с ними.

— Ну, теперь остаётся просто немного подождать. — Сказал он.

ОТЧАЯНИЕ.

1 июля 2019 года.

Вайнтаун, штат Нью-Мехико.

Только сейчас он заметил, что в холле полно народу. Все о чем-то бормочут, разговаривают, плачут. Перепачканные пеплом и кровью. Кое-кто даже перешептывался и косился на него. Tактический рюкзак и автомат за спиной вгоняли их в смятение. Обнимают друг друга, говорят какие-то банальные утешительные фразы. Как в хреновом блокбастере, который крутят по ТВ. Только там показывают, что общее горе сближает людей. Хрена с два! Наоборот — все становятся сами по себе, и выбираются из сложившейся ситуации кто как может.

Из задумчивого ступора Скотта вывел тычок под локоть, и тихое «простите», следом. Тот как-то несуразно махнул рукой, вроде как принимая извинения, и направился в уборную. Аварийная лампа превращала туалет в бордовую гримерку гротескного театра. В красном

зеркале, нависшем над раковиной с отпечатками кровавых рук, отражался Скотт Ганн в свой суперхреновый день. Разбитый висок и бурые потеки из ушей. Холодная липкая футболка почти вся была красной. Джинсы в грязи и крови.

(Твою мать, сколько же крови она потеряла?)

Руки и спина заныли, когда Скотт сбросил с себя рюкзак, и стал стаскивать с себя окровавленную тряпку. Он с некоторым сожалением выбросил её в урну.

Он долго умывался холодной водой, а потом уставился на себя исподлобья. Тощее тело в синяках, старые татуировки на плечах и груди (*удивительно, как быстро о них забываешь, когда они вне «зоны обзора»*), и полные безысходности глаза. Глаза загнанного зверя, который внезапно осознал, что остался один перед лицом ночных хищников.

— Тебе надо уходить отсюда... — Собственный голос напугал его. Напугал своей откровенностью и животным страхом.

Скотт понимал, что, останься он здесь, за ним придут эти твари. Не обязательно те же, которых они повстречали (Скотт как-то не очень верил, что они разобрались с ними до конца), но такие же. Если не хуже. А то и вовсе тот живой холодец доберется до них своими жадными щупальцами.

— Беги, Скотт. Спасайся. — Собственное отражение было каким-то... правдивым. Настоящим Скоттом Ганном. — Будь вы и вправду важны, тот хрен, который вытащил вас из пустыни, спас бы вас снова. — Не унимался Скотт-в-зеркале.

Скотт Ганн начинал паниковать.

Нужно валить отсюда, и очень быстро. Только вот накинуть бы чего?

Может, у лейтенанта завалюсь чего в рюкзаке?

К своему удивлению, среди вороха всякой всячины Скотт нашел белую майку, которая оказалась ему впору.

Рюкзак непривычно прикасался к голой коже плечей, и вызывал некий дискомфорт. Неважно! Главное — уйти отсюда.

Скотт, опустив взгляд в пол, попытался незаметно проскочить на улицу мимо всех сразу. Он задел какого-то типа, успокаивающего сотрясающуюся в рыданиях женщину средних лет. Тот повернулся, брезгливо и боязненно зыркнул на Скотта, и что-то произнес ему вслед. Почти неслышно. Скотт подозревал, что это вряд-ли напутствие хорошей дороги.

— Мистер Ганн!

— Твою мать... — Прошептал Скотт. Медсестра. Нора, или как её...

— Мистер Ганн, необходимо заполнить некоторые документы и...

— Да, я знаю. — Рассеянно сказал Скотт. — Я сейчас вернусь.

Он не вернется. Он решил не возвращаться. Пусть он станет последним мудаком, зато спасется сам. Если даже Лейтенанта Блэйд и подлатают доктора, то шансов у него с ней вместе нет. Почти нет.

Скотт вышел на улицу и вдохнул колючий воздух, наполненный гарью и пеплом. Ему захотелось выпить. Напиться до того состояния, в котором ему станет насрать на всех, кроме себя. Словно бы в ответ правая ладонь начала зудеть и чесаться. Гребанная метка гребанного сукина сына в сером. Скотт принялся с остервенением чесать ладонь, но становилось только хуже. Он закрыл глаза и...

Он УВИДЕЛ.

Город был наполнен белыми существами. Светящимися, с бьющимися сердцами, гонящими золотистого цвета кровь по организмам. Скотт понял, что это люди. Пока ещё

люди. Но, были и существа красного цвета. К ним, как к марионеткам из театра, тянулись тонкие длинные нити. Прямо из пустыни, где их чуть не пожрала эта тварь. И марево. Нависшее над Вайптауном, словно смог. Бледно-розовое, оно пульсировало и окутывало город.

Оно потянуло свои нити к нему, но Скотт в ужасе открыл глаза. Видение пропало. Осталась только боль в руке. Зудящая, ноющая, нарывающая. И вместе с ней пришло ощущение десятков пристально обращенных к нему глаз. Словно бы сквозь серую марь и пыльное полотно эти... создания вдруг почували его.

Иррациональность происходящего заставила зашевелиться волосы на загривке. Скотта бросило в холодный пот, а в голове огромными красными буквами загорелось слово «беги!».

— Прости меня Соня Блэйд. — Сказал он едва слышно. И быстрым шагом направился на восточную границу города.

По дороге он встречал людей. Самых обычных, людей. Паникующих, либо спешно покидающих свои дома. Некоторых он узнал.

Кто-то даже пытался с ним заговорить. Скотт невразумительно кивнул на реплику, которую он толком даже не понял. Какая-то женщина истерически заламывала руки, потрясая своими внушительными телесами. Скотт слышал её, словно через мутную воду. Он отвернулся и зашагал дальше. Женщина не унималась.

Время превратилось для Скотта в вязкую патоку. Часы на руке всё также стояли. Стрелки перестали перемещаться по своим осям, и предательски молчали. Скотт вспомнил старую шутку про то, что «времени вообще нет». Смешно. В этом агонизирующем городе скоро останутся только красные демоны и та тварь, которая пришла сюда хрен знает откуда. Впрочем, неизвестно, насытится ли этот бог одним только Вайптауном. Если так, то бежать придется далеко.

Очень далеко.

— Ты бросил девку... — Сказал Скотт сам себе.

— Она, может, даже и не выживет. — Ответил ему предательский внутренний голос. Тот самый, что велел бежать из больницы.

— Ты обещал вытащить её.

— Не обещал. — Соврал голос.

— Ты, сука, обещал! — Закричал Скотт почти на всю улицу.

— Тише парень! Не кричи. Думаешь, ты нужен ей? Ты вспомни, как она обращалась с тобой. Как кричала и вела себя. Она редкостная сука, парень. Она считалась с тобой только пока ты защищал её драгоценную шкуру, Скотти...

— Хватит! Прекрати...

— А потом она бросила бы тебя ровно в тот момент, когда опасность минует. Они всегда так делают, поверь мне. Поверь себе, Скотти.

— Заткни свой рот! А не то... — Скотт упределительно посмотрел на свою ладонь с отметиной.

Голос, как ни странно затих. Скотт ещё секунду подождал возвращения внутреннего диалога, но, к его облегчению, тот, второй не вернулся. В голове стало пусто. И оттого, тревожно. Так, без мыслей, он прошел несколько кварталов.

Остановившись на перекрестке Норд-Энда и Фог-Авеню, Скотт начал шарить по карманам в поисках сигарет. И чем дальше он искал заветную пачку, тем сильнее хотел курить. Мятая пачка затесалась в задний карман, и никак не хотела являться оттуда на свет.

Когда Скотт достал её, он увидел на ней бурые отпечатки пальцев. Курить захотелось и вовсе нестерпимо.

Щелчок зажигалки, и в горло проникает едкий сизый яд, насыщая никотинового монстра. Выдох, и две струи дыма клубятся у его лица.

Вот так хорошо. Когда-то давно человечеству внушили, что курение успокаивает, и теперь оно бесконечно верит в это горькое плацебо.

Ещё пять кварталов, и Скотт выйдет в пригород, на самом краю которого одиноко ютится бар старого Чохаса. Последний оплот города перед напирющей на него пустыней. Скотт вспомнил приятный прохладный полумрак бара и манящие бутылки, угнездившиеся на зеркальной полке за стойкой. Во рту почудился вкус холодного темного пива. Если конечно у Чохаса ещё есть электричество.

Стоя на месте, Скотта вдруг передернуло. Будто бы кто-то резко его окликнул. Он повернул голову к стоящему особняком двухэтажному дому. А потом медленно поднимал глаза всё выше. Пока не встретился взглядом с мальчишкой плящимся прямо на него. Тот, не моргая, смотрел прямо на Скотта. От неприятного ноющего ощущения, возникшего в позвоночнике, Скотт снова дернулся. Взгляд сверлил его насквозь. Он влезал в голову, и старался вытащить оттуда всё то небольшое, что заставляло Скотта чувствовать себя человеком, а не просто куском мыслящего мяса. С немалым усилием Скотт отвел глаза и зашагал дальше. Напоследок он показал этому уродцу средний палец.

Только вот ощущение никуда не пропадало. Оно засело плотно, словно заноза под кожей. Спиной Скотт чувствовал, что к первому взгляду присоединился ещё один. И через квартал, и через два, эти взгляды всё ещё провожали Скотта. И к ним присоединялись всё новые и новые. Скотт заметил ещё одну такую «тварь», стоящую прямо на газоне. Видимо, наступало время их жатвы. Ещё немного, и они в открытую выйдут на охоту, дабы накормить своего безумно голодного бога.

— Чего вы все пялитесь на меня? — Скотт остановился и посмотрел прямо на него. Внешне он выглядел как человек. Только вот внутри уже, скорее всего, произошли необратимые метаморфозы, и от человека осталась лишь оболочка. — Какого хрена вам от меня надо, сраные говнюки?!

Скотт сорвался на крик. На противоположной части улицы мужчина, испуганный воплями, уставился на парня, с армейским тактическим рюкзаком и автоматом на спине, который кричал на его соседа. Даже в нынешнем безумии, охватившем город, парень был явно не в себе.

— Отсоси у меня! — Скотт чувствовал, что ему нужно выплеснуть всё это. Страх, ярость, чувство довлеющей безвыходности — всё это скручивало его в тугую пружину. И если не спустить пар — то пружина эта выстрелит безумием. Скотт сомневался, что может что-то противопоставить этому монстру, если тот нападет на него. Автомат заклинило, пистолет пуст. Впрочем, тварь не бросалась на него. Она только лишь пристально смотрела на Скотта. И от этого становилось жутко. — Отсосите все! — Скотт развернулся и закричал туда, откуда пришел. Откуда на него таранились. Скотт демонстративно взял своё хозяйство в кулак и выгнулся вперед, будто приглашая самого смелого отведать его «пожелания». — Отсосите у меня, вы, долбаные уроды! — Закричал Скотт, срывая голос.

Не дожидаясь какой-либо реакции, Скотт развернулся, и теперь уже побежал к Чохасу.

Генератор у Чохаса действительно работал. Это можно было понять по двум вещам. Во-первых, по мерному гудению, доносившемуся откуда-то из подвала. А во-вторых, на входе

горела неоновая вывеска «Эль Каброн».

Дверь привычно зазвенела колокольчиком, и, судя по всему, из кухни, резво вынырнул сам хозяин заведения с ружьём в руках.

— Чохас, это я! Не стреляй! — Сказал Скотт, поднимая руки вверх.

— Кохонес, Скотти. — Выдохнул Чохас, опуская ствол. — Входи, пожалуйста.

— Грациес, амиго. — Скотт опустил руки, и сбросил с себя рюкзак и автомат. — А ты чего дверь открытой оставил? — Спросил он.

— Я думал, что закрыл её. — Выдал удивленный Чохас. — Закрывай эту чингадо, и проходи внутрь.

На кухне пахло старым жиром, острым перцем, и пылью. Готовил в своём заведении Чохас отменно, но редко. Убирался на кухне просто редко. Сам он сидел за столом, держа на коленях ружьё. Перед ним стояла чашка с кофе, из которой он молча прихлебывал, пока слушал историю своего гостя. Скотт тем временем, пил виски прямо из бутылки. Обжигающая жидкость лилась в глотку громкими глотками. Опустошив пятую часть, Скотт так и не понял, подействовало пойло, или нет. Нервная дрожь началась, когда он откупорил бутылку «Волкера», и не хотела никуда уходить.

— Знаешь, как у нас называют тех, кто так поступает? — Спросил Чохас.

— Нет. — Ответил Скотт.

— Эль мудачелло.

В повисшей тишине Скотт вздохнул, и снова приложился к бутылке.

•••

Внутри неё что-то происходило. словно огромный паук брал разной толщины и фактуры нити, веревки и бечевки, и своими длинными гладкими лапками туго сплетал всё это в узел. В плотное хитросплетение он вязывал холодный страх, нечеловеческий голод, колючую горькую тьму, и ещё прорву всего того, что не поддавалось идентификации в человеческом мире. Огромный паук ворочался, и причинял неудобство. Она чувствовала каждое его движение, и каждое отдавалось болью. В груди что-то росло. Оно давило на ребра и мешало дышать. Тягучими волнами отступало, чтобы вернуться с удвоенной силой. И вся эта гамма набирала обороты, пока Мэй не проснулась с разрывающей болью в животе. Она попыталась закричать, но воздуха в лёгких почти не было. Она только лишь смогла захрипеть. Боль выкручивала её истерзанное слабое тело, и заставляла выгибаться дугой. Она пальцами, судорожно развязала узел на халате, в надежде, что это даст ей возможность вдохнуть. И нечеловеческий спазм начал отступать. Ещё пару минут, и всё ушло. Осталось только ноющее после побоев тело. Мэй встала с кушетки, и халат начал сползать с плечей.

Сначала она вообще не поняла, где находится. И только когда увидела спящую в кресле подругу, всё вспомнила. Ванесса спала с откинутой набок головой и открытым ртом. С губы свисала прозрачная струйка слюны.

— Ванесса Шэдди. — Едва слышно произнесла Мэй осипшим голосом. — Сука, у которой всё в жизни сложилось. Сраная задротка, постелившаяся под мальчика с богатым папой. — Халат скользнул по второму плечу, и неслышно упал на пол. — Как же я тебя ненавижу...

Мэй сплюнула на ковер перед Ванессой и захромала на кухню.

В холодильнике стоял прелый теплый воздух с примесью пластика. И что-то, судя по неприятному запаху, уже начало пропадать. Мэй пробежалась взглядом по полкам, но не нашла, чего искала. Открыла морозильную камеру.

Внутри всё ещё было прохладно, но лёд уже таял. Мэй запустила руку внутрь, и извлекла на свет огромный свиной стейк в вакуумной упаковке.

— То, что тебе нужно, детка. — Сказала она себе, улыбаясь, и вцепилась зубами в плотный пакет из прозрачного пластика.

Приложив немалое усилие, она вскрыла упаковку, и отбросила её в сторону. Кусок сырого мяса приятно охлаждал пальцы, и Мэй жадно впиалась в него зубами. Откусив небольшой кусок, она начала интенсивно работать челюстями.

Невероятно вкусно! Почему она раньше не пробовала сырую плоть? Без термообработки, без специй, без соли. Полупрожеванный кусок упал в желудок, и только раздражил Мэй. Она уселась за стол, и снова вцепилась в стейк.

— Мэй, Господи, Иисусе! — Ванесса стояла в проходе, прикрыв рот ладонью. Растрепанная и голая женщина, которую когда-то давно Ванесса называла своей подругой, вся в синяках и кровоподтеках сидела за её кухонным столом, и ела сырое мясо.

— Пошла нахрен отсюда! — Завопила Мэй. Недожеванный кусок выпал у неё изо рта. — Прочь отсюда, тупая сука!

Ванесса попыталась что-то сказать, но слова застряли в горле. Она быстрым шагом поднялась на второй этаж и заперлась в спальне. Её начало трясти. Гипсовый Иисус мученически взирал на неё с распятия. Ванесса сложила руки в замок и начала истово ему молиться. Возможно, впервые за всю свою жизнь.

В этот момент в её доме, в её кухне, за её столом сидела её голая подруга и ела сырую свинину.

— Как же это вкусно! — Приговаривала Мэй Мур с набитым ртом.

ХИЩНИКИ.

1 июля 2019 года.

Окрестности Вайнтауна, штат Нью-Мехико.

Если на большую часть сознательной жизни поместить человека в окружение подонков, насильников и прочего отребья, то вскоре он и сам станет отборной сволочью. Он впитает это. Животные инстинкты забьются в подкорку, и глубоко пустят корни. Станут частью его самого. Смешаются с колоссальной волей к выживанию и сделают из человека — дикого зверя, опирающегося на интеллект и обладающего необъяснимым чутьём.

Если бы телеканал, посвященный дикой природе, делал документальную передачу про Скарра, то она непременно называлась бы «Идеальный Хищник».

Сохо в какой-то момент перестал удивляться пугающим предостережениям своего кузена. Скарр, казалось, знает все за секунду до того, как это произойдёт.

Вот и сейчас.

— Останови тачку. — Сказал Скарр, будто выныривая из молчаливой задумчивости.

Машина остановилась. Музыка в салоне стихла, и впервые после пересечения границы, тишина стала неким реальным телесным объектом. В салоне пахло кожей, сладким автомобильным ароматизатором и прохладой. Сохо задумчиво, и совершенно машинально, глянул на сотовый. Тот моргнул белым экраном и потух. И сколько бы Сохо не вдавливал кнопку запуска в гладкую металлическую поверхность аппарата, тот больше не включался.

— Скарр, тут какое-то мьерда. — Сохо нервно заерзал на водительском сидении.

— Я знаю. — Как-то обреченно сказал Скарр. — Дальше — пешком.

Сохо смутно представлял себе прогулку до города пешком. С его объемным животом и двум пачкам сигарет ежедневно, он одолеет пару миль в лучшем случае.

Скарр вышел из машины, не закрыв дверь. В салон мгновенно проникла жара, духота и песок. Сохо обволокло жаром, и от внезапности происходящего, он в момент покрылся потом. Сигнализатор незакрытой двери противно запищал и начинал действовать на нервы.

— Скарр, подожди меня! — Сохо панически отстегивал ремень безопасности. Выходить из авто ему совершенно не хотелось, но и оставаться оному — тоже. Пока он выпутывался из ремней, назойливый аудиосигнал пропал. Сохо замер. Ради успокоения он повернул ключ в замке, но двигатель молчал.

— Оставляй всё здесь. Тачка мне больше не понадобится. — Голос Скарра, раздавшийся над ухом, напугал его.

Сам он уже направлялся прочь, при этом раздеваясь на ходу. Пиджак и широкополую шляпу он бросил прямо на песок. Рубаху расшнуровал и на ходу закатал рукава. Дорогие туфли, обшитые змеиной кожей и серебряными пряжками, остались позади. Пыльные и одинокие. Босой, и с развевающимися черными волосами, он, не оборачиваясь, направлялся по одному ему известному маршруту.

Сохо снова провернул ключ в зажигании. Ничего не произошло. Он истерически пытался завести авто, но тщетно.

— Чинга ту мадре! — Он раздосадовано хлопнул кулаком по рулю. Тот ответил внезапным сигналом. Сохо отпрял и влип в сиденье.

Скарра он нагнал только минут десять спустя.

— Скарр, постой! Куда мы идём? — Сохо запыхался и голос его дергался.

— Наш мальчишка убежал сюда не случайно. Он привел мальчика сюда. И нас он тоже ждёт. — Единственный глаз Скарра был неподвижен.

— Кто нас ждёт? — Спросил Сохо. Скарр молчал. — Про кого ты говоришь?

— Про того, кто пришел сюда издалека.

— Скарр, давай вернемся обратно. — Начал Сохо. — Может, мы пошлем сюда наших ребят, и они сами тут разберутся. Мне не нравится то, что тут происходит. Я думаю...

— Заткнись! — Прокричал Скарр, резко остановившись. — Закрой свой рот, трусливый ты кусок дерьма! Здесь может быть кое-чего поважнее, чем этот сопливый мальчишка! Если ты боишься идти со мной, то проваливай прочь! Мне дурно от твоего нытья. — Скарр железной хваткой вцепился своему кузену в плечо и резко оттолкнул от себя.

— Брат, я... Ты же знаешь, что мы с самого детства вместе. И я не оставлю тебя одного.

— Тогда замолчи и иди за мной.

Скарр отвел свой сверлящий взгляд от Сохо, только облегчения это не принесло.

Сохо молчал. В голове крутился целый сонм мыслей. Ему хотелось пить, и хотелось прохлады. Он боялся и хотел обратно в Мексику. Он не всегда разделял методы и принципы, которыми оперировал Скарр, но он понимал, что с ним он в относительной безопасности. Сейчас это успокаивающее чувство задвинули на задний план тревожные дурные мысли. Скарр ничего не говорил (*да, твою маме, он вообще ничего толком не сказал!*), а только уверенным шагом шел в самое сердце пустыни. И то, что было впереди, Сохо не нравилось. Низкие серые тучи становились всё гуще, и грозились вовсе скрыть солнце. И ещё чьё-то присутствие. Будто их там ждёт кто-то.

Никаких следов жизни. Ни змей, ни ящериц, ни даже грёбаных пауков. Всё замерло. Остановилось. В какой-то момент Сохо остановился, чтобы отдышаться, но Скарр даже не притормозил, чтобы подождать брата. Тому, казалось, вообще нет ни до чего, и ни до кого дела. Сохо жадно дышал, насколько это вообще возможно в этом песчаном аду, только легче не становилось. Он попытался снять с себя рубашку, но она настолько прилипла к телу, что при попытке снять, она разошлась по шву на спине. Сохо бросил её на землю. Пот тек с него ручьями. Толстое, лоснящееся тело, покрытое ковром татуировок, колыхалось при каждом вздохе.

Он захотел просто сесть прямо на песок, и никуда больше не идти. Но, взглянув на таящую в знойном мареве фигуру брата, стремительно удаляющуюся прочь, он испугался.

— Скарр погубит меня. — Сохо уже не пугался тому, что разговаривает сам с собой. — Он и сам-то слабо представляет, что там такое, и ещё меня за собой тащит. В этой сраной пустыне нас не ждёт ничего хорошего. Может быть, я смогу уговорить Скарра вернуться обратно. Да! Именно так и надо сделать...

Сохо продолжал озвучивать под нос собственные мысли, глядя себе под ноги. Вскоре небо заволкло густой хмарью, и стало совсем темно. Сохо поднял голову и замер. Где-то далеко, заслоняя горизонт, пульсировало ОНО. Сохо не смог подобрать слов для того, чтобы понять, что это такое, но эта колышущаяся розовая масса ему определённо нравилась. Это нечто словно наполовину застряло между нашим миром, и каким-то другим, совершенно неопишным. Очевидно, оно пришло сюда через огромную червоточину в небе. Оно звало и манило Сохо, и он всё понял. Вот куда так стремился Скарр. Вот куда стремился мальчишка. Именно оно — причина их путешествия. Сохо любовался им, уверенно набирая скорость. Тело его стало лёгким, как пёрышко. Он бежал, навстречу этому чудесному существу извне. Оно звало Сохо и обещало ему вечность...

— Пресвятая Дева Мария, Господи, Иисусе! — Кричал Сохо. — Это БОГ! Он прекрасен! Он любит меня! Он зовет меня к себе! Я иду! Я иду к тебе, Боже!

Сохо пробежал мимо Скарра, едва не сбив того с ног. И только тогда Скарр обратил внимание на своего брата. Сохо бежал навстречу этой живой массе, а в глазах его читалось

безумие. Фанатичная самоотдача и готовность к жертве.

Он уже ничего не видел. Не обращал внимания ни на что. Ни на полчища жирных мух, пировавших на останках трапез голодного бога, ни, собственно на сами останки. Черепа и кости с остатками мяса и жил то и дело попадались под ноги. Мухи лезли в глаза и уши. Если бы Сохо мог слышать, то гул насекомых заставил бы его заткнуть уши. Если бы видел — то картина этого могильника вывернула бы его наизнанку. Но, его разум уже не принадлежал ему.

— Глупый дурак. — Едва слышно произнес Скарр, наблюдая за бегущим родственником. Он понял, что тот слаб, чтобы противостоять такой силе. А безжалостная сила перемелет его не задумываясь.

Скарр же, напротив, не был одурманен этой сущностью. Он был готов хоть с кулаками пойти на это нечто, лишь бы получить от него силу. Холодный расчёт, и никаких эмоций. Будь это хоть сам Бог, хоть сам Дьябло, Скарр возьмёт у него то, что ему нужно.

Замедляя шаг, Скарр увидел, как колышущийся розовый протуберанец схватил Сохо, а тот только продолжал вопить что-то про Бога. Через секунду всё закончилось захлёбывающимся воплем. То, что осталось от Сохо, некрасиво упало в песок. По направлению от щупальца к телу прошла рябь.

— Зверь принял жертву. — Довольно усмехнулся Скарр. — Теперь я буду просить для себя.

Розовая масса окутала его с ног до головы. Сначала она робко прикоснулась к нему — будто пробовала на вкус. Затем обвила ноги и поползла выше. Скарр со смутным чувством отстраненности и возбуждения наблюдал, как его обволакивает Бог. По телу шла обжигающая вибрация. Больно не было. Скорее, непривычно.

Когда щупальце обвилось вокруг шеи, Скарр посмотрел прямо перед собой и закричал:

— Меня зовут Скарр! Я пришел к тебе, чтобы просить силу!

Бог не ответил ему. Вместо этого, масса дернулась, пошла рябью. Отпустила Скарра, но скрутилась в тугую, движущуюся вокруг него спираль. И когда Скарр открыл рот, чтобы снова повторить свою просьбу, розовая субстанция устремилась ему в рот, в уши, и в единственный здоровый глаз. Пустыня, Бог, пришедший извне, горы костей и сонмы мух над падалью исчезли. Растворились.

Мир выцвел и развеялся серым пеплом.

Осталась только алая темнота. Густая и непроницаемая. Скарр понял, что он находится внутри Бога. В его необъятном голодном брюхе. Все чувства и указатели, используемые мозгом для ориентации, сбились, как стрелка компаса над железом. Осталось только осознание себя. Невыносимая легкость рассудка и пудовой тяжести инстинкты. То, что делает его зверем.

Делало.

Скарр рассыпался.

Он пытался собраться с мыслями, но было тяжело даже собрать самого себя из всех тех осколков, на которые он дробился. Молекулы на Атомы. Атомы — на протоны. Протоны — на кварки. И в каждой частице — он сам. Будь его рассудок цельным — он бы помутился. А с каждым делением — связи между ним становились тоньше, рвались.

Когда Скарр перестал существовать как целостное сознание, Бог снова собрал его в одно целое. Мучительно долго и больно. Перед тем, как осознать свою собственную личность, Скарр прошел и прожил всю свою жизнь до сегодняшнего момента. Сколько

времени это заняло — он не знал. Потому, что время тоже было разорвано.

И только тогда Бог заговорил со Скарром.

Тот понял это не ушами и не мозгом. То, как эта сущность доносила информацию, невозможно описать словами и образами нашего мира. Скарр впитывал его подачу порами тела и кровяными тельцами. Каждый волос и каждая клетка внимали тому, что доносил Бог.

И из всей той информации, что Скарр впитал и воспринял, он почувствовал, что Хазоат дал ему силу. Не как равному, но как посланнику в этом мире. Остальное для Скарра не имело значения. Теперь он — Чумной Король. Король в алом. Цвета спекшейся крови и бурых струпьев. Пришел, потребовал, получил. Что потребует (и потребует ли?) Хазоат взамен, Скарр не знал. Впрочем, он и не хотел знать. Всё прошлое для него сейчас стало незначительным и мелочным. Для него нынешнего открыто куда больше возможности, чем он мог себе представить. Осталось только идти и принимать жатву.

Вечно голодное чрево иного Бога выплюнуло Скарра обратно. Вернулись телесные ощущения. За целую жизнь внутри, он успел забыть капризное и прихотливое тело. А с ним сейчас происходило нечто неладное. На какую-то секунду Скарр подумал, что Хазоат обманул его, и сейчас он станет лишь очередной трапезой в бесконечном пиршестве.

Кожу обжигало. Под кожей всё чесалось и зудело. Голова истошно болела, а на висках бешено пульсировали вены. Скарр схватился за виски, и ногтями принялся разрывать кожу. Она треснула, словно старая пергаментная бумага. Скарр начал срывать её, и огромные лохмотья полетели во все стороны. И так по всему телу. Как бабочка, высвобождающаяся из кокона, тот, кто звал себя Скарром, освобождался от старой плоти. Под ней была новая — грубого красного цвета, и чешуйчатая, как у рогатой гадюки. Шипы выпрямлялись и становились тверже. В самом конце открылись ещё два глаза, чуть выше первой пары.

— До сегодня я видел только половину... Сейчас я вижу ВСЁ! — закричал Скарр страшным низким голосом.

В его голове словно раскачивался огромный молотоподобный маятник. Он мерно перемещался от одного виска к другому. И при соприкосновении вызывал боль. А ещё шум. Он так и не понимал, вызван ли этот шум маятником, рассекающим пространство, или это нечто извне. Хотя, в полусонном бреду, эти понятия предательски менялись местами. Только вот шум и боль никуда не девались.

Рик дёрнулся в тот момент, когда где-то неподалёку звонко упала бутылка. Шею и затылок моментально прострелило резким спазмом. Он сцепил зубы, чтобы не застонать. Сейчас, когда он понял, что очнулся, боль в голове стала издевательски реальной. Он ощупал затылок, и наткнулся на слипшиеся ещё влажные волосы. На пальцах осталась густая темная кровь.

«Ещё немного, и меня позовут сниматься в хорроры, в роли маньяка» — Подумал Рик, прикидывая, как он сейчас выглядит.

Рик огляделся. Он вспомнил, что его накрыло, и что он отключился от удара по голове.

В пабе сейчас пахло алкоголем, смешивающимся с едким запахом гари, шедшим с улицы. Рик, аккуратно, стараясь не порезаться об осколки, привстал за барной стойкой. Подняться в полный рост ему мешал покореженный лист металла, прилетевший прямо в бар.

«Не будь тут этого странного типа, мне бы точно голову отсекло» — подумал Рик с неким отстраненным удивлением.

Снова звон стекла. Рик повернул голову и увидел тощую темную фигуру, которая как-то неестественно топталась в углу.

Эй, парень! — Крикнул он фигуре. Та дернулась, словно от удара, и замерла. — Помоги мне, я, кажется, немного ранен.

Рик понял, что совершил ошибку, когда фигура развернулась к нему лицом. Впрочем, человеческим это лицо назвать было трудно. Неестественно вытянутое, пасть полна мелких острых зубов в два ряда, и черные бездонные глаза. На худой шее сбоку было что-то типа жаберных крышек, которые завибрировали и раскрылись. Тварь раскрыла рот и застрекотала. Рик мог поклясться, что было похоже на дельфина, или другое морское млекопитающее. От увиденного его словно приковало к полу, а тело отказывалось шевелиться.

Тварь замерла, словно принохиваясь к чему-то.

«Да она же слепая!» — мелькнуло в голове у Рика. *«Опознает предметы только по гребаной эхолокации! Не шевелись! Только не шевелись, твою мать!»*.

Шаги её были неспешными и почти бесшумными. В полутьме бара тварь двигалась аккуратно, неторопливо, уверенно. И она приближалась к нему. Рик на момент показалось, что от увиденного он разучился дышать. Боясь пошевелить хоть пальцем, он не отводил взгляд с черных глаз твари. Та подошла почти вплотную к Рик, и расстояние между ними свелось в несколько дюймов. Рик почувствовал отвратительное смрадное дыхание из её пасти. Увидел силуэт своего бледного лица в зеркалах её смоляных глаз. Черные и пустые, словно отражение её нутра. Рик с сожалением понял, что ещё утром оно было человеком.

Рик не знал, сколько прошло времени с того момента, как они играют в гляделки. И сколько ещё оно может стоять вот так, пялясь на него, как на мебель. Будто в ответ, жаберные крышки снова открылись, и из горла раздался высокий, стрекочущий треск. Рик только зажмурился от мерзкого запаха, и чудом удержался от того, чтобы не его не стошнило. К горлу подкатывало. Тварь закрыла пасть, и задумчиво склонила голову набок.

Сердце Рика стучало, как паровой мотор. В наступившей тишине удары сердца казались оглушающими. Он скосил глаза вправо, и увидел свой топор, валяющийся на полу, недалеко от барной стойки.

«Нужно всего лишь перескочить через эту стойку» — Мысленно сказал Рик сам себе. *«Возможно, я уложусь в пару секунд. Должно хватить.»*

Рик неторопливо выдохнул, напрягся. Почувствовал каждый мускул своего тела. Сжал кулаки. Разжал. Мышцы отозвались уверенной твердостью. Рик чувствовал себя спортсменом перед решающим выходом. Только одна слабость этой твари. Только один маленький промах с её стороны, и он мгновенно перемахнет через пятифутовую деревянную конструкцию. Схватит топор правой рукой. Тварь, естественно, попытается схватить его, но там уже будет пусто. И когда она откроет спину, он одним резким движением ударит её в затылок.

Остается только немного пошуметь.

Расчет был на то, что у Рика под ногами сейчас разбросаны бутылки. Носком ботинка он начал аккуратно прощупывать пол. Нога уперлась в бутылку, и только каким-то чудом, помноженным на мгновенную реакцию Рика, прижавшего её ногой, она не покатила раньше времени. Рик аккуратно приподнял ногу, и начал было замахиваться для удара, как внезапно весь его план полетел к чертям.

— Мама! Мамочка! Ты здесь? — Голос Мэйси Поттс ворвался в бар на несколько секунд раньше, чем она сама.

СТОЛКНОВЕНИЕ.

1 июля 2019 года.

Вайнтаун штат Нью-Мехико.

Тварь дернулась на звук, и низко застрекотала, уставившись на вошедшую.

«Какого черта полоумная девка сюда приперлась?» — Пронеслось в голове у Рика.

— Мамочка! Я пришла к тебе! — Мэйси замерла в дверях, и, как показалось Рику, абсолютно не испугалась.

Рик вдруг осознал, что эта тварь, этот мутант, ещё несколько часов назад являлся матерью девушки. И сейчас её совершенно не смущал тот факт, что мама была готова наброситься и разорвать в клочья буквально всё, что шевелиться. Лёгкое удивление — вот и

всё, что читалось на лице Мэйси. Она или не понимала очевидного, или просто отказывалась замечать.

В любом случае, если не вмешаться, оно разорвет девушку. Пускай первоначальный план и пошел прахом, внимание твари сейчас сосредоточено на вошедшей. Рик одним резким прыжком перепрыгнул через стойку, и попытался проехать по полу до места, где валялся топор. Когда правая рука сомкнулась на рукояти, он почувствовал резкий укол в бедре. Рик глянул туда. Осколок от бутылки пропорол штанину и разрезал кожу. Насколько глубоко, он не представлял.

«Твою мать!»

Адреналин притупил боль.

Сейчас главное спасти девушку. Она всё ещё стояла неподвижно, и, казалось, даже не заметила, как Рик выпрыгнул из-за барной стойки. Тварь подошла к ней на расстояние вытянутой руки, и злобно щерилась, оскалив зубы.

Рик выпрямился (бедро нехорошо отозвалось) и одним мощным ударом всадил топор в затылок существу. Кровь брызнула ему на лицо и попала прямо в глаза. Рик заморгал и выпустил топор из рук.

Он пытался протереть глаза, когда услышал крик. Кричала Мэйси. Сначала он подумал, что тварь каким-то образом не подошла. Но, когда Рик посмотрел в ту сторону, увидел, что Мэйси смотрит на осевшее тело с топором в голове и голосит во всё горло. Он машинально метнулся к ней, и заткнул рот рукой. Мэйси пыталась убрать руку от своего рта, но Рик едва сам не закричал ей на ухо:

— Заткнись! Все сраные твари со всего города на твой крик сбегутся!

Никакого эффекта. Словно он говорил в пустоту. Рик понимал, что это не самый лучший вариант (к тому же, по отношению к «особенной девочке»), но свободной рукой он вlepил Мэйси оплеуху.

Та перестала кричать, а во взгляде появилась толика осмысленности.

— Мамочка... — До неё начало доходить, что той хорошей и доброй мамы, которая была от неё неотлучна всю жизнь, больше нет. Вернее, её, как таковой, не стало несколько часов назад. А теперь то, во что она превратилась, распласталось на полу серой тушей. Из расколотого черепа на деревянный пол натекла лужа темной, почти черной крови.

— Не благодари... — Рик продолжил тереть глаза.

— Мамочка ушла час назад. Она сказала, что её ждут. А я беспокоилась после того, как что-то взорвалось. А она не сказала мне, когда вернется. Она всегда говорит, когда вернется, если уходит куда-то. А она ушла и не вернулась. Я беспокоилась. Я ходила по дому и ждала её. Электричество не появилось. А потом стало темно. А потом я вышла на улицу и стала выглядывать маму. А её всё не было. И я пошла её искать.

— А как ты вообще узнала, что это... существо раньше было твоей матерью? — Рик оттер глаза, и теперь видел, что Мэйси стоит одетая лишь в ночную рубашку.

— Я чувствовала её. Внутри она осталась точно такой же, как и была раньше. Это только внешне она стала монстром. И монстр заставил её забыть, кто она такая.

— Какой монстр? Этот? — Рик с отвращением кивнул на распростертое тело.

— Нет. Не этот. Тот, что в пустыне. Голодный.

Рик озадаченно посмотрел на девушку. Она, определённо знала больше, чем сказала.

— Ну, и хрен с ним... — Рик неопределенно махнул рукой. — Ты шить умеешь? — Спросил он.

Снимать штаны не пришлось. Сквозь прореху было прекрасно видно глубокую рваную рану. К удивлению Рика, Мэйси ничуть не смутилась просьбе, и делала всё быстро, и без дрожи в руках.

Она вынула торчавший из ноги осколок и щедро полила рану из уцелевшей бутылки с водкой.

— Твою мать... — Зашипел Рик. — Когда такую штуку делают в кино, герой никогда не показывает, что ему больно.

— Потерпи, Рик Мур. — Мэйси открыла аптечку, найденную в одном из ящиков барной стойки, и достала иголку с ниткой.

— Прости, что ударил тебя. — Сказал Рик. — Я просто не знал, как тебя ещё можно было привести в чувство. Сегодня у меня очень паршивый день. И он даже не думает заканчиваться. Черт возьми, я даже не знаю, какой сегодня день!

— Ничего страшного. Я прощаю тебя. А теперь держись. Я буду зашивать. А сейчас около двух часов пополудни. То есть, с момента, когда всё это началось, прошло чуть меньше десяти часов. — Сказала Мэйси, делая первый стежок.

— Как ты узнала? — Спросил Рик. — Часы же остановились.

— Не все. У мамы старые, и они — механические. Они всё ещё ходят. Она их не надела перед тем, как уйти. — Сказала Мэйси, накладывая второй шов. Всего их вышло три, и два из них — относительно ровные. Почти так, как показывала мама. — Кстати, уже всё...

— Ты где так научилась? — Спросил Рик, вставая со стола, и разглядывая работу.

— Мама научила. — Мэйси скромно отвела глаза в сторону.

— Спасибо, Мэйси. — Сказал Рик. — А теперь давай выбираться из этого проклятого места.

Едва он сделал неуверенный, нетвердый шаг отсюда, как почувствовал, как его руку сжимают холодные тонкие пальцы. Она держала его за запястье и смотрела в пол.

— Ты чего? — Спросил Рик.

Мэйси не решалась ответить. Рик не хотел её торопить. Прошла секунда. Другая. Внезапно всё вокруг стало неважным. Всё что угодно могло подождать до той поры, пока она не ответит на его вопрос. А она молчала.

Рик взгляделся в её лицо, и заметил, что оно залилось краской.

(Надеюсь, это не то, что я думаю?)

Красивое, ничуть не обезображенное болезнью (Рик в какой-то момент и вовсе прекратил считать синдром Аспергера болезнью: скорее — особенностью; уникальностью), хотя, большую роль в отращении играл исключительно психический фактор. Детские ямки на щеках, вздернутый нос в веснушках, ячменного цвета волосы, закрученные в рожки на голове. Совсем ещё девчонка внешне, но с интегральным калькулятором в голове.

— Мэйси? — Снова спросил Рик.

— Рик Мур. — Начала она совсем тихо. Рик едва расслышал. — Я хочу, чтобы... чтобы мы с тобой сделали то, что делают взрослые мужчина и женщина.

— Ох, твою же мать... — Вздохнул Рик.

— Рик Мур, ты сильный и красивый. И ты спас меня.

— Мэйси, я... — Начал, было, он.

— Молчи! — Сказала она резко. — Пожалуйста. Просто сделай это.

Мэйси ещё сильнее впилась в его руку, и притянула её к своим трусикам. Ладонь Рика наткнулась на нечто теплое и влажное. Даже сквозь нижнее бельё Рик почувствовал,

насколько она возбуждена.

Мэйси, не дожидаясь какой-либо реакции, обхватила Рика за талию и нелепо прижалась своими губами к его губам.

Рик не сразу, но ответил ей. Он открыл рот и ощутил, как её язык напористо ворвался туда.

(Целоваться она не умеет, но очень хочет)

Мэйси кусала его губы и облизывала их. Затем переключилась на мочку уха и шею. Рик тем временем гладил её низ ладонью. Мэйси застонала, и возбужденно виляя бедрами, стянула с себя трусики.

— Шлепни меня, пожалуйста. — Горячее дыхание ворвалось Рику прямо в ухо.

Рик не заставил её долго ждать. Раздался шлепок. Следом — стон. Потом ещё раз. И ещё. Она стянула ночную рубашку через голову и легла животом на стол, на котором ещё несколько минут назад штопала Рика.

— Давай, Рик Мур. Сделай мне больно.

Низ живота приятно тянуло, словно от адреналина. Тело двигалось само по себе, а руки то хлестали, то крепко хватали извивающееся женское тело, в то время, как мысли в голове смешивались и наслаивались друг на друга. Злость, усталость, напряжение, агрессия, желание. События последних часов были невероятными, и произошедшими, словно он был лишь сторонним зрителем на представлении. Рику казалось, что голова вот-вот лопнет от такого сумасшедшего количества информации. И только трахая девушку, он сможет избавиться от всего этого. Вытравить, выпустить, выплеснуть всё это из себя.

Мэйси стонала от боли и удовольствия, и успела дважды получить оргазм. Рик же кончил внезапно и быстро. Оно подкатило и выжало его наизнанку. Он отошел от Мэйси и буквально рухнул на стул. Девушка всё ещё постанывала, и тяжело дышала, практически не шевелясь.

В голове вдруг стало пусто. Звонкая тишина заполнила его мозг и Рик застыл. Он не знал, сколько просидел в забытьи, прежде чем ладонь Мэйси легла ему на плечо. Рик дернулся. Девушка уже успела одеться и отдышаться.

— Пойдем, Рик Мур. Ты же отведешь меня домой?

Только сейчас он понял, что сидит со спущенными штанами. Его на секунду охватило смущение и глупость ситуации. Впрочем, всё это так же быстро исчезло, уступив место холодному спокойствию. Рик натянул джинсы, поморщившись, когда ткань задела рану, и перед тем, как выйти на улицу, крепко взял Мэйси за руку.

— Нам нельзя домой. Ни тебе, ни мне. Эта дрянь в долине, она что-то сделала с этим местом. Оно как будто наполняется безумием. Мраком. Я... я не знаю, что это такое. — Рик качал головой. Город стал каким-то выцветшим и серым. Сгущающиеся сумерки разбавляло алое зарево в небе. В целом картина была inferнальной, и походила на полотна с изображением библейского апокалипсиса.

— А куда мы пойдём? Мы зайдем ко мне домой за вещами? Мы уйдём из города? — Мэйси крепко держала Рика за руку и вертела головой по сторонам. Мотоциклетная куртка, которую надел на неё Рик, была ей слегка великовата, и приятно хрустела кожей.

— Нет, мы не будем никуда заходить. Мы просто уйдём из Вайптауна. — Рик искренне надеялся, что им удастся покинуть черту города невредимыми. Будто усмешка судьбы — бедро отозвалось резкой болью.

— А как же вещи? Нам могут понадобиться некоторые вещи. — Не успокаивалась

девушка.

— Мэйси, мы не будем заходить за вещами. Разве что у тебя есть транспорт, или... — Рик с сожалением вспомнил про свой байк, а потом разве что не ударил себя по лбу, когда увидел велопарковку возле продуктового магазина. — Мэйси? — Он остановился и возбужденно посмотрел ей в лицо. — А ты умеешь кататься на велосипеде?

* * *

Голова гудела, словно её скрутили железным ободом. Майлз тяжело и медленно поднимался. Вернее, он уже в процессе осознал, что две пары крепких рук поднимают его с горячего асфальта.

— Отставить, я сам! — Прокашлял Чиф.

Когда его отпустили, пол под ногами внезапно качнулся и дал крен. По ощущениям, всё было именно так. На самом деле (и Майлз нехотя это признавал), его шатало из стороны в сторону. Он притронулся к болящему виску, и его пальцы нащупали липкое.

— Вот теперь я согласен, что слишком стар для всего этого... — Едва слышно произнес Майлз.

— Что вы говорите, шериф? — Хью наклонился, чтобы лучше услышать старика, стоящего сгорбившись, и упершего руки в колени.

— Давай обратно в участок, Хью! — Будто ничего не произошло, произнес шериф. — А куда подевался Лэнг? — Спросил он, оглядываясь по сторонам.

— Ушел, сэр. Он с ранеными, вроде.

— Хрен бы с ним. — Проворчал чиф. — Пошли.

Народу на улицах заметно поубавилось. Майлз неохотно признал, что это последние деньки города. Возможно, конец уже наступил, только они ещё не осознали это. Жуткие твари, голодный бог, авария и серый воздух, отдающий пеплом и песком. Майлз верил в Бога. Искренне. Только сейчас Бог, видимо ушел отсюда. Возможно, даже ему неподвластно то, что сейчас происходит. И он будет смотреть со стороны, как Вайптаун превратится в очередной город-призрак в пустыне.

Хью шагал рядом, обреченно рассматривая носки своих ботинок, покрытые пылью и сажей. В руке он нес дробовик, изредка сжимая рукоять до хруста костяшек. Майлз понимал, что Хью сломлен. Случившееся окончательно выбило его из равновесия. И даже если он не тронется рассудком, то вряд-ли сможет сменить шерифа на его посту. Только вот кому это всё окажется нужно?

— В пекло всё это дерьмо! — Майлз схватил свой значок, и резким движением руки сорвал с рубахи. Золоченая звезда, обрамленная в круг, улетела в сторону, и жалобно звякнула об асфальт. Хью не реагировал.

На перекрестке Грим-авеню и Централ Сквер Шерифа громко окрикнули.

— Чиф!

Майлз резко остановился и взгляделся в серость улицы. Там стоял человек. Вернее, угадывался лишь его силуэт. Чиф напрягся, и услышал, как Хью резко перезарядил дробовик.

— Кто там? — Закричал он.

— Это не имеет значения! — Ответил силуэт, делая несколько шагов в их сторону. — Тот, кто пришел сюда править этим местом. Тот, кто служит Голодному Богу! И чьё имя вы будете произносить с почтенным страхом...

— Значит, дурак, который собрался править пепелищем. — Сказал Майлз, не отводя взгляд от незнакомца. Тот лишь громко расхохотался и ускорил шаг.

— Я застрелю этого сукина сына, если он хоть дернется в нашу сторону. — Тихо сказал Хью, прицеливаясь.

— Незачем шептаться, помощник. Я прекрасно всё слышу. И поверь мне, я вырву тебе горло за такие слова! — Силуэт приблизился настолько, что Шериф с помощником смогли разглядеть его. Он мог бы сойти за человека, если бы не цвет кожи и уродливые рога, торчащие над второй парой глаз.

— Что ты, Господи Иисусе, такое? — Прошептал Майлз, чувствуя, как деревенеет тело.

— Я лишь кое-что заберу, и уйду. Если не будете мне мешать...

— А ну стой на месте, выродец! Ещё шаг, и я застрелю тебя! — Прервал его Хью. Дрожащий палец лег на спусковой крючок.

— Я ведь предупреждал тебя. Предупреждал по-хорошему. — Незнакомец подошел совсем близко, и расстояние между ними сократилось до нескольких шагов. — Если ты...

Он так и не договорил. Выстрел заглушил всё вокруг. Не готовый к такому шериф дернулся, и помянул свою покойную матушку и дьявола в одной фразе.

Незнакомца, вопреки ожиданиям помощника, не отбросило назад замертво. Тот лишь замер, словно уперся в невидимую преграду. На белой рубашке — там, куда угодила дробь — расцвели маленькие красные пятна. Он укоризненно глянул сначала на себя, а затем на Хью. От неожиданности тот опустил ружьё и поправил сползшие очки обратно на нос.

— Я ведь предупредил. — Сказал он.

Хью в последний момент попытался снова выстрелить, но не успел он вскинуть ружьё, как монстр приблизился к нему почти вплотную. Лево́й рукой перехватил ствол, отводя его в сторону, а правой впился помощнику в горло. Удивление и страх в его глазах застыли навсегда, ибо через секунду послышался хруст, и из разорванного горла с хрипением и бульканьем полилась кровь. Хью упал на колени, и уперся лицом в живот своему убийце. Тот сделал шаг в сторону, и тело завалилось на асфальт.

Майлз, даже среагировав он вовремя, всё равно бы не успел за такой шустрой тварью. Он увидел, как из горла его мёртвого помощника вытекает кровь, а убийца лишь с отвращением стряхнул руку, с которой слетала кровь и куски чего-то красного.

— Шериф, давайте, я сопровожу вас до участка, и вы, наконец, отдадите мне того, за кем я пришел. — Незнакомец крепко схватил Майлза за шиворот, и поволок его к участку, будто тот совсем ничего не весил. Свободной же рукой он вытащил револьвер из кобуры, и зашвырнул куда-то в сторону.

Майлз уже понял, кто к ним пожаловал. Один из тех ублюдков, которые хотели сожрать мальчишку с татуировкой на лице. Видимо, тот был важен для них, раз явились за ним лично.

Монстр тащил его напрямик в участок. Когда они вошли, Лекс буквально вбросил шерифа внутрь.

— Где мальчишка? — Прошипел он, жадно облизываясь.

— Ты ведь Лекс, да? Лекс Ларкин? — Нарочно громко спросил Шериф, с трудом поднимаясь с пола. — Тот урод, который сожрал девку! И теперь пришел за мальчишкой?

— Значит, он пришел сюда. — Лекс бегло оглядел помещение. — Впрочем, это уже неважно. Он больше не имеет значения. Мне нужен другой. Которого зовут Салли.

— Зачем тебе Салли? — Почти закричал Шериф. — Он ушел, когда тут началась заваруха.

— Даже не надейся. Он здесь, и я это чувствую. Его безумие... — Лекс сел на корточки,

чтобы его лицо было напротив лица шерифа, приподнявшегося на локтях. — Его безумие — это ключ. И замок. Очень сложно объяснить тебе, но это он впустил сюда того, кого ты не имеешь права даже называть.

— Ту дрянь, которая в пустыне, да? — Шериф усмехнулся. Лекс тоже улыбнулся, и отвесил Майлзу крепкую затрещину. Голова его хрустнула, и он завалился на пол. Дышать вдруг стало тяжело.

Майлз услышал удаляющиеся шаги и грохот вылетевшей с петлей двери. Затем — громкий крик, перешедший в рёв. Шаги снова вернулись, и крепкая рука схватила шерифа за подбородок, оторвав лицо от пола. Шея нестерпимо заболела, а говорить стало трудно.

— Где он? Куда ты его дел? — Майлз почувствовал горячее смрадное дыхание у своего уха.

— Не знаю. — Честно ответил шериф. Он надеялся, что мальчишки сбежали и сейчас где-то далеко отсюда.

— Упертый дурак. — Прошептал Лекс Ларкин. — Я ведь всё-равно его найду.

Голова шерифа снова опустилась на пол, и он услышал удаляющиеся шаги. Прошло несколько долгих мгновений, прежде чем Майлз Хастор снова попытался встать с пола. Каждое движение отдавалось болью. Он попытался встать, но ноги предательски не слушались его. Он только и смог, что перевернуться на спину и громко выдохнуть. Когда он открыл глаза, над ним стояла его мертвая жена. И улыбалась нехорошей зубастой ухмылкой.

ПО ТУ СТОРОНУ.

1 июля 2019 года.

Вайнтаун штат Нью-Мехико.

Только сейчас Салли понял, что все ушли. Вернее, не все, а только те, кто мог оказать реальную помощь. Шериф, его молодой помощник и какой-то парень, с ружьем наперевес. В участке остался только нагло храпящий бомжеватый старик, и мальчишка — его ровесник. Последнего Салли видел только мельком, и думал, что его загребли сюда за какое-то мелкое хулиганство.

Салли не спеша поглощало чувство гнетущего напряжения, железными тисками сдавливающее голову. Оно нарастало тупой болью и вбивало в мозг отвратительные

пугающие картины. Салли нутром чувствовал, что гнилой король уже пришел. Пришел и запустил свои щупальца дурмана в город.

Лекарство, принимаемое мальчиком, всё быстрее выходило из организма, и вкупе с парящим в городе ядовитым безумием, его разум становился всё туманней. Всё путалось и мешалось в некую иррациональную кашу. Каждый шорох отдавался в мозгу. Крики и паника на улицах, заставили его закрыть двери в комнату и с головой укутаться в колючее одеяло. Он уже дважды не выдерживал и подходил к двери, проверяя закрыт ли замок. И всё-равно, даже убедившись, что дверь заперта, ему слышался шорох языка в замке.

— Прекрати! Не входи сюда! — Салли всё же не выдержал и закричал на дверь.

Дверь не ответила.

Окружающий мир давил на комнату со всей своей разрушающей мощью. Все страхи и ночные кошмары ожили, ворвались в город, и ожидали его за дверью. Салли схватился за голову и начал бормотать молитву. Одну из тех многочисленных, которые он заучивал до кровавых мозолей на коленях. И не смотря на это, слова всё же путались в его голове.

— Всемогущий Господь! Живущий на небесах, не оставь меня в час, когда дьявол пришел сюда... когда Сатана со своими когортами явились за мной, дабы забрать мою душу, и утащить её в ад! Прости меня за всё то, что я сделал в жизни. Словом или мыслью. Дай мне сил, прошу тебя... сил, чтобы держаться. И чтобы бороться ему. Аминь.

Бог не услышал его молитву.

Или был занят более важными делами.

Шорохи на какое-то время стихли, а затем всё вокруг стало каким-то пластилиновым. Салли не мог внятно описать то, что сейчас происходило с реальностью. Вязкая субстанция — единственное сравнение, пришедшее ему в голову. Помимо времени, которое остановилось ещё много часов назад, застыл и воздух. Слово весь мир начал вдруг двигаться в замедленном режиме.

Салли встал и начал продвигаться к двери. Давалось ему это с трудом. Всё-равно, что идти по колену в воде. Он понимал, что то, что он сейчас делает — не совсем правильно. Вот только голос, возникший у него в голове, успокаивал, что это — единственно правильное его решение.

— Салли Корнрой... — Станный сухой голос, разительно не похожий на тот убаюкивающий, что звал его к себе, звучал откуда-то издалека. — Салли, постой, не делай этого... Салли...

Мальчик подошел к двери и с усилием потянул её на себя. За ней начиналось нечто, что он сперва принял за болезненную галлюцинацию. Спертый стоячий воздух будто придавил его своим грузом.

За дверью был совершенно другой мир. И где-то далеко, в глуби бесконечно невообразимого космоса этого места, его ждали. И Салли старался не опоздать.

* * *

— Это плохо. Очень плохо, Вэйд Оуксон...

Перед Вэйдом стоял человек в сером, с капюшоном, скрывающем лицо, и попытался в двух скомканных предложениях предложить ему отправиться куда-то за мальчишкой, который почему-то оказался очень важным для всех.

Вэйд так и не понял, как незнакомец попал в запертую камеру. Слово он вообще появился из воздуха. Он сходу выдал ему такую прорву информации, что в какой-то момент Вэйд потерял нить разговора. Не случись последних жутких событий, Вэйд бы принял его за

сумасшедшего.

— Давай ещё раз? — Попросил Вэйд. — Ты... — Он выдержал паузу, направив на незнакомца палец. — Я, кстати, вообще не знаю, кто ты такой. И, тем не менее, ты хочешь, чтобы я отправился в другой мир... и привел того, второго парня?

— Именно. Но, не куда-то абстрактно, Вэйд Оуксон, а в Изнанку. А паренька зовут Салли Корнрой. А на счёт того, кто я такой, могу сказать всего лишь, что я тот, кто не хочет, чтобы ваш мир погиб. — Ответил человек в сером.

— Что такое эта «изнанка»? — Спросил Вэйд.

— Сумеречный мир, в котором встречаются все возможности из всех миров. Это котел, в котором варится бульон жизни. Место, где рождаются вероятности. Отправная точка самого континуума. Разорванное пространство и место покоя черных дыр.

— Так, стоп! — Вэйд поднял руки вверх, останавливая незнакомца. — Хватит! Я даже половины из всего сказанного не понял.

— Это не существенно. — Сказал незнакомец. — Главное, что ты сможешь пробыть там достаточно долго, чтобы найти Салли и вернуть его обратно.

— Достаточно долго? Погоди-ка! Ты хочешь меня засунуть туда, где... где черт знает какая фигня творится? И неизвестно точно, сколько я смогу там пробыть? Нет! Меня, в отличие от того парня, никто не собирался спасать, когда меня хотели сожрать! — Закричал он.

— Вэйд... — Начал, было, незнакомец.

— Я однозначно туда не полезу! — Категорично заявил он, перебивая. — И вообще, если ты столько знаешь о том мире, почему ты сам туда не отправишься? Проклятье... — Выдохнул он.

— Я могу туда отправиться, это да. — Сказал незнакомец, выдержав паузу, чтобы мальчик выдохнул. — Только вот как провожатый. Вернее, как поезд, если тебе так будет понятней. Я могу проложить дорогу из одного пункта в другой и переместиться туда. Даже со спутниками. Но, все, что происходит вне моего пути следования входит в резонанс с самой моей сутью.

— Чего? — Вэйд скривился и нахмурил брови.

— Жизнь в четырех измерениях сразу накладывает определённый отпечаток. — Грустно сказал незнакомец. — Стоит мне сфокусироваться на изнанке, как всё начинает коллапсировать. Это похоже на мерцающее сжатие, чтобы тебе было понятно. Изнанка, к сожалению, доступна мне лишь только как транспортная артерия. А ты вполне можешь пробыть там достаточно время, чтобы найти Салли. — Сказал незнакомец.

— Да и зачем мне туда идти? — Нагло скрестив руки на груди — Спросил Вэйд. — Какой смысл? Я вполне себе могу переждать здесь. За толстой решеткой.

— Если я смог пройти сквозь решетку, а Врата в этот мир приоткрылись, впустив сюда нечто извне, то, как думаешь, спасут тебя эти решетки? — Спросил незнакомец. И увидев озадаченное и испуганное лицо мальчика, продолжил: — А я смогу забрать вас в безопасное место. Относительно, безопасное, конечно. К тому же... — Он выдержал паузу. — Я могу свести эту дрянь с твоего лица. Это будет стоить этому миру всего-лишь небольшого наложения двух взаимоисключающих реальностей, но, в нынешних условиях я готов рискнуть. Хуже уже точно не будет.

— Я снова ничего не понял. — Сказал Вэйд обреченно. — Ну, допустим, я отправлюсь туда. Что ты имел в виду, когда говорил, что я могу быть там? Вернее, как долго?

— Я не знаю. — Честно признался незнакомец. — Там нет времени. Время будет только то, которое ты принесешь с собой. Как смертный организм.

— Чего? А, ладно. Просто скажи, как долго? — Угрюмо переспросил Вэйд, внутренне готовясь выслушать очередную ерунду.

— Несколько часов. Дней. Возможно. Я откровенно не знаю, как там поведет себя время.

— Слабое утешение. — Обреченно сказал подросток.

— Слабым утешением была бы твоя смерть от рук тех, кто осмелился призвать Хазоата. — Сказал незнакомец. От одного упоминания голодного злого бога Вэйда прошиб холодный пот.

— Твою мамре! Я туда не поеду. Тем более, если там эта срань! — Закричал Вэйд. — И вообще, какого хрена этот пацан туда пошёл?

— Его позвали. Я пытался его остановить, но он не смог сопротивляться. С его расщеплённым разумом он является ключом ко всему происходящему. Он нужен Хазоату, чтобы это могло продолжаться по всей вашей планете. — Грустно сказал незнакомец из-под капюшона. Он опустил голову совсем низко, из-за чего Вэйд едва слышал последние произнесенные им слова.

— Я не пойду туда. А что, если этот бог схватит и меня тоже? — Спросил Вэйд.

— Тогда нам придется плохо. — Ответил незнакомец.

— И предположим даже, если я найду этого Салли, как мне потом выбраться обратно, в нормальный мир?

— Просто подумай про меня. А теперь дай мне руку.

— Что? Нет! — Закричал он. — Я не пойду туда! И вообще, может, ты просто выдернешь его из какой-нибудь другой реальности, где он не сделал такую глупость? — Вэйд вцепился в эту мысль, найдя её простым спасением всех и вся.

— Не могу, Вэйд Оуксон. — Сказал незнакомец грустно. — Во всех остальных реальностях всё уже кончено.

И пока Вэйд оторопело раскрыл рот, человек крепко схватил его за руку и всё вокруг начало проваливаться в черное ничто. Вэйд попытался было вырваться, но тот держал его руку железной хваткой. В пространстве, где ни осталось ничего, кроме его самого и загадочного странника, Вэйд в последний раз набрал полную грудь воздуха и закричал:

— Отпусти меня, долбаный ты ненормальный...

Вэйд внезапно остался один. Пространство вокруг обрело странные пугающие очертания. Стоячий воздух неприятно обволок его затхлою пылью.

— ...урод. — Закончил он. Слово повисло в воздухе и Изнанка поглотила его.

Где-то совсем рядом, но невообразимо далеко. В привычном мире, который с недавних пор поразила скверна безумия и хаоса, безликий человек в сером тихо сказал пустой камере:

— Из всех вариантов. Из всех возможностей. Мне нужна только та, где ты приведешь его сюда.

Всё было каким-то неправильным. Словно вырванным из чужого кошмара. Вэйд даже не мог понять, что перед ним. В его мире не было слов для того, чтобы описать то, что происходило вокруг. Но Вэйд смог. Он сказал:

— Дерьмо.

Словно бы привычные вещи из понятного мира вдруг перестали быть сами собой. Вывернутые наизнанку, они полностью извращали свою суть. В мерцающем воздухе плавала

какая-то взвесь. Не то из песка, не то из застывшего снега. Никакого света. Никакого движения. Только черного цвета мгла с ядовитым зеленым заревом в том месте, где должно было быть небо. Всё как будто замерло. Но, стоило только Вэйду сделать шаг, как всё вокруг приходило в движение. Пыль, поднятая его обувью, повисла в воздухе, а от следа вокруг разошлись волны. Вибрация прошла по всем частицам, из которых состояло это место. От Вэйда, внезапно дернувшегося, в разные стороны разошлись фантомы его копий. Они бежали, падали на колени, пытались докричаться до кого-то, истерически металась в стороны и просто молча стояли. И ещё до того, как у Вэйда прокрутились в голове все варианты его действий, всё это уже произошло. Копии исчезли. Растворились. От увиденного у него подкосились ноги, и он едва не упал.

— Какого хрена здесь происходит! — Закричал он.

Слова так и остались возле него. Ничто не разнесло его крик по всей пустоте этого мира. Вэйд попытался сделать несколько жадных глотков воздуха, но дышать удавалось с трудом. словно в ответ на его мысли, рядом с ним появился он сам, умирающий от удушья. Синее лицо, с выпученными от натуги глазами выглядело отвратительно. Фантом издал свой последний хрип и затих. Вэйд моргнул и видение исчезло.

Засмотревшись на изумрудные сполохи над головой, Вэйд начал различать в них очертания планет, вселенных, туманностей, черных дыр и безмолвной космической пустоты. Всё начинало взаимодействовать меж собой. Кротовьи норы поглощали всё сущее, и выплёвывали другим. Видоизмененным. В галактиках рождались и угасали звёзды. На стремительно несущихся шариках планет зарождалась жизнь. Умирала. И зарождалась снова. Миры, сжимавшиеся до сверхмассивных атомов, антиматерия, разумные экзопланеты...

Всё выглядело, будто на проекции, скорость воспроизведения которой безумный космический механик ускорил в миллион раз. События, вероятность которых стремилась к невозможности, и наблюдение за ними поражали одним своим фактом. Невероятные, пугающие и удивительные одновременно.

Чернильная пустота, окружающая мальчишку, тоже пришла в движение. Она забурлила и ощерилась сотнями миллионов конечностей. Сущности, названий которых не существует в разумных мирах, древние боги — те, что старше самого времени, мрачные порождения темноты. Все отчаянно рвущиеся из заточения из мест вне времён и пространств. Жадно, алчно ищущие бреши и червоточины, дабы освободиться. Вэйд отвел взгляд, чтобы не видеть всего этого.

— Чертов пацан, какого дьявола тебя сюда понесло? — Спросил он у пустоты.

Та ответила ему шепотом, от которого по спине прошел озноб.

— Салли... — Голос пробирал до костей и определённо не мог принадлежать живому человеку. Он, в отличие от криков Вэйда, распространялся быстро, и исходил будто бы отовсюду одновременно. В голосе было нечто животное. Голодное и манящее. Голос всё настойчивее повторял имя мальчишки. И Вэйд, хотя голос звал и не его, заслушался, замер.

«*Может, там и для меня найдется место?*» — мелькнуло в его голове. И эта мысль, откровенно чужеродная, не вызвала в нём ничего, кроме умиротворения и спокойствия.

Внезапно, сбоку возникло какое-то движение. Салли Корнрой медленно прошел мимо Вэйда, ничего не видя перед собой.

— Стой! Подожди! — Закричал ему Вэйд и попытался схватить за рукав. Пальцы всего лишь прошли по краю рукава, и тот невозмутимо зашагал дальше. — Куда ты идешь? —

Снова закричал он.

Вместо ответа Вэйда что-то толкнуло. Он пошатнулся и едва удержался на ногах. Мимо прошел Салли. Затем ещё один, тоже задев Вэйда плечом. Вэйд повернулся, и увидел, что на него прёт толпа Салли. Одинаковые лица, одинаковые больничные пижамы, все босые и с безумным блеском в глазах. Они шли вперед, не разбирая перед собой дороги. И каждый старался убрать Вэйда с дороги. Каждый толкал или отпихивал с пути. Вэйд и сам попытался отойти в сторону, оценивая масштаб этой массы. Он попытался увлечь одного из мальчишек за собой, но тот ударил Вэйда наотмашь, и пошел дальше.

От неожиданности Вэйд неуклюже осел на землю. Его разбирала злость. Хренов таинственный сукин сын закинул его туда, где самый дрянной кошмар казался приятнее, чем неизвестность этой гнетущей пустоты.

— Лучше бы я сдох. — Сказал он сам себе. А после уткнулся лицом в колени и заплакал.

Последний раз он чувствовал себя так хреново, когда болезнь разрасталась в его голове. От прежнего него всё ещё оставалась тлеющая крупица угасающего здравомыслия. И она была не в силах что-либо поделать. Только осознавать неизбежность перехода в отвратный сон наяву.

Совсем скоро мозг завезет красным дурманом безумия, и Салли перестанет принадлежать сам себе. Только вот понять он этого уже не сможет.

И чем дальше он находится в этом странном и невообразимом мире, тем быстрее он превращается в послушную марионетку. Где-то там его ждёт кукольник. Если в этом мире вообще присутствуют понятия пространства и времени. Словно паук, он точно знает, что жертва уже запуталась в его липкой сети, и скоро она придет к нему.

Чем дальше Салли продвигался к мерцающему пульсирующему красным, закату, тем меньше его терзали сомнения и страхи. Гнилой Король возьмёт лишь то, что ему нужно. Нечто такое, чего нет у великого пожирателя миров.

Ключ.

Ключ от врат. Они открыты всего лишь наполовину, и всё то, что сейчас происходит, лишь прелюдия. Когда врата откроются, Хазоат распространится по планете, как зараза. Как чума. Только вот Гнилому королю не нужна пандемия. Ему нужна еда. Вечно голодная, ненасытная тварь, подчиняющаяся только собственному брюху. Никаких эмоций, никаких чувств — лишь всепоглощающий инстинкт бесконечного поглощения биомассы.

Салли отстраненно понимал, откуда в его голове эта проекция — Гнилой Король всё больше завладевал его разумом. Но мысли эти всё больше путались, и тихо растворялись, оставляя после себя мутные обрывки непонятных уже образов.

Через бесконечное число пройденного времени, разум Салли налился беспроглядной чернильной пустотой и сполохами алых искр. Последний отголосок его сущности растворился.

Салли шел навстречу Гнилому Королю.

ИСКУПЛЕНИЕ.

1 июля 2019 года.

Вайнтаун штат Нью-Мехико.

Опьянение было приятным. Словно возвращение в какое-то родное, нормальное состояние. Алкоголь подействовал на Скотта как противоядие. Против страха. Против паники. Теперь он уж точно ничего не испугается. Не облажается и не подведет Алекс.

Осознание, насколько всё вокруг дерьмово, испуганным зверьком спряталось где-то в подкорке. Скотт отчетливо понимал, что спасет ту, которую он бросил в больнице. В этот раз точно.

Чего бы это ни стоило.

Старый, потрепанный «эндуро» Чохаса, неизвестно каким чудом завелся, и теперь с громким ревом несся по старой, убитой дороге в город. Фара мигала и норовила погаснуть. Выхлопная труба натужно чихала. Из-под шипованного заднего колеса летела песчаная пыль, а когда он выехал на горячий от жары асфальт, то и мелкая черная крошка. Скотт ощутил всепоглощающее единство с байком — будто система подачи топлива впрыскивала

горящий бензин прямо в сердце. Его сумасшедший ритм смешивался с ходом четырехтактного двигателя и грохот, казалось, заглушал всё вокруг. Скотт даже не понял в какой момент он стал кричать.

Он понимал, что таким способом привлечет к себе ненужное внимание. Только вот насрать.

На всё насрать. Рогатая тварь с наклейки на баке зловеще подмигивала Скотту. Ниже надпись — «эль супербисто».

Скотт ухмыльнулся и расправил плечи. Он больше почувствовал, чем услышал, как приятно хрустнули позвонки. Шлем с зеркальным забралом сковывал обзор, но это было не важно. Дорогу он знал. В дополнение к байку Скотт получил от Чохаса потертый защитный жилет, оставшийся, наверное, ещё со Вьетнама. Пояс приятно оттягивал «Пустынный орел» с полной обоймой. Последние восемь патронов нашлись в самом низу тактического рюкзака.

Байк резко подпрыгнул на неровной дороге, и Скотт чуть было не вылетел из седла. Сердце ушло куда-то вниз, и спустя секунду накатила волна адреналина.

На Скотта нахлынуло опьяняющее чувство ностальгии. Пустынные бури, запах пороха и оружейной смазки. Рев военной техники и вечная, изматывающая жара. Шестьсот дней в Ираке. Скотт боялся себе признаваться, но он ловил от этого дикий кайф. Нет другого способа почувствовать ту тонкую грань между жизнью и смертью, чем война. И, каким бы адом это не было в действительности, Скотт получал от этого удовольствие. Сейчас же, вкуче с односолодовым ядом, в нем разрасталась жажда крови. На волне дикого адреналинового передоза Скотт только сильнее выкрутил сцепление, и грохочущий мотоцикл ворвался в окутанный серой пеленой Вайптаун.

Его уже ждали.

Ещё не толпа, но уже и не одиночки. Небольшие группы существ молча стояли и пялились на несущийся навстречу мотоцикл. В отсвете фар у стоящих фигур светились глаза. Жуткими большими пятнами. Словно у животных.

Скотт понимал, что не может вот так просто, на полной скорости влететь в них. При каком-то удачном стечении обстоятельств он просто отделается ушибами. В худшем же — свернет себе шею.

Чуть сбавив скорость, он лихо объехал их, обдав пылью и выхлопными газами. Никто; ни одна сраная тварь не шелохнулась. И это безмолвное равнодушие пугало больше всего. Если бы они напали, попытались стянуть его и растерзать, это было бы логично. Ожидаемо. Только вот хрен там!

Стараясь не думать о том, что происходит позади, Скотт поддал газу. И если бы он обернулся, то увидел бы, как они медленно разворачиваются, и всё так же молча смотрят ему вслед.

Ещё рано.

Ещё не время.

Бойня начнется совсем скоро.

Боль в груди проникала в хрупкий, анестетический сон. Всплывала волнами, и оставляла ноющую тяжесть и гадкую сухость во рту. Алекс Фокс снились тошнотворно больные кошмары. Пропитанные чувством тревоги они загоняли её в угол, делая маленькой и беззащитной.

С самого детства, загнанная в амбициозные и глупые догмы отца, носившего военную форму и мудацкие усы. Во сне отец огромным тесаком-кукри рубил её кукол и срезал

чудные, неумело заплетенные косички. Алекс плакала, и заходясь в истерике, безуспешно пыталась докричаться до отца. Он лишь слепо отмахивался от осознания того факта, что она родилась девочкой. И имеет право носить глупые девчачьи платица, и заплетать косички с бантами. Имеет право плакать и обижаться. Имеет...

Ничего она не имеет.

И больше всего она возненавидела свою мать, которой приспичило родить на свет маленькую принцессу. И кому? Бездушному усатому мудаку, готовому сплавить свою родную дочь в армию. Готовому послать её воевать за океан, если потребуется. И для чего? Только лишь для того, чтобы бесконечная династия Фоксов не переставала носить камуфляж.

Алекс кричала и пряталась в шкафу. Отец в комнате разошелся не на шутку. Теперь там бушевал огромный лютый зверь, готовый задать хорошую порку за малейший намек на то, что его ребенок; долгожданное дитя оказалось девочкой.

Дверь шкафа, запертая изнутри, трещала, но держалась. Долго она так не протянет. Алекс понимала это. Она осмотрела шкаф, но кроме пыльных платьев матери в нем ничего не было. Оружия при ней тоже не было.

Очередной удар едва не разломил дверь пополам. Замок натужно зазвенел, но не слетел с креплений. Алекс осмотрела себя, и только сейчас поняла, что выросла. Той маленькой девочки, боящейся лишней раз раскрыть рот при отце, больше нет. Теперь Алекс взрослая, и сама решает свои проблемы. Только вот и с этим у неё не заладилось. Вся дивизия погибла, а она сейчас одна, брошенная очередным мужиком застряла в захолустном городке. На больничном халате, накинутом на голое тело, расплылось алое пятно — прямо под грудью. А на бедрах медленно застывала кровавая корка. И всё это болело.

Нестерпимо.

— Алекс! — Голос шел издали. При этом он сопровождался грохотом дверей. — Алекс, просыпайся, твою мать!

Всё проваливалось в серую муть. Исчезало. Забывалось. Таяло, оставляя после себя горькое послевкусие.

Просыпаться было тяжело. словно выныривать с большой глубины после долгого погружения. Свет больно резал глаза, а дышать можно было только с большим трудом.

Мутное пятно перед глазами постепенно приобретало вполне себе четкие очертания небритого лица.

— Алекс, очнись, нам нужно уходить отсюда! — Скотт нетерпеливо тряс её за плечо. Она хотела что-то сказать ему, только сил не хватало. Кислородная маска крепко сидела на лице, мешая сказать хоть что-то. Ну, или послать упрямого гостя куда подальше.

— Мфмм... — Только и смогла произнести Алекс.

— Я не разбираюсь в вашем армейском жаргоне. — Пробубнил Скотт, пытаясь поднять её с койки. Алекс стянула с себя маску-намордник и в нос ей ударил резкий запах этила.

— Тут кто-то спирт разлил? — Спросила она.

— Нет, это от меня. — Сказал Скотт.

— Какого хрена, Скотти? Ты что, без меня пил... Твою мать... — Алекс попыталась встать, но боль в груди едва не парализовала её.

— Так, спокойней, детка! — Скотт придержал её за руку. — Давай только не падай.

— Черт, как оно болит. — Протянула Алекс, откидываясь на койку. — Как долго я тут валялась?

— Пару часов, возможно. — Скотт нервно почесал затылок и глянул на дверь. — Слушай, нужно уходить отсюда.

— Хорошо, Скотти. Я пожалуй, соглашусь с тобой. А где доктор? — Спросила она.

— Я не знаю. — Ответил Скотт. — Я когда пришел сюда, тут как-будто вымерли все.

— Погоди! — Алекс удалось сесть на койке. — Что значит «вымерли»? Не ты же меня оперировал в конце концов? Где врач?

— Я не знаю! — Закричал Скотт. — Я принес тебя сюда, а потом... ушел. — Едва слышно закончил он. — А теперь вернулся и...

Глаза Алекс округлились. Она открыла рот, но потока ругательств, на которые рассчитывал Скотт, не последовало. Как в телевизоре с отключенным звуком.

— Ты что, бросил меня здесь? — Выдала она наконец.

— Нет, я просто...

— Просто, что? Просто оставил с расчётом, на то, что я вряд-ли выживу?

— Ну, нет, но... — Замялся Скотт.

— Ну ты и жопа, Скотт. Натуральный мудака. — Алекс попыталась ударить его рукой, но вышло плохо.

— Уж как вышло. И тем не менее, я вернулся за тобой. И я правда не знаю, куда все подевались. Тут пусто, Соня. Ни души.

— Ладно, я тебе потом навалю. Как приду в себя. — Сказала Алекс, пытаясь встать с койки. Она аккуратно сползла на пол, держась рукой за поручень. Ноги предательски не слушались, а пол под ногами качался. Скотт попытался ухватить её, но она оттолкнула его в сторону. — Я сама! — Скотт хотел отвернуться, когда понял, что на его подруге из одежды был лишь операционный халат, но не смог.

— Как скажешь, мисс Блейд! — Скотт лишь поднял ладони вверх, отступая на шаг назад.

— Только скажи, где мои вещи? — Спросила она, оглядываясь по сторонам.

— Подозреваю, что от твоей одежды мало что осталось. — Предположил Скотт.

— Зашибись... — Выдохнула Алекс раздраженно.

— Я тут прихватил твой рюкзак, там кое-чего было. Пришлось, правда, в нем порыться немного. — Скотт сделал, насколько смог, извиняющееся лицо, снимая с плеча рюкзак Алекс. — Там джинсы, вроде твоего размера, и ещё куртка.. — Она нервно вырвала рюкзак из его рук и прижала к груди.

— Ты молодец, Скотти. Только сделай мне маленькое одолжение, о'кей?

— Какое? — Спросил Скотт.

— Подожди меня за дверью, пока я не оденусь?

Ждать пришлось долго. Из палаты доносился шум, шорох каких-то вещей и приглушенные ругательства, вперемешку со стонами. Скотт попытался сосредоточиться хоть на чем-то, пока Алекс одевалась, но мысли убегали из его головы кто куда. В конце концов, он попытался вспомнить, сколько было народу в больнице, когда он только принес раненую Соню. Когда же он вошел в здание во второй раз, то ожидал чего угодно. Только не того, что больница Святого Маркуса встретит его пустотой.

Лампы аварийного света гудели под потолком, а где-то в недрах натужно урчал дизельный генератор. На стойке ресепшена в пепельнице тлела дымящаяся сигарета. В коридоре, словно попавшие в аварию, громоздились, наваленные кучей, каталки. Тут и там по полу валялись папки с документами, распечатки с анализами, и рентгеновские снимки.

— Куда вы, мать вашу, все подевались? — Спросил он у пустого коридора.

Коридор ответил ему миганием ламп, а самая дальняя, возле лестницы наверх, и вовсе потухла. Второй этаж Скотт пропустил, поднявшись сразу на третий. Таблички над дверями не горели, но он и так помнил, где реанимационные палаты. В некоторых, куда он заглядывал, даже лежали люди. Перебинтованные, подключенные к аппаратам жизнеобеспечения, которые изредка сигналили кислотно-зелеными пиктограммами. Некоторые койки пустовали, словно лежавшие на них, внезапно встали, самостоятельно отсоединили капельницы, и ушли. Скотт боялся, что так оно и было.

Он даже заглянул в операционную. На хирургическом столе, под бледными лампами искусственного света, лежала женщина. Кардиограф показывал пищащую ровную нить. Скотт покрылся холодным потом и подошел поближе. Распознать, кто это, было сложно, из-за того, что большая часть лица сгорела. Опаленные волосы и черная вперемешку с красным кожа. Лопнувшие губы, и открытые в немом ужасе глаза. Не она. Скотт выдохнул.

Под ногой хрустнул скальпель. Скотт огляделся, и увидел разбросанные зажимы, окровавленные тампоны и бинты. Он представил себе, как доктора одновременно отрываются от спасения жизни этой женщины, бросают инструменты, и с пустыми глазами, молча уходят. Скотт закрыл несчастной глаза и вышел в коридор.

Соню он нашел в палате интенсивной реанимации. Спящая красавица в синей рубаше. Пульс в норме, грудь вздымается. Живая.

— Давай уходить.

Алекс схватилась за плечо Скотта. Он дернулся, выныривая из задумчивого состояния, и разглядывая её. Джинсы пришлось были великоваты, и несмотря на ремень, норовили сползти вниз. Футболка с рок-н-рольным логотипом болталась мешком, зато кожаная куртка-косуха сидела замечательно.

— Тебе идет. — Сказал Скотт, улыбаясь.

— Как корове седло. — Пробубнила Алекс. — А куртка весит хренов центнер.

Пока они дошли до первого этажа, Скотт всё больше переживал за её состояние. Дышала она тяжело, а шея покрылась мелким бисером пота. И кожа становилась бледной, почти белой.

— Хреново выглядишь, подруга.

Скотт подхватил её под руку. На удивление она не сопротивлялась, а только тихо что-то сказала. Скотт не расслышал фразу, да и было уже неважно. Сейчас осталось только выйти на улицу, завести байк, и уехать как можно дальше отсюда.

Сумерки на улице стали гуще. Из серых, они превратились почти в черные. Непроглядные. Солнце, светившее где-то очень высоко, ещё пыталось прорезать чернильный мрак, но выходило хреново. Темноту разгонял только свет из больницы, неровным светом ложившийся на лестницу, и таявший на парковочной площадке перед ней.

Алекс, похоже, не удивилась, что Скотт где-то раздобыл мотоцикл. По крайней, мере, не сказала этого вслух. Она лишь равнодушно глянула на двухколесного монстра, и снова отвернулась куда-то в сторону.

Скотт запрыгнул на байк, и попытался его завести. Тот отказывался. После нескольких неудачных попыток, Скотт слез с него, и открыл бензобак. В нос ударил едкий запах топлива.

— Что там такое, Скотт? — Спросила Алекс, шатаясь.

— Не знаю. — Ответил он. — Эта штука не хочет заводиться. Топливо есть...

— Я, конечно, не хочу тебя торопить, но, постарайся, пожалуйста, побыстрее. Или давай уже пешком.

При одной мысли, что придется иди пешком, Скотт напрягся.

— Хрен там! Я тебя заведу, гребаная железяка! — Закричал он.

И пока он снова пытался завести стартер, освещение в больнице начало тускнеть, а через секунду и вовсе пропало, оставив их один на один с темнотой.

Она откинулась на спинку стула и шумно выдохнула. Живот был полным, и ей казалось, что он вот-вот лопнет. Мэй даже не удивилась, когда увидела, что он надулся как шар. Она лишь нежно погладила его рукой, оставляя на надувшейся коже потеки сукровицы от сырого мяса. При этом есть хотелось ещё и ещё. Последний раз нечто подобное происходило, когда она носила в себе Жэсс. При воспоминании о девочке, Мэй передернуло. Не от сожаления за произошедшее, не от мучительной потери, а от воспоминаний тяжести беременности.

В животе в этот момент что-то зашевелилось, и от неожиданности Мэй одернула руку и попыталась вскрикнуть. Получилась только громкая и неприличная отрыжка.

Она вскочила со стула и уставилась на живот, который, казалось, рос на глазах. Внутри что-то дернулось ещё раз. Больно. Что-то колелось там, в её чреве.

— Что это такое? — Тихо спросила она у самой себя.

Толчки и шевеление повторились, а потом затихли. Что-то внутри её головы сказало, что всё нормально. Что ничего страшного не происходит. В ней просто-напросто растёт плод Гнилого Короля. Это знание пришло совершенно очевидно, надо было лишь смириться с этим.

Паника сменилась тошнотой. Мэй, зажимая рукой рот, выбежала из кухни в гостиную. Где в этом доме туалет, она не помнила. Несколько мгновений она растерянно озиралась по сторонам, а потом резво выскочила на улицу, где её стошнило на газон серой, с красными нитями, массой. Живот снова противно занял. Мэй вытерла рот рукой и зашагала прочь. Про то, что нужно одеться, она даже не подумала.

Вайптаун, укутанный серым, чернеющим одеялом, был напитан безумием. Мэй не могла понять как, но она отчетливо чувствовала все тошнотворные миазмы охватившей его заразы. Город был наполнен красными тенями, словно ожидающими какой-то команды к действию. Пелена стоячего воздуха со вкусом пепла и железа, отчетливо оседающая на языке. И какая-то часть мозга успокаивала её, что это нормально. Когда призывают Гнилого Короля, всё происходит так, как должно. Но, самое страшное, что Мэй даже не испугалась этой новости.

Она прошла несколько кварталов на восток, ведомая лишь непонятно откуда взявшимся инстинктом. На улицах было пусто. Ни людей, ни электричества. Полное ощущение, что Вайптаун вымер. Лишь ненадолго тишину разорвал рев мотоциклетного двигателя. Мэй задумчиво повернула голову на звук, но он вскоре пропал.

Ещё квартал на северо-восток. Тот самый, куда упали военные вертолеты. Пожара уже не было, но в воздухе стояла удушливая гарь. Мокрый пепел, обгоревшее железо. Запахи жженой плоти и кровь. Центральные, трехэтажные дома были разворочены почти до фундамента. Соседние коттеджи снесло взрывной волной. И снова ни одной живой души поблизости. Только присутствие неких существ. Красных и послушных, если верить ощущениям.

Мэй снова скрутило. Она упала на колени и закричала от боли. Живот разрывало изнутри. В нем что-то ворочалось. Мэй обхватила его руками и ощутила болезненные

движения под ладонями. Нечто большое и колючее рвалось наружу.

Дитя Гнилого Короля.

Мэй стонала. Из-за разрывающей боли, затмевающей всё вокруг, она не заметила, как возле неё собралась толпа. Чья-то рука легла ей на плечо. Она оглянулась и увидела красное лицо с двумя парами глаз. Когда-то, бывшее человеческим, оно безэмоционально глядело на её страдания. Мэй оглянулась и увидела несколько десятков таких же. Они окружили её, и молча смотрели на расплывающуюся из-под неё лужу прозрачной жидкости.

ЗАРАЗА.

1 июля 2019 года.

Вайнтаун штат Нью-Мехико.

Спазм внизу живота достиг такой силы, что у Мэй начали лопаться сосуды в глазах. Она истошно вопила, вцепившись в колени. Голая, посреди улицы, вся в синяках и... рожаящая. Будь это в далекой, нормальной жизни, её бы уже давно забрали в больницу. Если не в пансионат преподобного Миллза.

Толчок. Ещё один. Оно толкается и просится наружу. Через несколько мгновений показывается голова. И вот тут Мэй начинает кричать уже не только от боли. Длинная, белая, с потеками крови, на свет является голова. Змеиная. С красными мутными глазами, усеянная шипами и наростами, она жадно раскрывает ноздри и пробует своим раздвоенным языком воздух нового для неё мира. И толщиной эта голова с крепкую мужскую руку.

Мэй больно. Шипы и жесткая чешуя рвут детородную щель. И объемное, мускулистое тело дюйм за дюймом медленно выходит из неё. Небольшие груди Мэй набухают. Корка крови на разорванном соске трескается и сочиться кровью. Груды болят. Из сосков начинает течь молоко. Оно горькое и кислое. Перегоревшее, и пахнет плесневелым сыром. Отвратительное, под стать ребенку, которого она выносила, и которого кормила сырым мясом. Молоко густыми комками падает на живот, который начинает медленно опадать и терять форму, помимо того, как освобождается от ребенка.

(Вот чего ты достойна, Мэй Мур!)

Змея выходит из неё полностью. В наступившей тишине громко шуршат лишённые цвета чешуйки. Она поднимает голову над землей почти на фут, и смотрит в глаза своей матери. В глазах с вертикальными черными щелями — только голод.

Мэй ничего не чувствовала. Ни облегчения, ни инстинктов, ни радости материнства. Последнее больше к счастью. Лишь только проснувшись бесконечная пустота внутри. Боль из живота переместилась ниже. Из изуродованного чрева капала кровь. Она не хотела даже смотреть на то, что родила. Мэй отвернулась и попыталась встать, но ноги подкосились, и она снова упала задом на асфальт.

Никто из окружающих уродцев-марионеток не помог ей. Не подал руку, не удержал от падения. Все как один, они замороженно следили за новорожденной тварью. Дитя Гнилого Короля ещё секунду глядело на свою мать, а потом медленно, оставляя за собой потеки из крови и слизи, уползло в ночь. Толпа последовала за ним.

Мэй осталась одна.

На глаза навернулись слёзы, и она заплакала. Всё чужеродное, все внушенные инстинкты пропали. Осталась только оставленная всеми, изуродованная женщина. Мэй прижала руками кровоточащий пах и скрутилась в позе зародыша.

И кричала.

— За что?! Долбаные уроды, за что вы так со мной?

По лицу текли горячие слёзы, а в горле стоял неприятный горький ком. Если бы в желудке что-то осталось, то её бы снова стошнило. Вместо этого по телу прокатился спазм, сопровождающийся мощными толчками в горле. И ещё один. Только снова «пусто».

Закрывать глаза. Закрывать крепко-крепко. И умереть. Вот так. Изуродованной, голой и брошенной всеми. Так же можно? Только без боли. Хватит с неё. Она уже достаточно выстрадала своё. Вот сейчас на неё накатит приятная сонная истома, и всё.

Это ведь достойный конец для Гнилой Королевы? За все её грехи. За все действия и бездействия в её никчемном и глупом существовании.

Только вот старая сука с косой, похоже уготовила другую участь для Мэй. Та продолжала плакать, скорчившись на грязном, окровавленном асфальте.

Она не знала, сколько вот так пролежала. Время давно остановилось. Разум цеплялся за остатки здравых мыслей, но Мэй только и могла, что жалеть себя. Настолько паршиво последний раз было, когда её бывший бойфренд уехал в неизвестном направлении, наткнувшись в ванной комнате на положительный тест на беременность.

То, что должно было стать радостным сюрпризом, обернулось затяжной депрессией.

Он ничего ей не сказал, просто молча собрал свои вещи, пока она была на работе, и свалил. Перекати-поле: из вещей лишь гитара да пара футболок. Сальные патлы и козлиная борода.

Кусок дерьма!

Оставил ей записку с единственным словом «пока» и неоплаченные счета за аренду дома. Следующий день она ревела в кровати. И пила. Потом вернулась к матери. К суровой сухой женщине, вогнавшей её своими пуританскими моральями в бездну отчаяния. И так продолжалось почти год. Год слёз, истерик и пьяных попыток самостоятельного аборта. И только когда родилась Жесс, Мэй протрезвела. Гормональное счастье на какое-то время выбило из неё тягу к алкоголизму, позволив быть почти счастливой.

А потом в её жизни появился Рик. И почти три года всё было относительно нормально. Не хорошо, но Мэй была согласна и на это.

А теперь теперь всё стало куда хуже. Она за один день умудрилась просрать и ребенка и мужа. И вернуть жизнь в нормальное русло уже не получится. Из глаз снова потекли слёзы, а тело начало трястись. То ли от остывшего асфальта, то ли от озноба.

— Мэй? Ты жива?

Она подняла голову, но из-за стоящих в глазах слёз, не сразу поняла, кто перед ней стоит.

— Нет... — Почти прошептала она.

— Давай, я помогу тебе встать. — Крепкая мужская рука ухватила её, и легко, словно Мэй ничего не весила, подняла на ноги. Ноги были ватные, и предательски подкашивались. — Господи, Иисусе, что с тобой произошло?

— Я... — Мэй не знала, что сказать. — Мне больно.

— погоди секунду.

На плечи легло что-то теплое и приятное. Мэй протерла глаза и увидела, что человек, укутавший её своей рубашкой, был Лэнг. Она едва не упала на асфальт снова.

— Лэнг, нет, не надо... Пожалуйста...

— Тихо-тихо! Успокойся. Господи, да ты вся в крови. Давай, я отведу тебя в больницу?

— Нет, не надо. Оставь меня здесь.

— Ты с ума сошла! — Вскрикнул Лэнг. — Тебе нужна помощь. Тут происходит что-то странное. Нельзя оставаться на улице. Тем более, в таком виде. Если не хочешь в больницу, давай я отведу тебя домой. Рик дома? — Мэй лишь отрицательно покачала головой. — Тогда пойдём к нам...

— Нет, нет, нет! — Мэй попыталась вырваться, но Лэнг не отпускал. — Всё нормально. Ванесса посмотрит тебя, а если будет совсем худо — то отведём тебя в больницу. О'кей?

Мэй хотела вырваться и убежать. Куда угодно, лишь бы подальше от Ванессы и её паиньки-мужа. Впервые за долгое время в ней проснулось дремлющее и почти забытое чувство стыда. Но, она ревела, давилась слезами, и едва перебирала ногами, ведомая Лэнгом.

Он что-то говорил, но все его слова превращались для неё в какую-то словесную кашу. Вроде бы он пытался успокоить её. Как и полагается в таких случаях. Но Мэй было не до него.

Она мечтала только о том, что у благородного семейства Шедди где-нибудь завалилась бутылка холодной водки.

Учуяв неизвестный запах, крыса насторожилась. Она потянула носом, но так и не

поняла, кто приближается. Они пахли одновременно и людьми и животными. Станный запах из пропитанной кровью шерсти, и человеческого пота. С примесью табачного дыма.

Она протерла лапами слезящиеся глаза-бусины, но они зачесались вновь. Чесались они постоянно. А точнее — постоянно, с той поры, как она умерла. Её же родичи обглодали ей всё нутро, и только когда началось разложение, она очнулась вновь. Мозг не осознавал, что она уже мертва, и только инстинкты продолжали двигать ею. Она продолжала прятаться, рыться в мусорных баках и чувствовать себя королевой темных углов. Но, по факту, существовать ей оставалось недолго.

Прижавшись к мятой жести мусорного ведра, она выжидала и высматривала приближающихся.

В переулке возникли две тени. Огромная, тучная, отвратительно смердящая, и мелкая, курившая сигарету.

Крыса не успела даже среагировать. Мощный удар пыльного ботинка отправил её в полет на проезжую часть. Часть её внутренностей при этом осталась на ботинке.

— Вот ведь дрянь... — Выдал высокий голос, пытаясь стряхнуть требуху с обуви.

— Смотри, это же та девка. — Перебил его другой голос, указывая рукой на удаляющуюся вниз по улице пару.

— Какая? — Переспросила первый голос.

— Та самая, которую Лекс трахал, дубина!

— Она всё ещё жива? — Голос был полон удивления.

— Я удивлен, что ТЫ ещё жив. — Раздраженно ответил второй. — Давай за ней.

— Там с ней ещё кто-то. — Сказал первый голос.

— Отлично. — Ответил второй. — Я очень голоден.

Лэнг крепко обнимал Мэй за плечо и говорил всякие успокаивающие слова. Вернее, пытался. Он понимал, что она практически не слушает его, но надеялся, что уверенный голос хоть немного успокоит её. Главное — не отчаиваться. С Ванессой ведь эта штука срабатывает. Чаще всего она, конечно, отключается и засыпает. Впрочем — это тоже результат.

Зацикленный на своей болтовне, он услышал быстрые тучные шаги слишком поздно. Едва он успел обернуться, как нечто массивное снесло его, словно таран. Лэнг пролетел несколько футов, и отключился, крепко приложившись виском к бетонному бордюру. Помповое ружье слетело с плеча, и сделав сальто, улетело на близлежащий газон.

Мэй вышла из своего стазиса, когда сильный удар едва не вывернул её плечо из сустава. Она увидела, как Лэнгли упал, а из разбитой головы потекла кровь. Она вскрикнула, обернулась, и когда увидела знакомую уже парочку, крик застрял в глотке.

Мартин и Джори. Двое нелюдей, сожравших её девочку. Её Жэсс.

— Здравствуй, Мэй. Как от тебя пахнет... — Джори наклонился над ней и потянул носом. Удивленно фыркнул и повернулся к Мартину. — Марти?

— Что? — Переспросил толстяк, рассматривающий Лэнга.

— Она рожала. — Удивленно сказал Джори.

— Я знаю. — Отстраненно ответил Мартин, бросая взгляд на ошарашенную Мэй. Она переводила испуганный взгляд с одного на другого. — Она ведь принесла нам свою дочь.

— Нет же, балда! Она родила только что. От Лекса. И оно где-то неподалёку. — Джори взял Мэй за подбородок и ухмыльнулся. — Значит, началось. Перерождение... — Задумчиво протянул он.

— А мы можем попробовать? — Мартин отошел от лежащего без сознания Лэнга, и навис над Мэй внушительной горой.

— Нет, пожалуйста, только не снова! — Закричала Мэй.

— Тихо, тихо. — Сказал Джори, прикладывая палец к губам Мэй. — Ты же разбудишь нашего спящего красавца. Он полезет тебя защищать, и нам придется убить его. Ты ведь не хочешь этого? — Мэй отрицательно замотала головой. — Вот и славно. А теперь давай, раздвигай ножи.

— Не надо! — Всхлипнула Мэй. Джори вlepил ей затрепину, и из рассеченной скулы потекла кровь. Голова её дернулась в сторону, а перед глазами вспыхнули красные звёзды.

Пока они насиловали её по очереди, Мэй не плакала. Не кричала. Она вообще ничего не понимала. Только чувствовала толчки внизу живота, и разрастающуюся волнами боль. Она крепко сцепила зубы, стараясь ни о чем не думать. Только всё больше заглядывалась на ружье.

Когда всё закончилось, и туша жирного борова слезла с неё, Джори сказал:

— Я жрать хочу. — Он снова закурил, и из носа поползли две струйки дыма.

— Тогда приятного нам аппетита. — Сказал Марти, натягивая остатки штанов и ухмыляясь. Он чувствовал пьянящий, дурманящий запах Лэнга. Запах свежей крови и еды. Ненасытное брюхо громко заурчало.

— А ты знал, Марти, что если после траха есть охота, то это значит, что тебе чего-то в сексе не хватает? — Спросил Джори.

— Нет. Но мне теперь постоянно есть хочется.

— Ненасытная кишка... — Пробормотал Джори и глубоко затянувшись, выбросил сигарету.

Мэй не видела, как они почти одновременно набросились на Лэнга. Она не хотела смотреть на это. Слышно было лишь громкое чавканье и рычание. Воображение дорисовывало остальное. Она лишь удивилась, почему они не набросились на неё. Так было бы логично. Правильно. Это стало бы замечательным концом её злоключений.

— Славная девочка. Я позвоню тебе, хорошо? — Джори подошел к Мэй и погладил её по голове. Она увидела его морду, запачканную кровью по самые уши. — Как думаешь, у нас будет мальчик или девочка?

— Пошел ты. — Ответила она осипшим голосом. Горло драло, и она закашлялась. Джори засмеялся.

— Пошли. — Мартин подошел к ним, утирая окровавленный рот рукой. — Лекс уже заждался, наверное.

— Ага. — Кивнул Джори, закуривая. — Ещё увидимся, Мэй! — Крикнул он на прощанье.

— Пошли вы оба. — Произнесла она шепотом.

Когда два силуэта скрылись в темноте, Мэй попыталась встать. Не смогла. Болело всё. Даже то, что казалось бы, болеть не может. И она поползла. Вляпалась в липкую черную лужу, натекающую из-под Лэнга. Она невольно взглянула на него, и к горлу подкатило. Все внутренности были выедены. Ребра с остатками мяса смотрели в небо. «Как в дискавери, когда львы жрут добычу» — пронеслось в её голове. Она отвернулась и поползла дальше.

Когда до ружья уже можно было дотянуться рукой, она шумно упала на траву. Выдохнула. Ухватилась за приклад и подтянула его к себе.

Вот и всё. Сейчас она закончит это бесконечное страдание. Небольшое усилие, и всё

кончено. Мэй всегда поражалась, откуда у суицидников берутся силы на подобное. Теперь она понимала их.

Рукоять приятно легла в ладонь. Во рту появился вкус холодного металла. Мэй сглотнула. Трясущийся палец нащупал курок.

«Прощай, Мэй» — сказала она сама себе. И резко нажала на него.

По ощущениям Ванесса Шедди провела в спальне несколько часов. Сидела тихо, и старалась не шевелиться. На кухне ещё раздавались какие-то звуки, которые то и дело заставляли её вздрагивать. Мэй всё ещё была там.

И даже когда хлопнула входная дверь, она ещё долго не решалась выйти из комнаты. Лэнга всё не было. Ванесса ещё раз посмотрела на старый сотовый телефон, всё ещё работавший, но показывающий полное отсутствие сети покрытия. На часах было почти пять пополудни. Только темно как глубокой ночью. Она подождала ещё несколько минут, надеясь, что Мэй покинула их дом. Внизу было тихо. Ванесса аккуратно, стараясь не наделать лишнего шума, спустилась вниз, и заглянула на кухню. Затем в ванную комнату. Нигде никого. Она закрыла входную дверь на замок, и убедившись, что дверь заперта надежно, вошла в кухню. Стол, за которым ела Мэй, был весь в липких кровавых пятнах. Ванесса схватила полотенце и принялась брезгливо оттирать их. Полотенце она отнесла в корзину с грязным бельём. Конец света, или ещё какой коллапс за окном всё-таки не повод разводить в доме грязь.

В дверь постучали. Ванесса вскрикнула от неожиданности, и тихо подошла к двери. Сперва она подумала, что вернулся Лэнг. А потом вспомнила, что уходя, он брал ключи с собой. В дверь постучали снова.

— Кто там? — Спросила Ванесса.

— Это я, дорогая. — Ответил голос.

— Лэнг, это ты? — Переспросила Ванесса.

— Да, это я. Открой, пожалуйста.

— У тебя же были ключи?

— Я не знаю, Ви.

Ви. Только он называет её так. Ласково, нежно, тихо. Ванесса выдохнула. Она отперла дверь, и в гостиную вошел Лэнг. Выглядел он несколько странно. Без рубашки и без ружья, волосы под кровавой коркой растрепались и спутались в некрасивые бурые сосульки.

— Лэнг, что с тобой произошло?

— Я не знаю, Ви. Мне больно. — Ответил Лэнг. — И хочется есть.

Ванесса чувствовала, что с её мужем что-то не так, но не могла понять, что именно, пока не сделала шаг назад. А когда увидела, ноги у неё стали ватные, а по бедрам полилось что-то тёплое. От груди до паха у Лэнга внутри ничего не было. Только торчащие окровавленные рёбра и проглядывающий позвоночник.

Ванесса осела на пол и перекрестилась дрожащей рукой.

— Господи, Иисусе, Лэнг...

— Мне больно, Ви. — Продолжил Лэнг, как заведенная пластинка. Он сделал шаг к Ванессе. — И я голоден. Очень голоден.

— Лэнг, нет! — Закричала Ванессе. — Что с тобой?..

— А ты у меня такая сладкая...

ЖАТВА.

1 июля 2019 года.

Вайптаун штат Нью-Мехико.

Уже на подходе к городу, Скарр почувствовал миазмы безумия, охватившего город. Весь Вайптаун был затянут темно-серой мглой, красным пульсирующим куполом. Ведомый голодом, Скарр отчетливо чувствовал людей, напуганных и прятавшихся. Их было немного, тех кто не убежал из умирающего в раскаленной пустыне города. Сотню, не больше. Чувствовал охотников — таких же как и он, голодных гончих Хазоата. Не таких сильных как он, но и эти тоже являлись для него конкурентами. Если будет нужно, он сожрет их с потрохами. Если уже сам Гнилой Король не брезгует каннибализмом, то, отчего Скарру нельзя? Почуял и первого детеныша нового бога, рожденного уже в этом мире. Один из них покинул чрево женщины-носителя и сейчас искал пропитание. Другие были ещё в утробах. Впрочем, и они скоро выйдут на охоту. А ещё — множество низших охотников. Шакалов, загоняющих дичь стаей. По сути — всего лишь безвольные марионетки, слушающиеся своего

хозяйина. Но, было здесь что-то ещё. Нечто древнее и голодное, что смогло прорваться сюда сквозь Изнанку. Алчущие, страждущие. Ночные кошмары всех этих жалких людишек, боящихся ночи. Скарр не подозревал, откуда явились к нему все эти познания, но воспринимал их как часть своей новообращенной сути.

Скарр жадно втянул воздух города. Кровь, горелый асфальт, страх, гарь и пепел. Пустыня, из которой он пришел, пахла совершенно иначе. Горячий песок, ветер иного мира, веющий из Врат, и гниение. Сладковатый, дурманящий смрад Гнилого Бога. Там, возвышаясь над горами останков когда-то живой плоти, только лишь вечный голод, облаченный в плоть. Здесь — настоящий ад. И когда Хазоат доберется сюда, он и ад сожрет. Всех без разбора.

— Только не меня... — Прошептал Скарр. — Хрен тебе, ублюдина бесформенная.

Несмотря на сумерки, он видел всё отчетливо, как в ясный день. Зрение трансформировалось вместе с ним самим. Видел, как стая гончих вытаскивала из окна дома какого-то человека. Ещё живого. Кровь из рваных ран заливала его одежду. Он ещё пытался кричать и сопротивляться, но множество рук тянуло его прочь из убежища.

— Несите его мне! — Скарр прокричал это гончим. Те на миг застыли, словно не поверили в возможность происходящего. На изломанных уродливых лицах осталась всё та же отрешенность, но Скарр чувствовал их страх и неуверенность. Они не верили новому вожаку. Но, подчинились. — Господи, Иисусе, спасибо вам... — Человек, брошенный к его ногам, пытался утереть кровь с лица, чтобы разглядеть спасителя. — Его здесь уже нет. — Голос Скарра заставил мужчину вздрогнуть. — Вы... — Прошептал человек и замолк. Скарр почувствовал его страх. Ещё более липкий и едкий, нежели раньше. — Я теперь здесь БОГ! — Закричал он, и вцепился в шею жертвы.

Его плоть и кровь были сладкими. Сладше, чем хлеб с вином в маленькой церкви из его старой жизни. Новое причастие для нового бога. Этот бог нравился Скарру больше, ибо он был сильный и злой. Толстая черная книга с золотым крестом назвала бы его Зверем, ниспосланным за грехи, дабы как Зевс съесть своих детей. Но, Скарр видел истинное лицо Хазоата, и тот пришелся ему по душе. Теперь он и сам мог стать богом.

Когда Скарр насытился, от несчастного мало что осталось. Голод немного притупился, но уже скоро он проснется снова. А пока по подбородку и рубашке льется свежая кровь, он может заняться другими охотниками. Чтобы показать им, кто здесь главный.

Скарр закрыл глаза и попытался найти их. Отсеять страхи простых людей и безропотное подчинение молчаливых гончих.

Их было двое. Совсем недалеко от него. Сытые и довольные, они не знали о нем. И в этом было его преимущество.

Скарр рывком сорвал с себя одежду, обнажая новое чешуйчатое тело, и побежал к ним. Мышцы и жилы существовали отдельно от него и жили собственной жизнью. Они работали слаженно и быстро. Ни один спортсмен не смог бы соревноваться с ним в скорости таких действий. Расстояние сокращалось быстрее, чем Скарр мог себе представить. И когда он уже смог различить двух, вальяжно идущих охотников, он услышал крик.

Истошный женский вопль. Он был такой силы, что Скарр невольно остановился. Он никогда не слышал, чтобы человек так кричал. Словно сирена, которую кто-то засунул в человека, этот вопль разорвал тишину города. Кричащая, наверняка сорвала себе горло. Но, крик продолжился, и на него обернулась парочка.

Скарр застыл. Он подумал о том, что теперь, из-за одной крикливой суки, его

обнаружили.

— Лекс, это ты? — Толстый прищурился, будто мог что-то разглядеть во мраке своими поросячьим глазками. — Лекс, послушай, мы искали мальчишку, и... — Второй замер на мгновение, а потом склонил голову набок. — Это не Лекс, Марти. Ты, кто, нахрен, такой?! — Вы двое! Вы недостойны той силы, которая попала к вам в руки! — Крикнул им Скarr. — Пошел нахер! — Крикнул ему Джори в ответ. — Марти, разберись с ним. Потому что если за него возьмусь я...

Остаток фразы утонул в тяжелом стоне Мартина, когда Скarr сбил его с ног. Джори инстинктивно сделал шаг назад, ошеломленный скоростью незнакомца. А когда он осознал произошедшее, было уже поздно. Из шеи его друга фонтаном хлестала кровь. И не смотря на то, что тот ещё был жив и ошалело вращал глазами, силы уходили из него.

Скarr оторвался от огромной туши, и с удовольствием поглощал его силу. Его жизнь. Через минуту, может меньше, тот умрет. Он встал и посмотрел на второго оставшегося. Мелкий, злобный, затравленный и трусливый. Даже сейчас, с силой и новой формой охотника он... боялся? Его пугал сам факт более сильной особи. Более приспособленной. В новой экосистеме ему уже нет места.

— Где ваш старший? — Скarr сделал шаг навстречу Джори. — Х...хрен тебе. — Заикнулся тот и нервно облизал губы языком.

Джори даже не понял, когда Скarr ударил. Он лишь запоздало ощутил боль в груди. Наклонил голову и увидел, что рука охотника зашла ему в грудь по запястье. А потом Скarr резко выдернул её. Ломая ребра и вытаскивая наружу кровавые остатки легких и сердца. Последней мыслью перед тем, как раствориться в чернильной мгле, было «Снова?».

* * *

Патронов не было. Ружье тихо щёлкнуло бойком и всё. Мэй, не веря произошедшему, трясущимися руками проверила магазин. Пусто. Она перезарядила его снова, в отчаянной надежде. Снова ничего. Слез уже не было.

— Сука... — Едва слышно прошептала она. — СУКА! СУКАААА!

Она кричала натужно, до боли и хрипа в горле. Когда не осталось сил выдавить что-либо из осипшей глотки, она затихла. И принялась мерно раскачиваться и улыбаться.

Смешно вышло. Никакие твари её не трогают и даже застрелиться не представляется возможным. Видимо, это уже её личный ад. Здесь, среди ещё живых людей и голодных монстров.

— Поздравляю тебя, Мэй. — Сказала она себе. — Ты такая мразь, что даже Смерти ты не нужна.

И Мэй смеялась. До тех пор, пока чья-то сильная и грубая рука не схватила её за горло, и не подняла над землей. Взгляд её уперся в лицо, покрытое красной чешуей, и в две пары алых глаз.

— Ты. — Монстр прижался к ней совсем близко и втянул носом её запах. — Матерь нового бога. — Звучало это и как вопрос и как утверждение одновременно. — Ухх... — Слова пропали в кашле. В горло словно засунули моток колючей проволоки. Да и вдыхать получалось с трудом. — Убей меня. — Улыбнулась Мэй. — Грязная пута. — Ласково произнес Скarr. — Твоя блудливая марица исторгла из себя нового сына божьего. Ты, словно животное, не смогла сдержать свои ноги вместе, и даже отдала свою дочь на съедение этим недоноскам. Мне противно даже есть твою поганую плоть. — Убей меня, пожалуйста. — Теперь Мэй умоляла. Уже не осталось ни страха, ни стыда, ничего. Одно

лишь желание, чтобы всё это поскорее закончилось. Уродливое красное лицо приблизилось к её лицу почти вплотную, и Мэй увидела своё лицо в отражении зеркальных алых глаз. От отвращения увиденного, она закрыла глаза. — Ты недостойна легкой смерти.

Скарр на секунду ещё сильнее сжал её горло, а затем с силой бросил её в стену дома. Безвольное голое тело нелепо ударилось о кирпичную кладку, а затем обмякло. Глаза Мэй закрылись.

Скарр почувствовал её новое дитя. Первый ребенок нового бога. Пока ещё не обретший самосознание, но спустя короткое время он всё поймет. Возможно, даже станет высшим охотником для своего отца. А пока им двигают только инстинкты, он будет жрать без продыху. Скарр не понимал, как при таком голоде, он не сожрал собственную мать. При том, что она для него только лишь инкубатор. А ещё он не знал, как скоро тот станет сильным соперником. И как быстро Скарр сможет его найти.

Ведь то, что он сделает, когда найдет его, он уже отчетливо представлял.

— Я убью тебя. — Сказал Скарр в пустоту. — Разорву на глазах твоего отца и съем твоё сердце.

* * *

— Заводись, скотина!

Скотт всё сильнее прыгал на педаль стартера, пока с очередной попытки движок не фыркнул, и не начал набирать обороты.

— Да, сучара! Получилось! — Наконец-то. — Алекс едва держалась на ногах.

Мотоцикл урчал на холостом ходу, а передняя фара начала мерцая, медленно разгонять тьму впереди. И там кто-то был. Кто-то опасный. Совершенно не такой, как те молчаливые создания.

— Возьми ствол, Соня. — Скотт торопливо вложил в бледную и холодную ладонь кусок железа весом в четыре фунта. — Давай, детка, постарайся не промазать, если потребуется. — Скот, какого хрена? Я сейчас свалюсь... — Держи меня крепко. Нас немного потрясет.

Когда Байк с двумя седоками дернулся с места, Скотт обратил внимание, что впереди никого нет. Предчувствие, обостренное инстинктами, не предсказывало ничего хорошего. Он лишь краем глаза заметил стремительно летящую к ним тень, и дал по тормозам. Колодки натужно скрипнули, а Алекс с громким стоном вжалась в его спину. Существо пролетело в дюймах от мотоцикла, и если бы Скотт не заметил его в последний момент, сшибло бы обоих седоков.

Не дожидаясь, пока тварь очухается, Скотт снова дал газу.

— Что это было, мать твою? — Алекс пыталась перекричать шум двигателя. — Не знаю. Но, оно чуть не сбило нас.

Алекс обернулась, и поняла, что напрасно это сделала. Смазанная тень бежала за ними. И самое паршивое — дистанция между ними сокращалась.

— Оно бежит за нами, Скотт! — Пусть бежит. — Ответил тот равнодушно. — Ты не понял. Оно нас догоняет. — Алекс снова обернулась. Расстояние было уже совсем малым. — Вот дрянь! — Скотт выкрутил ручку газа на максимум. — Держи ровнее, я постараюсь его уложить!

Живая мишень двигалась быстро. Алекс сомневалась, что она вообще способна попасть в монстра при такой тряске и плохом освещении. Она задержала дыхание и спустила курок. Пуля ушла куда-то в пустоту.

Тьму прорезала ослепительная вспышка. Казалось, она отпечталась на обожженной сетчатке навсегда.

— Попала? Ты попала в него? — Скотт, я не знаю. — Почти плакала Алекс. Такой беспомощной она не чувствовала себя уже очень давно. — Я не могу. — Твою мать! Дай мне ствол и прижмись покрепче!

Скотт затормозил и одновременно с этим развернулся в противоположную сторону. Алекс едва не вылетела с байка, но это далось ей нелегко. Грудь нещадно болела, а дышать становилось всё труднее.

Скотт выпустил в Скарра шесть пуль, прежде чем тот остановился. Он сделал ещё несколько шагов и замер в футах от байка. В свете фар тот выглядел скорее отвратительно, чем страшно. Красная кожа, костяные и чешуйчатые наросты, дьявольские глаза. И четыре сквозные дыры от пуль в районе груди.

— Отправляйся в ад, амиго. — Бросил ему Скотт напоследок.

Последний выстрел сделал Скарру внушительную дыру в районе правого глаза. Он упал.

— лейтенант Блэйд, ты как? — Алекс держала его крепко, но бормотала что-то неразборчивое. — Потерпи, родная, уже недолго осталось.

Через пару миль Скотт выехал на грунтовую дорогу.

ШЕПЧУЩИЙ ВО МРАКЕ

Изнанка.

Время неизвестно.

Он не знал, сколько времени он шел. В какой-то момент Вэйд начал считать секунды.

Миссисипи раз.

Миссисипи два.

Миссисипи три

...

Миссисипи пять тысяч девятьсот двадцать семь.

Так можно считать до бесконечности.

В конце концов, если время в этом мире остановилось, то его можно считать вечно.

А можно и не считать вовсе.

А можно ли считать время — временем. Или всё-таки застывшим кругом, где начало — есть конец. И он будет вечно бродить по замкнутому кругу со сменой декораций вокруг?

Все эти мысли смешивались в непонятный, теряющий смысл набор слов. Станный враждебный воздух проникал в кровь, заражая его частицами этого самого мира.

Вэйд не заметил, как начал думать совершенно иными категориями. Изнанка ассимилировала его, медленно изменяя под свою реальность. Она открыла ему тайны того, как и что здесь происходит. Одно влекло за собой другое, и Вэйд медленно растворялся во всем этом. Но он продолжил считать секунды, как будто это давало спасительный якорь. Как будто позволяло вернуться в нормальный мир, оставшись собой.

Спустя ещё миллион Миссисипи он уже не помнил, кто он такой, и что когда-то он жил в мире, подчиняющемся совершенно другим, скучным законам.

Спустя ещё миллион Миссисипи, само это слово стало ему непонятным, и он перестал считать.

А когда перестал считать, он перестал существовать. От него осталась только оболочка, которая стремительно перемещалась в мире случайных событий. Он стал всего лишь свидетелем, бессознательным фантомом, созерцающим мир с точки своей волны.

Некая сущность, невероятно древняя, но выглядящая крайне обыденно, притянула его к себе. Она подманила его, и он повиновался. Ведь для него сущность была просто сущностью, без умысла. Она была статична, и этим привлекала больше всего. Возле неё можно было остановиться, укротить бессмысленную гонку. Можно было рассмотреть её поближе.

Худое тело с дряблой кожей, костистые руки-лапы. Окутанный в саван невообразимого цвета. Цвета совершенно иного мира. А вот голова была скручена в спираль. С бездонной черной дырой вместо лица. Оно долго всматривалось в мальчика, пока не заговорило.

— Я НЕ ЗВАЛ ТЕБЯ. — Голос этот проходил сквозь всё тело мальчика и пробирался в самый мозг, вызывая тошнотворный страх и оцепенение. Пробирал током и заставлял бояться. Такой голос не мог принадлежать ничему из прошлого мира, потому, как стал вдруг осязаем. Мальчик явно увидел волны, подернутые рябью. — КТО ТЫ?

— Не знаю. — Ответил мальчик, силясь вспомнить кем он был когда-то давно. Получалось плохо. Будто что-то мешало. Не давало найти ту тонкую нить, способную потянуть за собой остальные воспоминания.

— КО МНЕ ДОЛЖЕН БЫЛ ПРИДТИ ДРУГОЙ МАЛЬЧИК. С КЛЮЧОМ. ОН БУДЕТ ЗДЕСЬ СОВСЕМ СКОРО.

— Мальчик с ключом?

Что-то такое знакомое. Что-то совсем недавнее. Очень важное, что мальчик забыл.

Может это он сам? Может, он и есть тот мальчик? Человек? У человека должно быть имя. Как его имя? Он не мог вспомнить. Оно простое, он помнил это. Но буквы смешивались в кучу. А если имени нет вовсе. Как такого называют? Безымянный?

— Безымянный? — Спросил мальчик.

— ДАЖЕ У БЕЗЫМЯННОГО ЕСТЬ ИМЯ.

Что-то произошло. Что-то изменилось. Как будто кто-то убрал декорации в театре. Всё вдруг стало фальшивым и искусственным. И растворилось во вне. Осталось только тьма. Пустая прострация.

Мальчик вспомнил. Он вспомнил, как его зовут, и зачем пришел сюда.

— ЭТО ТЫ СДЕЛАЛ? — Грозно спросило существо. Сейчас Вэйд мог видеть его истинное обличие. Оно было огромным. Бесформенным комком больной заразной плоти. Скованное путами, оно рвалось из них, силясь высвободиться. Жадные рты и длинные языки. Воплощение ненасытности.

— Это я сделал. — Вэйд обернулся на голос, и увидел Безликого. Тот был одет в струящуюся, словно живую мантию, а в руке был посох. Капюшон был снят, и Вэйд увидел вместо его лица бескрайний космос. Живой и пульсирующий.

— УМР АТ! — Закричало существо.

— Здравствуй, отец. — Грустно ответил Умр Ат. — Прости, я не могу позволить тебе забрать мальчика.

Прежде чем Вэйд успел спросить хоть что-то, тот схватил его за руку, и начал оттаскивать от беснующегося и вопящего создания.

— Это правда? — Спросил Вэйд, тяжело дыша.

— Что именно тебя удивляет? — Спросил Умр Ат в ответ. — Что у меня есть отец, или что у Хазоата есть сын? — По тону Вэйд понял, что тот улыбается. — Или что существует другой мир — пустота и изнанка, в котором заточен голодный гнилой бог? Всё, что здесь происходит — правда. Только для каждого из нас происходит что-то совершенно отличное.

— Что со мной было? Я всё забыл. Даже, кто я такой. — Вэйд пытался прийти в себя, попутно оглядываясь на Хазоата. Его рёв сотрясал всё в округе.

— Ты поддался изнанке. Она вытягивала из тебя твоё «я». — Умр Ат ускорил шаг, утягивая всё дальше от своего отца.

— И я снова стал нормальным, когда появился ты? — Спросил Вэйд.

— Нет. Когда ты позвал меня.

— Я не звал тебя.

— Если что-то происходит помимо твоего осознания, это не значит, что это не происходит вовсе, Вэйд Оуксон.

— Я вспомнил! Мальчишка! Салли! Мы здесь из-за него! Давай заберем его и свалим отсюда! Я видел его... их, если точнее. — Умр Ат резко остановился.

— Их? — Переспросил он.

— Да, их была хренова толпа. — Сказал Вэйд. — И ни один не остановился.

— Скверно. Очень скверно. Нужно торопиться

— Но, как?

— Думай о них. Вспомни, как это было. Вспомни все свои ощущения и эмоции. И возможно, они придут к нам. Только, нужно что-то очень сильное в эмоциональном плане.

Хорошо. Сейчас он выдаст этому типу что-то сильное. Вэйд вспомнил ту горечь обиды и разочарования, когда толпа Салли толкала и пинала его. Как они уходили, не оборачиваясь на его крики. Вспомнил всё, вплоть до солёных слёз.

Сначала ничего не происходило.

Бесконечную пустота изредка доносила крики Гнилого Короля.

Вэйд открыл глаза.

Вокруг стояли мальчишки. Несколько десятков Салли пустыми глазами неуклюже толпились возле него и Умр Ата.

— У тебя получилось, Вэйд Оуксон. — Толпа синхронно повернулась к Безликому.

— А теперь давай, вытаскивай меня отсюда. — Вэйду не терпелось поскорее покинуть это место. — Только как ты будешь вытаскивать их? — Он указал пальцем на толпу.

— Сейчас узнаешь. Но, сначала ты должен кое-что сделать.

— Что именно? — Спросил Вэйд.

— Простить меня, Вэйд Оуксон. По другому не получится. — Обреченно сказал Умр Ат.

— Что? — Завопил он, делая шаг назад от сумасшедшего полубога. — Что ты хочешь сделать? Что значит это твоё «прости»?

Вместо ответа Умр Ат молча ударил его посохом по голове.

Жаль мальчика. Только иначе никак. Мальчик-ключ важнее. Сотни и тысячи раз он перерождался в разных мирах. И столько же раз Умр Ат Тавил спасал его. Или уничтожал его физическую оболочку, если требовалось. И всё ради того, чтобы древние боги оставались в своих мирах.

Ему не впервой было совершать такую операцию, и здесь, в изнанке, всё получалось быстрее. И не так много сил уходило на это. Умр Ат отложил посох и вытянул руку над Вэйдом. Отделившийся, мерцающий алым и небесным, сгусток он ухватил в кулак. Вторую руку он вытянул перед собой. И толпа ипостасей Салли начала один за другим, медленно валиться с ног. Их сгустки соединялись в один, и каждый нес в себе некую искру. Часть сознания. Когда он собрал все части, мерцающий шар отправился в тело Вэйда. А его сущность он разделил между толпой мальчишечьих тел. Когда они очнутся, их ждет плохой сюрприз.

— Прощай, Вэйд Оуксон. И помни: есть другие миры, кроме этого.

Когда Салли открыл глаза, он впервые в жизни стал самим собой. Голова больше не болела, противоречивые мысли не лезли в черепную коробку, голоса пропали. Впервые тревога ушла, и ему было спокойно.

Умр Ат взял его за руку, и молча повел в обычный мир. И быстрее, чем тот успел что-либо спросить, в ушах неприятно зазвенело, а сухой спертый воздух уступил вечернему ветру пустыни.

Салли обхватил руками торс. Не смотря на одежду, ему было холодно после статичной изнанки.

— Что со мной? Что ты сделал?

— Ты теперь цельный, Салли Корнрой. — Сказал Умр Ат.

— Но, как? Что вообще со мной произошло? — Салли боязливо оглядел пустынный пейзаж, обратив внимание на горящую неонов вывеску какой-то забегаловки на отшибе города.

— Ты был расщеплен, Салли. Твоё сознание не было цельным с самого твоего рождения. К сожалению, это цена за твоё проклятие быть ключом.

— Быть чем? — Салли отстранился от Умр Ата.

— Замком и отмычкой других миров. Миллионы лет назад, когда ваш мир был юн, они уже были древними сущностями. Космические создания — боги, алчущие власти миров. И всегда были и будут врата. Порталы, способные принять их. Или отправить целые планеты в

их колыбель. В ужасное космическое ничто, где они заперты в своей вечности. Но, чтобы открыть врата, нужен ключ. В вашем мире — это человек, сам того не зная, являющийся этой ипостасью. Он перерождается раз за разом, чтобы спасти свой мир. Или, если я не справлюсь — погубить его. В этот раз...

— Стоп, хватит! — Перебил его Салли, вскинув руки вверх. — Пожалуйста, прекрати.

— Как скажешь, Салли Корнрой. Успокойся. Подыши. Но, мы ещё вернемся к этому разговору. И скорее, чем ты думаешь. А пока постарайся хотя-бы пару часов не смотреть на себя в зеркало...

Открывать глаза было тяжело и больно. Словно песка насыпали. Однако, удалось разлепить сначала один, а потом и второй. Он встал. Тело едва подчинялось. Голова тоже болела. Причем, боль была какой-то точечной. Будто в мозг вонзили сотни иголок. И каждая была особенной; отличалась от других.

— **ТОБОЙ ПОЖЕРТВОВАЛИ!**

Голос усилил неприятную головную боль. На миг она словно треснула. Потом — пульсирующие болью точки до помутнения в глазах. Вэйд упал на колени.

— **ТЕБЯ ОСТАВИЛИ ЗДЕСЬ УМИРАТЬ!**

Снова этот жуткий голос. Голос голодного монстра. Вэйда опять скрутило. Только когда спазмы утихли, он понял, что одет в пижамные штаны. Он осмотрел свою голую и бледную кожу, затем схватился за лицо. Ничего из того, что он трогал, ему не принадлежало. Он огляделся вокруг, и в его стремительно теряющем всякую связь с реальностью сознании, всё вдруг стало на свои места.

— **ОН СДЕЛАЛ С ТОБОЙ ЭТО!**

Вэйд кричал. Кричал от боли и бессилия. И все остальные его части, рассеянные по личинам мальчика-шизофреника, тоже. И чем дольше он кричал, тем быстрее связные образы в его голове растворялись. В конце концов, он вообще мало что соображал. Он только лишь помнил, что когда-то давно, их засунули в это мрачное место, и заставили страдать.

Наверное, настало время прекратить эти мучения.

Вэйд сделал шаг навстречу голодному богу. И ещё. И ещё. И все остальные его «я» тоже последовали его примеру. Вэйд понимал, что он не тот, кто нужен этому жуткому существу, но лучше он предложить ничего не мог.

ВСЕ ДОРОГИ.

COLD
INSTINCT

1 июля 2019 года.

Вайптаун штат Нью-Мехико.

Он уже и забыл, когда вот так просто просто крутил педали без всякой цели. Наверное, в детстве. Если не обращать внимание на то, что происходит вокруг, то можно даже испытать нечто вроде ностальгии. Когда ты знаешь, что тебе уже давно пора ехать домой, где мать очевидно ждет тебя на кухне, но зов неизведанного заставляет тебя гнать велосипед в закат.

Последние мили на велосипеде дались ему с трудом. Рик чувствовал, как кровь сочится из раны, пропитывая бинты и штаны красным. Мэйси, на удивление ловко крутила педали, и даже вырвалась вперед. К удивительной радости обоих, по дороге они никого не встретили. Серость напознала на город, жадно пряча последние лучи жаркого солнца.

Когда город остался позади, Рик остановился, и кривясь от боли, слез с седла.

— Тебе помочь? — Мэйси подошла к нему и участливо положила руку ему на плечо. — Нет, спасибо. Сейчас, я немного отдышусь, и двинемся дальше. — Тут, недалеко есть заправка. Давай отдохнем там. — Мэйси махнула рукой в сторону асфальтной дороги, где мутным пятном маячило небольшое здание. — Давай. — Согласился Рик. — Только пешком.

Остаток пути до заправки они проделали пешком. Рик проклинал злополучный бар, своё глупое желание выпить, и, конечно, странную тварь, которая приходилась матушкой его нынешней спутнице. Рик горько усмехнулся, вспоминая наставления своего пьяного отца по поводу будущей тещи. В чём-то он действительно был прав, как выяснилось. Рана на ноге ужасно ныла и отдавала резкой болью при ходьбе. Чёрт его вообще дёрнул идти в бар.

Мэйси кружилась вокруг Рика на велосипеде, беззаботно улыбаясь. Он не мог обвинять её в безэмоциональности к происходящему вокруг. Равно, как и в отсутствии горестного заламывания рук о смерти матери. Может, пусть лучше она радуется тому, что жива.

Сам он держал велосипед за руль, а бросил, когда они уже пересекли зону заправки, и подошли к стеклянной витрине магазина. Рик снял с багажника привязанный к нему топор, без которого он уже опасался передвигаться.

— Как думаешь, там есть кто-нибудь? — Мэйси спряталась за его спиной и спрашивала оттуда. — Надеюсь, никого. — Ответил Рик, сжимая топор.

Дверной колокольчик громко звякнул, а дверь открылась туго, будто ей что-то мешало. Этим чем-то был посетитель, ещё несколько часов назад будучи теплым. Опознать его не представлялось возможным, потому, что большей части головы у него не было. Как и внутренностей. Мэйси моментально отвернулась от увиденного, а Рик услышал, как она с трудом сдерживает тошноту.

— Он мёртв. — Сказала она, когда желудок больше не пытался опорожниться. — А может быть иначе? — Спросил Рик, усмехаясь. — Некоторые из них не мёртвые. Я видела их в городе. Они и живые и мёртвые одновременно. И голодные очень. — Прости, мне, наверное, пора завязывать шутить. — Сказал Рик. — Ничего страшного. — Она снова улыбалась. — Давай, поищем мне обезболивающего. — Сказал Рик, осматривая погром в зале. — И, наверное, новые штаны.

Пока Рик пытался вскрыть автомобильную аптечку, Мэйси проводила ревизию уцелевших полок. И когда Рик обнаружил несколько таблеток анальгина, Мэйси вернулась к нему с бутылкой воды, банкой энергетика и полными карманами шоколадок.

— Спасибо, Мэйси. — Сказал Рик, глотая таблетки. Мэйси тем временем, открыла банку «рэд-булла» и сделала несколько долгих жадных глотков, а потом Рик услышал

приглушенную неловкую отрыжку. — Прости, я никак не могу научиться. — Мэйси одновременно и улыбалась, и выказывала смущение, будто никак не может выбрать правильную эмоцию. — Мама мне не разрешает, вот я и... не разрешала. — Поправила она себя.

Рик громко захохотал. Мэйси сначала хихикнула пару раз, а затем тоже засмеялась во весь голос. Он смеялся с её непорочности, почти детской непосредственности и обаяния. Она — с него. И они смеялись до тех пор, пока в подсобке что-то не загремело.

Смех моментально стих. Рик схватился за топор, а Мэйси попыталась спрятаться под стойку, но не успела. Дверь подсобки вылетела, и накрыла собой девушку. Она успела лишь сдавленно вскрикнуть, и затихла.

Рик застыл на месте. Из подсобки, отталкивая опрокинутые коробки своим длинным телом, выползла огромная белая змея. В длину не меньше восьми футов, от головы до хвоста покрытая ороговевшей колючей чешуёй. И толщиной с пол-фута. Её красные глаза с эбонитовыми щелями глаз смотрели прямо на Рика. Она оскалила пасть, ощерившуюся несколькими рядами зубов, и громко зашипела.

Он успел выставить топор перед собой за секунду до того, как змея набросилась на него. Он застрял у неё в глотке, не дав достать Рика зубами. Он сделал шаг назад, отстраняясь от твари, которая начала истерично трясти головой, в надежде избавиться от занозы в горле. Топор вылетел из пасти, и разминувшись с головой Рика на пару дюймов, улетел за стойку. Рик сделал ещё шаг назад. Тварь медлила, будто наслаждаясь своим преимуществом. В голову закрадывались мысли о её разумности, что пугало больше всего.

Он пятился назад, пока не почувствовал, что уперся спиной в стеклянную витрину. Рик вздрогнул, и змея тут же бросилась на него. Он ушел вбок, чувствуя, что тварь всё-таки зацепила его плечо своими шипами. Только вот сама она врезалась в стекло с такой силой, что разбила витрину своей мордой. Рик услышал оглушающий звон разбивающегося стекла, и увидел, как верхняя часть витрины сработала как гильотина. Внушительный кусок стекла с бритвенно острыми краями срезал змее голову, заставив оставшуюся часть тела истерично метаться в узком пространстве магазина. Её голова ещё несколько раз рефлекторно сработала челюстями и затихла. Рик не успел отскочить, и получил хвостом в бедро. От силы удара и резкой боли он упал на пол, и отполз от ещё живого тела подальше. Через несколько минут всё стихло. Рик выругался, и с трудом поднялся на ноги.

Мэйси была жива. Её, конечно, пришибло дверью, но видимых травм не было. Если не считать рассеченной кожи на виске. Рик похлопал её по щекам, и она медленно открыла глаза. Он помог ей сесть, прислонив спиной к стойке.

— Как ты? — Спросил Рик. — Голова. — Только и ответила Мэйси, потрогав рану пальцами. На них осталась кровь. — Ничего страшного. Сейчас принесу пластырь. Посиди пока. — Сказал Рик, улыбнувшись.

Он вернулся из подсобки через минуту с небольшим, принеся с собой бутылку текилы и джинсы, сложенные в комок. Захватил со стойки аптечку. Шумно выдохнув, и скривившись, уселся рядом с девушкой. Мэйси прильнула к нему, держась рукой за голову.

— Что это? — Спросила Мэйси, указывая на безжизненную тушу. — Похоже на чешуйчатую гадюку. — Ответил Рик. — Только раз в десять больше. — Оно точно мертво? — Я очень на это надеюсь. В подсобке, где она пряталась, валяется шкура. Она линяла. И перед этим, видимо, закусилась этим беднягой. — Рик указал на тело под дверью. — Откуда оно взялось, Рик? — Не знаю, малыш. Наверное, из того мира, в котором я не хотел

бы оказаться.

Рик открутил пробку, и сделал несколько больших глотков из бутылки. Закашлял, и вопросительно предложил бутылку Мэйси.

— Нет, спасибо, мне такое нельзя. — Ответила она.

Рик лишь пожал плечами и сделал ещё пару глотков. Потом отставил бутылку и стянул с себя штаны. Посмотрел на ногу. Там, где змея задела его шипами, кровоточили рваные раны. Рик снял со штанов ремень, и закусив его зубами, щедро полил ногу алкоголем. Мэйси услышала, как заскрипела кожа. Рик откинул голову, и обмяк. Бутылку он продолжил сжимать в руке.

— Рик Мур, как ты? — Давай больше не будем никуда заходить, о'кей? — Рик всё же нашел в себе силы улыбнуться. — Давай. — Сказала она.

Рик вытер её рану и заклеил двумя стежками пластыря.

— Может быть маленький шрам. — Сказал он. А потом поцеловал Мэйси в лоб. Мэйси улыбнулась в ответ, и начала медленно перебинтовывать его ногу. — А вот у тебя Рик Мур, будет много шрамов. — Хрен с ними. Главное, уйти отсюда подальше. — Сказал он.

Они сидели ещё минут двадцать. Мэйси уплетала шоколадки и запивала энергетиком. Всем своим видом она являла полное довольство происходящим. Рик смотрел на неё не совсем трезвым взглядом и улыбался. Он почти опустошил бутылку, когда за окном окончательно стемнело. Вернее, это была не обычная ночная темнота, а странные серые сумерки. Будто очень плотная пыль попала в атмосферу, скрыв солнце.

По дороге мимо заправки пронесся кроссовый мотоцикл. Рик понял это только по характерному звучанию двигателя, потому, что на сто футов вперед не было видно решительно ничего. Желтый луч передней фары лишь подсветил серую тьму, и вскоре растворился вновь. Если бы Рик не был так пьян, он бы подумал, что ехать в город, полный монстров — верное самоубийство.

— Рик, они идут. — Мэйси толкнула Рика в бок. — Кто идет? Куда? — Спросил он без видимого интереса. — Красные люди. Их много. Они за этим идут. — Мэйси указала рукой на безжизненное тело монстра. — Мэйси, я понимаю, у тебя был тяжелый день, ты нервничаешь... — Нет, Рик Мур. Я их чувствую. Они уже близко.

Запах бензина стоял в воздухе удушающим облаком. Пока Мэйси упаковывала воду и продукты в найденный в магазине рюкзак, Рик разлил пару канистр бензина по залу. Затем он обильно полил топливом часть территории возле бензоколонок. Мэйси сказала, что у них есть минут десять на то, чтобы всё подготовить.

Перед тем, как уйти с заправки, он набрал бензина в бутылку из-под текилы, и заткнул горлышко тряпкой.

Они спрятались за дизельным генератором на выезде с заправки. У Рика тряслись руки, и он истерично выглядывал из укрытия через каждую минуту. В одной руке он крутил зажигалку, а во второй крепко сжимал бутылку с коктейлем.

— Они уже рядом. — Рик вздрогнул от голоса Мэйси.

Он выглянул ещё раз, и увидел человек двадцать, странно идущих в их сторону. Они двигались как-то неестественно. Странно. Толкали друг-друга, задевали руками, болтающимися словно плети. И все целеустремленно двигались к мертвому монстру. Рик дождался, пока большая часть зашла внутрь. На улице осталось лишь несколько мрачных силуэтов.

— Я сейчас. — Рик поцеловал Мэйси в щеку, и не дождавшись, пока та что-либс

ответит, побежал в сторону заправки. Не дойдя пару десятков шагов, он остановился и закричал: - Получайте, сукины дети! Буэнос ночес!

Высечь искру из зажигалки удалось с третьего раза. Руки предательски дрожали, а сердце колотилось как паровой молот. Тряпка зашлась октановым пламенем, и Рик что есть сил, швырнул её прямо в разбитую витрину. Увидев стремительно вспыхнувшее пламя, он развернулся и побежал к Мэйси.

— Бежим! — Закричал он, схватив её за руку.

Они остановились, когда сзади раздался взрыв. Здание заправки полыхало, а до них доходил горячий воздух, вперемешку с гарью и запахом жареного.

— Снова здравствуй, Рик Мур. — Сказал кто-то рядом с ними. — Вижу, вы справились без меня.

Рик дернулся от неожиданности, и увидел Безликого.

— Кто Вы? — Спросила Мэйси испуганно. — Мы уже встречались с этим парнем. — Ответил Рик больше себе, чем девушке. — Я решил убедиться, что у вас всё в порядке. А на твой вопрос, Мэйси Поттс, я обязательно отвечу. Чуть позже. — Убедился, что мы сами способны справиться? Можешь идти по своим делам дальше. — Рик демонстративно оттолкнул Безликого, и, ухватив Мэйси за руку, начал уходить. — И куда ты собрался, Рик Мур? — Подальше отсюда. — Хмуро бросил он, не оборачиваясь. — И ты просто уйдешь? — Спросил Безликий. — Да. — Сказал Рик. Мэйси грустно обернулась, ведомая стремительным удаляющимся Риком. — И даже ничего не сделаешь с теми, кто убил Жасмин?

Рик остановился. Мэйси вопросительно посмотрела на него, а затем перевела взгляд на незнакомца.

— Хватит с меня всего этого. Дай мне уйти! — Крикнул Рик, обернувшись. — Не выйдет. — Грустно сказал Безликий. — Если ты не захочешь сам, я лично найду тебя, и приведу силой. Прости, что я так говорю, но так надо. К тому же, я сегодня спас тебя. Просто подумай над этим. — И что же ты собираешься делать? — Спросил Рик. — Закончить всё это. — Ответил тот. — Как? — Тебе понравится, Рик Мур. Обещаю это.

НОВЫЙ РАССВЕТ.

1 июля 2019 года.

Вайптаун штат Нью-Мехико.

Когда Скотт втащил полуобморочную Алекс в бар, все сидевшие будто их и ждали.

— Что за собрание рыцарей круглого стола? — Спросил он.

За сдвинутыми столами он узнал Рика Мура в компании полоумной Мэйси, Чохаса, который, сам, казалось, пребывал в легком шоке, и Безликого с каким-то пацаном.

— Вот и вы. — Сказал Безликий.

— Спасибо, что дождались, там, знаете ли, пробки. — Сказал Скотт, указывая свободной рукой на улицу. Алекс шаталась, и он придерживал её второй рукой от падения. — Спасибо, что оставили нам пару мест, мы просто столик не заказывали.

— Давай ты будешь потом хохмить, Скотти. — Рик был не в духе.

— Скотт, присаживайся. — Сказал Безликий, прерывая всякую попытку сказать что-то в ответ.

— Сейчас, я только уложу её куда-нибудь. — Сказал Скотт.

— Нет, я останусь. — Прошептала Алекс.

— Нет, давай я...

— Я останусь здесь! — Почти закричала она. — Пожалуйста, я хочу узнать, что за дерьмо тут на самом деле происходит. — Скотт, скорчив мину, тем не менее, усадил её на свободное место.

— Ну, начинаем? — Спросил Рик у Безликого.

— Да. — Сказал тот и замолк.

Пауза затянулась на целую минуту. Скотт переводил взгляд с Рика на Безликого, а потом, будто бы случайно, кашлянул.

— Кто первый? — Спросил Скотт, стягивая с себя бронежилет.

— Думаю, будет честным представиться. — Начал Безликий. — Меня называют Умр Ат Тавил. По крайней мере, здесь. Это не единственное моё имя, но, достаточно и этого.

— Кто ты вообще такой? — Спросил Чохас. Присутствующие посмотрели на него с удивлением. — Вы все и так с ним встречались уже, а я его первый раз увидел.

— Я страж. Я охраняю ваш мир, и многие другие тоже, от того, что сейчас происходит. — Сказал Умр Ат.

— Хорошо ты справляешься! — Выкрикнул Скотт. — Ты на улицу вообще выходил? Видел, что там происходит?

— Если я не нахожусь рядом с тобой, это не значит, что я ничего не делаю, Скотт Ганн. Есть множество дел, о которых ты не догадываешься.

— Тогда расскажи нам! Расскажи, что это за дрянь была в пустыне? Что за твари бродят по улицам? И куда ты вечно пропадаешь в самый неподходящий момент? — Скотт вскочил со своего места, и сделал несколько угрожающих шагов к Умр Ату.

— Дрянь в пустыне — это мой отец. — По залу пробежали шепотки, но Умр Ат продолжил, будто ничего не произошло. — Так уж вышло, мне жаль. В вашем мире его зовут Хазоат. В других мирах у него бесчисленное множество непроизносимых имен. И он нашел брешь в вашей реальности. Если быть совсем точными, ему нашли эту брешь. Приоткрыли дверь, если так понятнее. Но, не до конца.

— Кто открыл? — Спросил Рик.

— Он называет себя Лекс Ларкин. Вы столкнулись с двумя его друзьями. — Он пальцем указал на Скотта. Все подняли на него глаза.

— Было такое. — Ответил Скотт. — Они мертвы.

— Теперь да. — Кивнул Умр Ат. — А тот, кто называет себя Лексом, нет. Он охотится за мальчиком. За ним. — Все перевели взгляд на Салли.

— Но, зачем? — Спросил Скотт.

— Он ключ. Если Хазоат доберется до мальчика, он откроет врата, и проникнет сюда полностью.

— То есть, это только начало? — Впервые подала голос Алекс. — Что же будет, когда он войдет весь?

— Он сожрет этот мир, Александра. — Слова Умр Ата повисли в воздухе. Скотт перевёл удивленный взгляд на свою подружку, а затем молча подошел к стойке, и схватил первую попавшуюся бутылку. Сделал несколько шумных глотков, откашлялся, и уселся

рядом с Алекс.

— Хорошо сидим. Покера не хватает. — Скотт вопросительно поднял бутылку, предлагая присоединиться к нему. Его поддержал только Рик.

— А кто такой Лекс? — Спросила Мэйси.

— Вы называете их демонами. По крайней мере, в культурном срезе. Он низший. Охотник из глубинного мира. Бесплотная тварь, жаждущая власти. Он как-то проник сюда, взяв тело простого человека. Жертва даже не всегда понимает, что происходит.

— А я его видела. — Сказала Мэйси. — То есть, видела, какой он на самом деле. Скотти подрался с ним вчера утром возле супермаркета.

— Надо было ему ещё тогда ноги в жопу вставить. — Сказал Скотт угрюмо. Но никто не засмеялся.

— Так, давайте дальше. — Рик поднял руку. — Мы выяснили, что к нам явилось, и чего от него ожидать. Давайте теперь узнаем, как нам справиться с этой штукой.

— Ты не справишься с ним, Рик Мур. Никто не способен на это.

— И что теперь? — Спросил Скотт, снова приложившись к бутылке.

— Звучит просто, но... Мы закроем ворота. — Сказал Умр Ат.

— И всё? — Переспросил Рик. — Это и есть план?

— В общем, да.

— Хотелось бы деталей. — Сказал Скотт.

— Мы берем машину у Джовита машину и утром отправляемся в пустыню. Я, Салли Рик и Скотт. — Сказал Умр Ат.

— У кого берем машину? — Переспросил Скотт.

— У меня. — Отозвался Чохас. — Сегодня, у меня, видимо, все что-то берут. — Сказал он обреченно, и закурил. По залу потек густой молочный дым.

— Я тоже еду. — Отозвалась Алекс.

— Нет. Ты не едешь. — Обернулся к ней Скотт.

— Скотти, я в норме...

— Ты едва на ногах стоишь.

— Давайте, позже, ребята? — Сказал Рик недовольно. — И как мы закроем эту брешь? — Вопрос был уже Умр Ату.

— Предоставь это мне и мальчику. — Ответил он.

— А что сам мальчик думает по этому поводу? — Рик бросил на притихшего мальчишку вопросительный взгляд.

— Он спас меня. Думаю, я должен отплатить ему. Да, и всем вам. От меня же теперь зависит всё. — Сказал Салли трагично.

— Послушай, Умр? — Скотт снова встал. — Если для того, чтобы закрыть ворота, тебе нужен только мальчик, почему ты сразу, как только всё это началось, не взял его, и не отправился туда? К чему было ждать почти два дня?

— Не всё так просто, Скотт Ганн. Я не смогу одновременно закрывать ворота и защищать мальчика. На это требуется некоторое время, и мне нужны люди, которые будут стеречь нас в этот момент.

— От кого? — Спросил Скотт.

— От тех, в кого превратились жители этого маленького города. Они будут защищать своего хозяина.

— Предлагаю выдвигаться! — Рик встал из-за стола. — Чем быстрее мы двинемся...

— Не сейчас, Рик Мур. — Перебил его Умр Ат. — Вам всем нужно отдохнуть.

— Давай, я решу, когда мне нужно...

— Он прав, Рик. — Подал голос Скотт. — Мы сейчас все вымотаны.

— Окей, как скажете. — Рик поднял Руки в знак согласия, и отошел от стола, прихватив бутылку. — Я просто сомневаюсь, что кто-то сможет уснуть сегодня.

— А что будешь делать ты? — Спросил Скотт у Умр Ата.

— Я буду здесь. Должен же вас кто-то охранять.

— Почему ты не призналась, как тебя зовут?

Скотт устроился в кресле, стянув с себя всё, вплоть до трусов. В одной руке он сжимал бутылку, а в зубах держал сигарету. И нещадно потел. Алекс устроилась на кушетке, и глядела на грязный потолок, на котором едва крутился винт кондиционера. Чохас выделил им подсобку, в которой стояла старая мебель и пахло пылью.

— Не думала, что наши пути пересекутся надолго. Хотела, чтобы ты отстал. — Сказала она грустно.

— А сейчас? Сейчас тоже хочешь, чтобы я отстал?

— Нет. Сейчас хочу, чтобы ты никуда не уходил.

— Мне нужно спасти мир, детка. — Скотт пьяно ухмыльнулся.

— Брось, Скотт. Мы все знаем, что это дохлый номер.

— Надо попробовать, Александра.

— Пожалуйста, не надо. — Взмолилась она.

— Что именно не надо? — Спросил Скотт.

— Так меня называть.

— Ну, ты же девочка. — Начал было Скотт. А потом он услышал, как она заплакала. — Ты чего?

— Просто прекрати, а? — Сквозь слёзы процедила она.

Скотт встал, отложил опустевшую бутылку, и бросил внутрь окурок. Тот зашипел и погас. Он подошел к кушетке, и присел в ногах у Алекс.

— Курить хочу. — Сказала она.

— Нельзя. — Ответил ей Скотт.

— Знаю. Потому и хочу. Расскажи мне про себя Скотт. Откуда ты всё умеешь? Стрелять, таскать на себе раненых, возиться с техникой?

— Ирак. — Произнес он тихо. — Два года в пустыне. Песок, пауки, вкус металла и гребаная кровь повсюду. Как и здесь, впрочем.

— Обещай, что вернешься за мной, Скотт. Обещай.

— Постараюсь, Алекс. А теперь давай спать. — Скотт поцеловал ее в лоб и устроился в кресле. Через минуту она слышала тихое сопение. А ещё через несколько минут она и сама заснула.

— Хорошо водишь? — Чохас поймал Рика в гараже задумчиво разглядывающим кроссовый байк.

— Предпочитаю два колеса.

— А как на счёт четырех?

Чохас стянул потрепанный брезентовый тент, и от души наслаждался реакцией гостя. Под тентом стоял старый «пустынный жук».

— Отлично. Машина апокалипсиса. — Ответил Рик, хлопая по капоту.

— Усиленная рама, форсированный двигатель с воздухосборником, «кенгурятник» из

хромванадия. А ещё высокий просвет и диски в 20 дюймов. Как тебе, гринго?

— Пулемета не хватает. — Ответил Рик. Чохас засмеялся в ответ.

— Лучшее — враг хорошего. За пулемет, думаю, меня бы уже упрятали. — Сказал Чохас, набивая трубку.

— То, что он лежит в подвале, а не на машине, временная проблема, так ведь? — Рик с Чохасом обернулись на голос.

— Прекращай так пугать, парень. — Сказал Рик Умр Ату, появившемуся по своей привычке будто из ниоткуда.

— Да, пожалуй настало его время. — Сказал Чохас.

— Стой, у тебя и пулемет есть? — Спросил Рик. — Ты к чему вообще готовился?

— Видимо, к такому случаю. Паранойя... — Развел он уклончиво руками.

— К утру установишь? — Спросил Умр Ат.

— Постараюсь. — Ответил Чохас, выпуская клуб дыма. — Только если поможешь.

— Я помогу. — Ответил Рик.

— Нет. — Отрезал Умр Ат. — Отдыхай. Не хочу отправлять тебя в нокаут насильно.

— Как скажешь, мистер всемогущий. Как скажешь.

Мэйси ещё не спала. Она уместилась на диване в зале, и пыталась уснуть. На соседнем диване спал мальчишка. Рик встал возле него и попытался понять, что в нем такого особенного. Мальчишка, как мальчишка. На вид лет четырнадцать-пятнадцать. Немытый и загнанный, дергается и стонет во сне. И уродливая татуировка на всё лицо. Рик не хотел думать, при каких обстоятельствах он её заработал.

— Он когда себя в зеркало увидел, сначала в обморок упал. — Полусшепотом сказала Мэйси.

— С чего бы это? — Спросил Рик.

— Страж перенес его сознание в другое тело. Так он сказал.

— Кто? Мальчишка или Умр Ат?

— Салли. Мальчик. — Ответила Мэйси.

— Охренеть можно. У меня уже голова не варит. — Сказал Рик, усаживаясь на стул. — Слишком много всякого потустороннего дерьма на один маленький город.

— Может, мы потому и не видим всего этого, оттого, что не готовы. Я поначалу тоже пугалась сильно. Потом привыкла.

— То есть, ты уже давно видишь подобные вещи? — Спросил Рик.

— Да. — Беззаботно улыбнулась Мэйси.

— Чёрт, а все считают тебя немного «того». Я и сам так думал до недавнего. Проси уж.

— Я привыкла уже. В этом моё преимущество перед обычными людьми. Идёшь спать?

— Да, пожалуй. — Рик устроился на одном с ней диване.

— Рик? — Прошептала она.

— Да.

— Ты ведь вернешься?

— Очень на это надеюсь. — Ответил он.

Мэйси ещё долго слушала его размеренное сонное дыхание. Она обняла его покрепче, и старалась гнать от себя навязчивую мысль, что эта ночь будет их последней. Что-то говорило, что Рик не вернется из пустыни. Ближе к рассвету она заснула тревожным беспокойным сном под приглушенное рычание дизельного генератора на улице.

Когда Скотт проснулся, Алекс ещё спала. Он слышал её сонное, с хрипами дыхание.

Тихо взял свои вещи, и стараясь произвести как можно меньше шума, покинул комнату. В зале все спали. Рик в обнимку с Мэйси, Салли в немыслимой позе свисал с дивана и посапывал с открытым ртом.

Скотт не сразу заметил Умр Ата. Тот стоял возле огромного окна, и смотрел на улицу.

— Скоро рассветет, Скотт. Пора собираться.

— О'кей. — Сказал он. — Только можно я вначале позавтракаю. Я, кажется, с позавчера питаюсь алкоголем.

— Можно. — Не отрываясь от созерцания пустыни, ответил Умр Ат.

На кухне Скотт обнаружил яйца и бекон. Чохас, будто услышав, что на кухне хозяйничает кто-то, кроме него, незамедлительно явился с негодующим взглядом, и принялся варить кофе. Рик и Салли вошли на кухню, когда завтрак был почти готов. По их недовольным лицам Скотт понял, что их разбудили. Рик отказался от еды, налив себе только чашку кофе. Салли отказался от еды вовсе, сказав, что его и без того тошнит.

— Я выгнал тачку на улицу. — Сказал Чохас, прихлебывая кофе. — Надеюсь, вы справитесь.

— Я тоже надеюсь. — Сказал Рик.

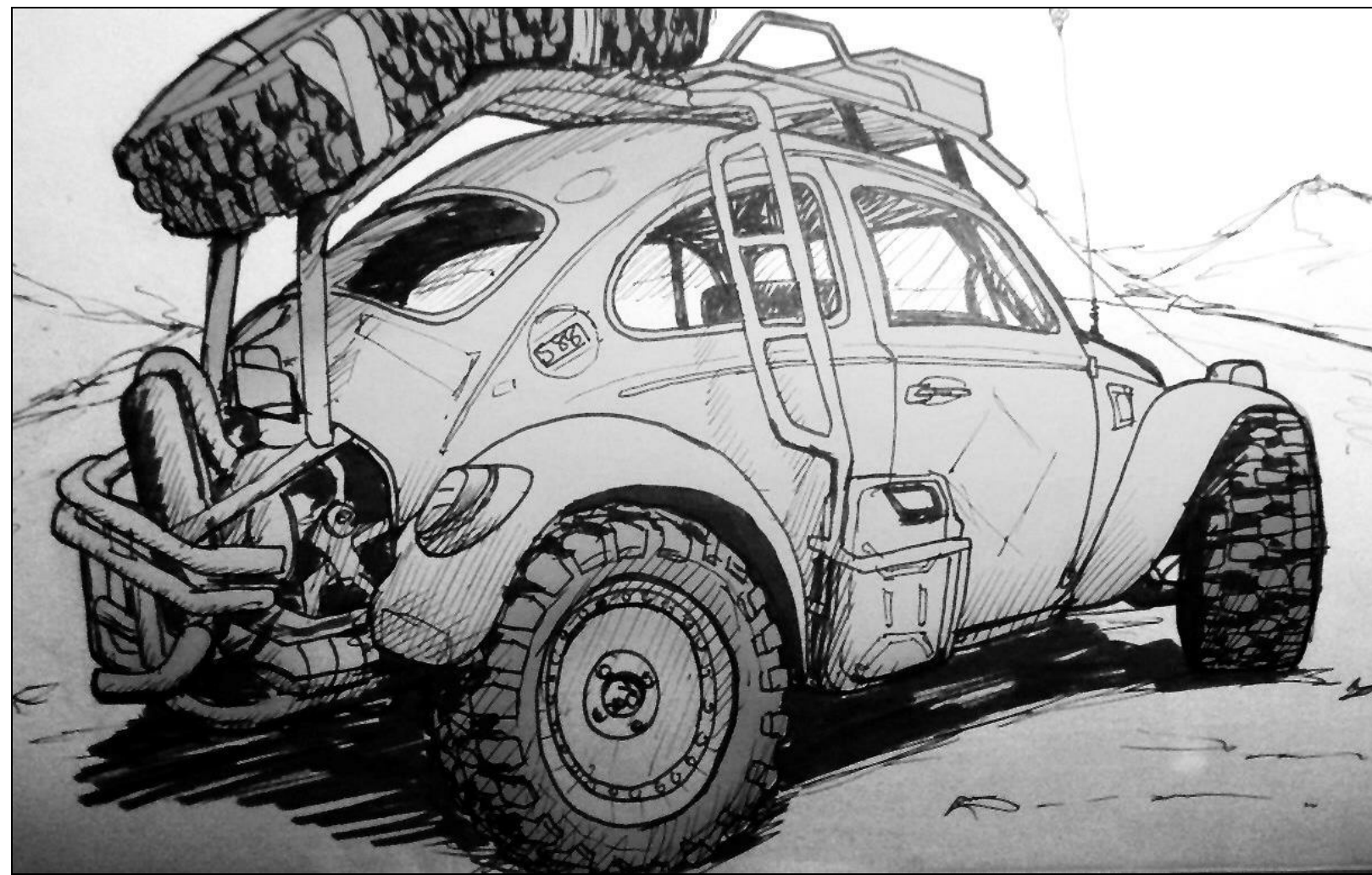
— И хоть бы кто чего хорошего сказал напоследок. — Сказал Скотт с набитым ртом.

— Напоследок тебе на похоронах скажут. — Задумчиво изрек Чохас. Салли прыснул со смеху, а Скотт чуть не подавился.

— Спасибо, подбодрил. — Сказал он.

— Всегда пожалуйста, Скотти. — Ответил Чохас.

— Мы ведь вернемся оттуда? — Подал голос Салли, но никто ему не ответил. Никто этого просто не знал.

В САМОЕ НАЧАЛО.

2 июля 2019 года.

Долина Черепах штат Нью-Мехико.

Когда они вышли на улицу, уже рассвело и солнце начинало нагревать пустыню. Ветер разогнал пыль после вчерашнего, и день обещал быть знойным. Женщины в баре все ещё спали.

— Пригляди за ними. — Сказал Рик Чохасу. — Постараюсь, амиго. — Ответил он. — А ты постарайся не угробить моего жука. — Не могу обещать. — Сказал Рик, грустно усмехаясь.

Рик сел за руль и отрыл водительское окно. Салли сел на штурманское сиденье, а Скотт полез назад, где Чохас за ночь установил станковый пулемет.

— У меня уже дежа вю. — Сказал Скотт, потянув носом. Пахло песком, оружейной смазкой и дизелем. Всё, как на войне. — Извини, только каски у меня нет. — Сказал Чохас. Скотт засмеялся.

Рик завел двигатель, и оставил работать на холостых. Он не знал, сколько «жук» стоял в гараже, и не хотел начинать движение с непрогретым двигателем.

— А как же ты? — Спросил Скотт у Умр Ата. — Буду ждать вас на месте. Не люблю ваш транспорт. Медленный. И ненадежный. — Сказал он. — Только не опоздай к началу. — Ответил Скотт.

Умр Ат развернулся, и все увидели, как он словно бы шагнул за невидимый занавес и

растворился в знойном мареве.

— Чуть не забыл! — Крикнул Чохас Рику, когда тот собирался трогаться. — Чего не забыл? — Самое главное. — Чохас полез в заляпанный маслом и гарью комбинезон. — Вот! Он извлек из внутреннего кармана аудиокассету. — Твою мать! — Воскликнул Рик. — Я последний раз такой антиквариат лет двадцать назад видел. Что на ней? — Лучшая группа на свете! — Сказал Чохас.

Пустынный жук трясло на кочках и ухабах. Рик держал руль крепко, и старался соблюсти приличную скорость при аккуратной езде.

Я пробужу, я освобожу твой разум,
Я покажу тебе то, что знал все это время.

Скотт вцепился в станину пулемета, пытаюсь не вылететь из своего гнезда. Лента с патронами терялась где-то в недрах салона. Под сиденьями лежали два автомата. Русских. Безотказные орудия смерти со сложенными прикладами и сдвоенными рожками. Русские делали так во множестве войн. В чем-то они остаются молодцами. Скотт боялся представить сколько пуль сегодня вылетит из раскаляющихся от стрельбы стволов. И пока они едут, ещё можно рефлексировать. Потом будет поздно. Потом это уже будет не нужно. Потом настанет время действовать.

Господь ненавидит всех нас, Господь ненавидит всех нас!

Ты знаешь, это правда: Господь ненавидит это место!

Салли тошнило. Он старался держаться, но желудок его скакал, словно заяц. Его мутило от нового, непривычного тела. От этой тряски, и от оглушающей музыки в колонках. Маменька наверняка бы раздосадовалась, если бы узнала, что её мальчик слушает дьявольскую музыку.

Ненависть лечит, тебе следует попробовать,
Бороться за мир прибегая к войне!

Рик приоткрыл окно и закурил. Адреналин ещё сильнее, ещё жирнее запульсировал по венам. Сердце работало синхронно с двигателем. Музыка заставляла его сильнее давить на гашетку. Но, сильнее всего было чувство мести. Мести уродливой твари, сожравшей его девочку.

Все мы восхищаемся красотой смерти.

И нет во мне нет веры, сбивающей с толку.

Скотт всё сильнее вглядывался в горизонт. До Долины Черепах оставалось минут десять, при условии, что они будут придерживаться такой же скорости. И он был уверен, что их ждут. Их просто не могли не ждать. Правая ладонь начала зудеть. Скотт выругался, но вытянул её перед собой. Закрыв глаза. Вдалеке пульсировало нечто. То, от чего они тогда убежали с Алекс. А ещё было множество мелких созданий. Огромное множество. Они выстроились в несколько рядов перед своим богом. И если не свернуть в сторону, они просто окружают и сомнут их.

— Рик! Рик, слышишь меня?! — Скотт залез в салон и пытался перекричать музыку. — Да, чего там? — Рик убавил громкость. — Закладывай в сторону. Они там толпой нас ждут. Если не свернем, нас просто задавят. Я на пулемет. Постараюсь их выкосить хоть немного.

— Господи, это всё как в кино. — Сказал Рик и сделал музыку громче. — Как в чертовом «Безумном Максе» каком-то. Будет чудом вообще выжить в этой мясорубке. — Что ты сказал? — Спросил Салли. — Лучше тебе не знать, парень. Поверь.

Салли шустро открыл окно и его стошнило наружу. Он утерся рукавом и сидел бледнее

мела.

— Полегчало? — Спросил Рик. — Надеюсь. — Выдавил Салли.

Через пару минут Рик увидел первых встречающих. Несколько ссохшихся измученных тел, стремительнодвигающихся в их сторону. Рик нажал на гудок три раза и посмотрел в зеркало заднего вида. Скотт в гнезде подобрался и передернул затвор.

— Держись крепче, сейчас начнется. — Сказал Рик.

Он закрыл окно и поддал газу. Трех существ он сшиб «кенгурятником», а затем перемолол колесами. Ещё парочка успела свернуть в сторону. Рик увидел, как Скотт развернулся и короткой очередью добил их.

На горизонте расплывалось огромное розовое пятно. До Гнилого Бога оставалось совсем немного. Рик поразился масштабам этой твари. Огромная, пульсирующая биомасса имела по скромным подсчетам пару миль в поперечнике. Засмотревшись на неё, он не заметил второй волны тварей.

Теперь их было значительно больше, и они всё меньше походили на людей. Скроенные, будто из чего попало, в них смешивались и человеческие и животные черты. Отдельные и вовсе не были похожи ни на что из виденного.

Заработал пулемет. Рик видел перекошенное лицо Скотта, и по-видимому, тот что-то кричал. Рик был приятно удивлен, что при такой скорости и рельефе местности Скотт стрелял достаточно кучно.

Напирающие твари, будто покошенные, начинали ложиться рядами. Рик сбавил скорость, и начал забирать в сторону. Скотт развернулся, и продолжил «косить» выродков. Когда последняя подстреленная тварь упала на землю, Скотт показал Рику большой палец. Рик убавил музыку и вдавил педаль в пол.

Ещё минута спокойствия. Рику это начинало нравиться всё меньше. Будто всё, что было до этого, всего лишь затравка. Проверка их силы. И когда эта тварь поймет, что перед ней — опасный соперник, придется играть по-крупному.

Скотт изошел уже семью потоми, но адреналин держал его крепко. Он помнил это чувство, когдаходишь в раж. Когда воздух пропитывается запахами крови и пороха. Когда человек в прицеле — всего лишь мишень. И лишить его жизни уже обыденное дело.

Снова чесалась ладонь. Сейчас что-то должно произойти. Горизонт чист, если не считать огромную массу голодной плоти из другого мира. Но, всё-равно что-то не так. Что-то неправильно.

Рик не успел ни дать гудок, ни свернуть. Он ругнулся, сбавил скорость и ушел в занос. Перед ними, прямо из песка, как гадюки, начали выползать монстры. Изуродованные твари, которых будто сшил безумный таксидермист. Рик перестал пытаться опознать в них хоть что-то знакомое. Может, так и лучше. Меньше кошмаров будет сниться после. Если их не сожрут сейчас.

Скотт едва удержался, чтобы не вылететь из тачки. Когда машина снова пошла ровно, он взялся за пулемет. Уши снова заложило грохотом выстрелов. Крупнокалиберный пулемет выплевывал смертоносные куски свинца, отделяющие части тел, а то и вовсе размалывающие в фарш хаотично прущую на них массу.

Стреляные гильзы летели дождем, разлетаясь по салону. Салли закрыл уши руками, и наверное, кричал. Пустынный жук подпрыгивал всякий раз, когда под колесами оказывалась очередная тварь. Рик вихрял, стараясь сократить количество столкновений, но существ было очень много.

Скотт отстреливался по нескольким направлениям, но понимал, что это ненадолго. Их окружали. Пытались задавить численностью.

— Надеюсь, наш всемогущий друг где-то рядом. — Сказал Скотт сам себе.

— Ты стрелял раньше? — Рик правой рукой полез назад, и достал автомат. — Нет, конечно! — Закричал Салли. Но Рик уже сунул ствол ему в руки. — Будем надеяться, что умеет тот, кому это тело принадлежало раньше. Передвинь положение на «короткие очереди». Вот здесь. — Рик ткнул пальцем в переключатель. И потяни на себя затвор до щелчка. Вот так, хорошо. — И что теперь? — Спросил Салли, взвешивая в руках тяжелое оружие. — Стреляй в тех, кто близко. — Ответил Рик.

Твари окружали. Рик понимал, что ещё футов сто-двести, и их сожмут. Скотт отстреливался, но не смотря на периодически возникающие прогалины в море ожившего мяса, пустота заполнялась новыми созданиями.

Чем ближе они были, тем яснее становилось из чего они сделаны. Люди, койоты и большие пустынные кошки пошли на стройматериал этого «войска». Существа были сделаны исходя из невероятных, неподвластных человеческой логике, соображений. Одни были похожи на огромных гончих собак, соединенных с человеческими останками; другие — на безобразные горы мяса, способные пережить лобовое столкновение с грузовым автомобилем. Иные просто собирались из того, что осталось от других, более узнаваемых форм жизни.

Одна из таких тварей, проскочив зону обстрела пулемета, поравнялась с машиной, и пыталась достать зубами до колес. Салли снял её двумя короткими очередями. Судя по его ошалевшему от счастья лицу, Рик понял, что тот удивлен и рад своей победе.

За первой такой начали нападать ещё.

Салли снял ещё двоих перед тем, как третья с силой ударилась о борт машины. Жука трянуло. Рик выругался, и вильнул в сторону твари, раздавив её колесами.

На смену ей явился десяток таких же. Одна из них попыталась с разбегу достать Рика, но наткнулась на стекло, оставив на нем кровавые потеки, и тонкую паутину трещин.

— Вот, сука! — Сказал Рик. — Мы так долго не протянем.

Салли отстреливался, пока не последовали глухие щелчки.

— Обойма кончилась! Давай следующую! — Закричал ему Рик. И пока Салли пытался отщелкнуть её, одна из тварей зубами выдернула автомат у него из рук, едва не вывернув ему правую кисть. — Чёрт! Рука! — Закричал Салли. — Хрен с ним! Закрывай окно! — Салли начал было крутить ручку, но та не поддавалась. — Заклинило! — Закричал он. — Давай я. — Рик, не снимая правую руку с руля, левой пытался дернуть ручку стеклоподъемника. Та не слушалась. — Давай, гребаная хреновина!

Рик отвлекся, и не видел, что происходило слева.

В этот момент что-то огромное толкнуло авто, и земля с небом внезапно поменялись местами.

Скотт до последнего пытался снять эту дрянь. Огромное мясистое тело, габаритами чуть меньше их автомобиля, стремительно приближалось к ним. Скотт выпустил в тварь не меньше двух десятков пуль, большая часть которых попала в цель. Но, той было нипочем. Он готов был выпустить в неё всю ленту, и что-то подобное действительно произошло. Патроны закончились.

— Дрянь! Вот дрянь!

Он успел нырнуть в салон за автоматом. Успел достать его, накинуть ремень на шею и

даже снять с предохранителя. Но, больше ничего не успел.

Тварь протаранила «жука» словно носорог. Удар был такой силы, что водительская дверь вмялась внутрь, а стекла разлетелись по всему салону. Скотт вылетел из «гнезда» и отлетел на несколько футов от машины.

Пустынный жук сделал несколько оборотов в воздухе, разбрасывая попавших под его последнюю пляску тварей, и приземлился на крышу.

Все вокруг словно замерло. Секунды тишины показались Скотту минутами. А потом, сквозь звон в ушах он услышал нарастающий крик Салли из салона.

— Ну, и где же ты? — Закричал Скотт. — Где ты, мать твою? Мы тут сейчас сдохнем!

Он вскинул автомат, и дал очередь по приближающимся тварям. Затем ещё одну. Сам понемногу отступая назад, ближе к «жуку».

— Получай, сука! — Закричал Скотт, скармливая очередному выродку порцию свинца. — Получайте, уроды!

Он расстрелял странное существо, состоящее из нижней части человеческого тела и торчащих из него отростков. Прострелил голову огромной кошке, отрастившей дополнительную пару конечностей. И ещё тройка не менее сюрреалистичных монстров упала замертво, прежде, чем он сменил рожок. Второго рожка ему хватило ещё на десяток тварей. Но наступающих меньше не стало. Скотт прижался спиной к автомобилю, но даже так он не чувствовал себя более защищенным.

— Сдохни, дерьма кусок! — Ствол уперся в оскаленный рот относительно антропоморфного создания. Скотт нажал на курок, но ничего не произошло. — Никуда не уходите, я на минуточку. — Сказал он едва слышно.

Он замахнулся для удара прикладом, но тварь настолько быстро исчезла с горизонта, что Скотт чуть было не ударил воздух.

— Я здесь, Скотт Ганн. — Перед ним возник Умр Ат, и Скотт готов был поклясться, что тот улыбается под своим капюшоном. Если умеет, конечно. — Вы не добрались до оптимальной точки. Нужно ближе футов на пятьсот. — Но, как? — Закричал Скотт. — Тачка всмятку! — Умр Ат тем временем снова исчез, а ряды напирющих тварей заметно поредели. Если бы Скотт не знал способностей Стража, он бы увидел, как нечто неуловимо быстрое разрывает монстров на части. — Сейчас. — Он появился рядом, и одним движением перевернул машину. Когда Скотт оглянулся, того снова не было. — Рик? Салли? Вы живы? — Скотт попытался открыть водительскую дверь, но ту заклинило намертво. Скотт заглянул внутрь. Рик был без сознания. — Я жив. — Сказал Салли.

— Уже хорошо. — Ответил Скотт.

При беглом осмотре мальчик был цел, хоть и с разбитым носом. А вот с Риком ситуация была хуже. Того крепко зажало дверью. К тому же, вся грудь его была в крови, но не было понятно, где сама рана.

— Бери патроны. — Сказал Умр Ат под ухом. — Твою... Не надо так пугать.

Скотт осмотрелся. Толпа монстров заметно поредела. А ещё они будто бы боялись нового, более жестокого хищника, и не рисковали сокращать расстояние в сотню футов.

— Давай скорее, Скотт Ганн. Они не будут вечно стоять и глазеть. Время работает против нас. — Мы уже приехали? — Спросил Салли. — Да, парень, это конечная. — Ответил Скотт вместо Умр Ата.

Скотт залез в машину через багажник и поднял заднее сиденье. В ящиках лежало ещё четыре связанных пачки магазинов. Он пристегнул одну связку к автомату, а остальные

рассовал по карманам армейской разгрузки. Умр Ат тем временем вытащил Салли через окно, и тот неловко стоял, держась за машину. Водительскую дверь Умр Ат просто вырвал вместе с петлями. Рик бы выпал из машины, если бы тот не подхватил его. Рик застонал и открыл глаза.

— Вот дерьмо, как же больно... — Прохрипел он, сплёвывая кровью. В боку торчал осколок металла и при дыхании кровь вытекала толчками. — Потерпи, Рик Мур, уже почти всё. — Сказал Умр Ат, и резко выдернул кусок металла из него. Рик закричал, едва не теряя сознание снова. Умр Ат приложил свою ладонь к ране, и запахло паленой кожей. На этот раз Рик только застонал. Кровотечение прекратилось, а рана обуглилась бурой коркой. — Скотт, Салли! — Позвал Умр Ат. Скотт лишь беззвучно выругался, когда увидел состояние Рика. Салли же просто оцепенел. — Дайте мне руки. Быстрее! Рик Мур, схватись за меня покрепче! — Рик вцепился в запястье Умр Ата. Кожа его была какой-то холодной и сухой. Салли он подал левую руку, а Скотту — правую. Воздух вокруг них стал пыльным и стоячим. Звуки стали приглушенными, а окружающий мир начал меркнуть. — Только не снова... — Сказал Салли.

БЕЛЫЙ ПЕСОК.

2 июля 2019 года.

Долина Черепах штат Нью-Мехико.

Странно было смотреть по сторонам. Будто ты попал за кулисы, и смотришь постановку с совершенно другого ракурса. И всё происходящее транслируют сквозь мутную полиэтиленовую плёнку. Понятия пространства и направления здесь совершенно неуместны. Равно как и время. И даже собственное тело совершенно не то, чем кажется. По крайней мере, Рик считал именно так. По всем законам привычного мира его бок должно разрывать от нестерпимой боли. Здесь же боль притуплялась. Только дышать было тяжело.

— Не привыкай сильно, Рик Мур. Мы здесь ненадолго. — Голос Умр Ата повис в плотном местном воздухе. — А я бы поспорил. — Сказал Рик, вставая. — Сколько я проживу вне этого места? Час? Четверть часа? Несколько минут? — Здесь ты можешь пробыть достаточно долго. Только вот вернуться обратно будет тяжело. Если у тебя нет якоря — привязки к своему миру, то здесь ты потеряешь самого себя. — Сказал Умр Ат. — К тому же, здесь небезопасно. — С чего бы это? — Спросил Рик. — Лучше послушайте его, сэр. — Сказал Салли. — ОН здесь. — Кто, ОН? — Хазоат здесь. — Ответил страж. — Как такое возможно? — Спросил Скотт. — Его астральное тело заперто здесь, как в буфере. И только часть физического тела в Вашем мире. — Сказал Умр Ат. — То есть, он в двух местах одновременно? — Спросил Рик. — Для удобства вашего трехмерного понимания, скажу, что да. — Страж огляделся вокруг. — Что такое? — Настороженно спросил Салли. — Он уже знает, что мы здесь. Нам пора. — Ответил Умр Ат торопливо. — Я остаюсь. — Сказал Рик. — Исключено. — Сказал Умр Ат строго. — Рик, давай двигать. Мы тебя подлатаем и всё будет нормально. — Скотт попытался улыбнуться. — Не надо мне дерьмо в уши заливать, Скотти. Я точно знаю, что мне конец. — Нет, сэр, не оставайтесь здесь. — Салли схватил его за руку. — Если эта дрянь здесь, я лучше останусь. — Но, зачем? — Спросил Скотт. — Если наш друг — Рик указал на Умр Ата. — даст мне что-то состоящее из заточенного металла, я как следует поймею этого засранца в его старую задницу. — Умр Ат засмеялся. — Звучит несколько двусмысленно, братец. — Скотт похлопал его по плечу, улыбаясь. — Ты не сможешь его одолеть. — Сказал Умр Ат уже серьезно. — Но, отвлечь я его смогу? — Спросил Рик. — Это будет очень уместно. — Умр Ат, казалось, задумался. — Я постараюсь вытащить тебя отсюда, когда всё это закончится. — Если я не долбанусь мозгами от этого места. — Грустно улыбнулся Рик. — Спасибо, Рик Мур. Ты храбрец. — Нет, я идиот. — Ответил он. — И идите уже отсюда. Не тратьте время. — Прощай, Рик. — Сказал Скотт. — Нам будет не хватать тебя там. — Передайте Чохасу, пусть присмотрит за Мэйси. — Сказал он немного грустно. — Обязательно. — Сказал Скотт. — Удачи Вам, сэр. — Сказал Салли. — И вам удачи. Сделайте всё как надо.

Рик дождался, когда они скроются из виду и растворятся в границе миров. Рука сжимала шероховатое теплое древко посоха. Умр Ат молча дал ему свою палицу, а Рик не стал задавать никаких вопросов. Отчасти потому, что почувствовал, исходящую от этого артефакта силу. Рик закрыл глаза и поддался посоху. Тот в ответ показал ему миллионы лет и миллионы событий. Показал рассвет мира, когда на суше выросли первые растения, давшие возможность дышать кислородом существам, вышедшим из бескрайнего Первородного моря. Показал древнейшие цивилизации, возводившие величественные и таинственные города-храмы во влажных лесах. Места силы, привлекающие путешественников из иных миров. Невообразимых звёздных пришельцев, прилетающих поделиться знаниями, или скрывающихся от других, ещё более сильных цивилизаций. Древних богов, чей возраст был старше самого времени, и сама Лета стерла упоминания о них. Показал бескрайнюю океанскую бездну, которой правили невообразимые разумные

существа. И самого Стража. Его истинную суть и предназначение. То, как он оберегал и защищал вверенные ему миры от существ, живущих вне времён, и не имеющих формы и имени.

Рик открыл глаза, и увидел мир глазами Стража. Увиденное едва не лишило его остатков разума. Он оказался не готов к той картине, которую ему продемонстрировали. Потому, что не было в человеческом языке ни слов, ни образов, способных описать окружающую действительность. Посох в его руке был и робким ростком, и огромным деревом одновременно в бесконечной проекции.

Рик сделал несколько глубоких вдохов, и ему стало легче. Он лишь крепче сжал своё оружие, и в пару шагов переместился к безумному голодному богу. В ипостаси четырех измерений он выглядел до абсурдного обыденно.

— ПРОЧЬ ОТСЮДА! — Прогремел голос Хазоата. — Нет, уж. Это ты прочь из нашего мира! — Закричал Рик в ответ. — Ты пришел в мой мир и убил мою девочку! — ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ЕДЫ МЕНЯ НЕ ИНТЕРЕСУЕТ! — Сказал он. — Тогда «еда» сейчас навалит тебе в ответ. — Сказал Рик.

Он осознавал, что с оружием стража он даже продержится против Гнилого Короля какое-то время. Возможно, Умр Атту хватит этого времени для того, чтобы закрыть врата.

Рик набросился на Гнилого Короля, целясь обрушить посох ему на голову. Тот увернулся, и посох прошелся по плечу, оставив в воздухе тонкий шлейф из мельчайших частиц. Те, ещё пару секунд висели в пространстве, а затем вернулись на свои места. Рик сомневался, что может похвастаться чем-то подобным в ответ. Ему оставалось полагаться только на свою ловкость. Он бил интуитивно, и также уворачивался. И он будет стараться до последнего. Их танец не должен останавливаться.

Скотт с наслаждением вдохнул привычный воздух, вместо стоячей атмосферы Изнанки. Умр Ат привел их туда, откуда они с Алекс убежали два дня назад. Всё тоже самое. Огромная тварь, застрявшая между мирами, песок и кактусы до самого горизонта. Только песок сейчас стал каким-то другим. Легким и белым.

— А почему песок белый? — Спросил Салли. — Потому, что это не песок. — Ответил Умр Ат. — Это костная пыль.

Салли сделал пару шагов назад, будто боясь потревожить покой умерших здесь.

Скотт тревожно оглядывался по сторонам. Даже если Рику и удалось завладеть вниманием Гнилого Короля, то оставшиеся в живых мерзкие твари обязательно явятся сюда рано или поздно. Ветер со стороны бреши принес запах разложения.

— Господи, эта тварь болтается тут как дохлый кальмар на солнце. И смердит соответственно. — Скотт? — Умр Ат тронул его за плечо. — Да? — Ответил он. — Рик отвлекает его. Сейчас я постараюсь достать ключ из мальчика, и закрыть эту брешь. — Постой. — Сказал Скотт. — Надеюсь, ты это не в буквальном смысле? — Нет, Скотт Ганн. Не в буквальном. На это мне понадобится время. Сколько именно — я не знаю. Иногда это очень тяжело. — Давай побыстрее, о'кей? — Скотту становилось нехорошо уже от одной мысли остаться одному. — И пока я буду в его сознании, я не смогу ни разделить с ним, ни оказать тебе помощь. — Я постараюсь не налажать. — Ответил Скотт. — Ты готов? — Спросил Умр Ат у Салли. — Наверное. — Ответил мальчик неуверенно.

Умр Ат приложил свою руку ему ко лбу, и они оба рухнули на песок.

Скотт остался один.

Его немного трясло.

Само место наводило невыносимый ужас, и Скотт закурил.

— Не будет сигаретки?

Голос заставил его выронить сигарету изо рта, и развернуться, наставив автомат на его владельца. Перед ним стоял тот самый парень с парковки. — Надо же, ты ещё жив? — С деланным удивлением произнес Лекс. Вместо ответа Скотт вскинул автомат, и дал по Лексу короткую очередь. Тот умудрился увернуться, и подойти на пару шагов ближе. — Никакого гостеприимства. — Сказал он покачав головой.

Ему нужно было всего лишь достать ключ. Всего лишь найти его. Всего лишь познать тайну. Вселенная, определенно, со странным чувством юмора, если она придумала такие условия. Проникнуть в сознание человека-носителя. Понять его душу. И найти ту нить, которая приведет к серебряному ключу от врат. Звучит весьма просто. На деле же, не будь донора с хорошим телом и здоровым мозгом, куда можно было перетащить сознание больного мальчика, всё было бы печальнее. Можно было бы бесконечно искать истину среди разорванных нитей его души. Сейчас же нужно было лишь найти конец этого клубка бесконечных перевоплощений и забытых воспоминаний.

Самое яркое из последних воспоминаний было связано с переселением в новое тело. Ужас и отторжение своего нового внешнего вида. Слабый человеческий разум, слишком много внимания уделяющий своей оболочке. Слишком привязанный к ней. Он в панике.

За ним — более раннее. Побег из Изнанки вместе с Умр Атом. Долгие годы в приюте для душевнобольных. Смерть матери, её бесконечная опека и контроль, отлучение от груди и рождение. Часть нити закончилась. Теперь — дальше. Четыре личности из Соединенных Штатов, беглый преступник из Старого Света, и две тысячи личностей до рождения христианского бога. Потом — ещё столько же, до момента зарождения новых великих цивилизаций. И миллионы тех, кого не помнит даже время.

Вплоть до самого первого. Выходец из Великих Предтеч, которому Умр Ат Тавил отдал ключ от всех врат. Он не мог носить его в себе, ибо такова была его природа.

Первый пробуждается ото сна. Пробуждается долго, питаясь воспоминаниями тех, кто жил и чувствовал после его последнего пробуждения. И когда он снова насытился, он говорит:

— Ты пришел снова. — Да. — Говорит Умр Ат. — Значит, такова Воля Вселенной. — Первый делает долгую паузу. — Дай мне ключ. — Просит Умр Ат. — Ты знаешь правила. — Я готов. — Отвечает Умр Ат. — Хорошо. — Кивает Первый. — Тогда говори.

Скотт вскинул автомат снова, но Лекс молниеносно перехватил ствол, и с силой саданул его прикладом в подбородок. Скотт потерял равновесие, но не упал. Когда он снова встал на ноги, приклад автомата прилетел ему в висок. Удар был такой силы, что в ушах зазвенело. По щеке потекло теплое и Скотт рухнул в песок. Когда он поднял глаза, Лекс театрально отшвырнул автомат в сторону.

— Почему я здесь — спросишь ты? А потому, что почувствовал, что вы собираетесь в гости к папочке, и решил присоединиться. Вы начинаете бесить его. Хотя, знаешь, а так даже интересней. Ты первый встретил Хазоата в этом мире. И выжил. Упал вертолет — и ты снова выжил. Ты прорвался сюда через толпу низших. И вот ты передо мной. Наглый, живучий, примитивный местный вид. Из тебя бы получился хороший охотник. Как ты на это смотришь? — Лекс улыбался фальшивой белоснежной улыбкой. — Примитивный, говоришь. — Процедил Скотт. — А кто ты на самом деле? Может, прекратишь прятаться под этой примитивной шкурой? — Как знаешь, Скотти. — Лекс закрыл глаза и начал

срывать с себя одежду. Кожа покраснела и покрылась чешуёй. Из неё выросли шипы, а на голове прорезались рога. Когда открылась вторая пара глаз, Скотт насколько смог, отполз от монстра подальше. — Ну, теперь доволен? — Спросило существо. — Какой красавец. — Бросил Скотт. — А ответишь мне на один вопрос? — Если это будет последнее, что выдаст твой болтливый язык. — Лекс навис над Скоттом и раскрыл пасть, полную острых, загнутых внутрь зубов. — Угадай... — Прошептал Скотт. — Что у меня в карманцах?

И прежде, чем тот успел что-то сообразить, Скотт вынул из армейской разгрузки гранату, и засунул твари прямо в открытый рот. Чека осталось у Скотта на пальце. Монстр сделал пару шагов назад, безуспешно пытаясь вытащить кусок металла из глотки.

— У меня там колечко. — Сказал Скотт. — ЭТО колечко. — Он упал лицом в песок и закрыл голову руками. Взрыв разметал голову монстра, забрызгав кровавыми ошметками всё вокруг. Когда Скотт поднялся на ноги, обезглавленное тело лежало в нескольких футах от него, конвульсивно подёргиваясь. Умр Ат и Салли лежали неподалёку и не двигались. — Давайте быстрее, ребята. — Сказал им Скотт, держась за разбитую голову. Он пошел к валяющемуся в песке автомату, и оглянувшись назад, увидел на горизонте приближающуюся толпу тварей. — У нас проблема, Хьюстон. — Сказал он сам себе, передергивая затвор автомата.

Умр ат начал произносить слова. Слова на языке, которого не слышала ни одна живая душа уже миллионы лет. И это были даже не слова. Эти звуки были сутью самого существования. Они были рождены Предтечами, и обладали способностью менять мир вокруг. Гораздо позже их называли заклинаниями, но это скудное слово не могло отобразить даже части заключенной в них силы.

Когда Умр Ат закончил свою речь, Первый удовлетворительно кивнул. Он засиял ослепляющим светом, и в его ладони блеснул небольшой кусок металла.

Серебряный ключ.

— Назови своё настоящее имя! — Приказал он Умр Ату. — Меня зовут Йог-Сотот. — Произнес тот.

Первый кивнул и протянул ему ключ. Умр Ат принял его. Из ладони по всему телу начало разливаться тепло. Протоплазма — его черная кровь начала закипать от такого количества силы. Умр Ат сжал ключ и сказал:

— Прощай, Прайм. Первый из Предтеч. И спасибо тебе.

Рик уже порядком устал. Махать посохом оказалось тяжелее, чем он думал. Он наносил удары снова и снова, но враг либо уворачивался, либо моментально восстанавливался. По его движениям становилось понятно, что этот танец нельзя назвать битвой. Противник просто играет с ним, попутно пытаясь подобраться к Рику. Одного удара хватит для того, чтобы умереть в этом странном и непонятном месте. И Хазоат, в образе сухого древнего старца, всё-таки достал его. Когда Рик в очередной раз замахнулся для удара, Хазоат поднырнул под древко, и вонзил кривые острые пальцы Рику под ребра. Кровь брызнула из ран и заплясала в воздухе алыми каплями. Они зависли в воздухе, как в замедленной съёмке. Рик дотронулся до одной из них, и на пальце осталось красное пятно. Посох выпал из ослабшей руки, и набалдашник пошел трещинами. Рик упал на колени, понурился головой. Хазоат, довольный собой, отступил.

— ТЫ НЕ СМОГ БЫ МЕНЯ ПОБЕДИТЬ! — Сказал он. — Я и не пытался. — Ответ Рик. — ЗАЧЕМ ТОГДА ТЫ БОРОЛСЯ? — Существо казалось удивлённым. — Чтобы не испортить сюрприз. — Усмехнулся Рик. — ЧТО? — Посмотри на себя, урод. — Сказал Рик, и

Хазоат закричал от увиденного. Его тело пошло трещинами, начало чернеть и разваливаться, словно тлеющий бумажный лист. Он кричал долго и громко. Его предсмертный голос сотрясал всю Изнанку. Рик закрыл уши руками, но голос всё равно был слышен. И даже когда от Гнилого Короля осталась горсть пепла, его крик всё ещё был слышен.

Скотт чувствовал, как что-то происходит. Он не до конца понимал, что именно, но это определённо было не к добру. Гигантская тварь пришла в движение, её отростки-щупальца начали хаотично молотить белый песок вокруг, поднимая в воздух облака пыли. Монстры будто взбесились. Они ускорились, и приближались со страшной скоростью. Скотт перевел регулятор на длинные очереди, и начал стрельбу. Нельзя было сравнивать оружие ближнего боя с крупнокалиберным пулеметом, но и это косило передние ряды тварей. Скотт сменил магазин, и вполглаза посмотрел на лежащих мальчишку и стража.

— Доброе утро, детишки! Вставайте, а не то пропустите школу! — Закричал Рик, прежде чем возобновить стрельбу.

Второй магазин опустел, и Скотт отбросил его в сторону. Пристегнул новую пару. Монстры были совсем рядом. Футов сто, не больше. Он успеет отстрелять всего одну обойму, если повезет, конечно. И если Страж не проснется, то вся затея кончится провалом. Есть ещё две гранаты, но Скотт пока не хотел думать о том, чтобы ими воспользоваться. Твари приблизились уже совсем вплотную. Скотт снимал короткими очередями подошедших совсем уж близко. Одна, вторая, третья, пятая тварь...

Раздались сухие щелчки.

Магазин опустел.

Автомат требовал новый. Полный.

Монстры на расстоянии в пару футов.

— Прощай, Александра. Прости, я снова всё просрал. — Сказал Скотт тихо.

Ещё секунда.

От топота множества ног ничего не слышно.

Ужасный, омерзительный запах от монстров.

Он закрыл глаза.

Что-то толкнуло его в грудь.

Он ждал.

И ждал.

И ждал.

Он не сразу понял, что вокруг стоит мертвецкая тишина.

Скотт открыл глаза. Монстры были мертвы. По крайней мере, они беспорядочно лежали и не шевелились.

— Да, сука! Да! Отсосите все! — Закричал Скотт, прыгая от радости.

Он обернулся посмотреть на брешь. Небо было чистым, а всё, что торчало из врат, будто срезали ножом. Бесформенная биомасса Гнилого Короля не подавала никаких признаков жизни.

Всё закончилось. Скотт упал на песок и засмеялся.

Он ждал, когда Страж и мальчик очнутся.

Из Врат шло сияние призрачного внеземного цвета. Как давно он на них не любовался. Всякий раз одни и те же. И всякий раз разные. Он был их вечным стражем, но за тысячи и миллионы лет он уже стал их заложником, потому что не представлял другой цели существования.

Сейчас они были приоткрыты, будто кто-то просто забыл их запереть. У тех, кто пытался отворить их полностью, не хватило на это сил.

— Одними жертвами тут не обойтись. — Сказал Умр Ат тихо.

Он сжал ключ в руке и легко, неспешно затворил их. Сияние прекратилось. Он вставил ключ в скважину, и несколько раз провернул.

Дверь и ключ пропали. Они растворились в мягком мраке, и больше ничего не напоминало о том, что они когда-то были здесь.

— До свидания, отец. Надеюсь, следующая наша встреча будет нескорой. — Его слова ещё на какое-то время повисли в воздухе, пока Изнанка не поглотила их.

Рик умирал. Он тяжело дышал, и с каждой секундой жизнь покидала его. Умр Ат, к его сожалению, не мог ничего с этим поделать.

— Мне жаль, что так вышло. — Сказал он Рику. — Я расстроен таким исходом. — Я чувствовал, что сдохну. Как гребанный кот, чувствовал это. — Рик снова закашлялся. — Я ведь так и останусь здесь, да? — К сожалению. — Ответил он. — Так дерьмово, друг. — Сказал Рик. — Так паршиво умирать. — Он на минуту замолчал. — Но, ты ведь не знаешь, каково это, да? — Нет. Но, знаю, как вам больно. — На несколько минут воцарилась тишина, нарушаемая лишь прерывистым дыханием Рика. — Я твою палку сломал, прости. — Рик указал пальцем на лежащий рядом посох. — Ничего страшного.

Умр Ат поднял свой посох и посмотрел на трещину. Спустя секунду из неё пробился росток. Он рос и оплетал треснутый край, покуда не скрыл трещину полностью. Затем он остановился и загрубел.

— Как новый. — Сказал Рик и улыбнулся. — А со мной такое сделаешь? — Он понимал всю абсурдность вопроса, но внутри его ещё теплился горячий огонек надежды. — Не могу. — Сухо ответил страж. — Тогда сделай так, чтобы всего этого не было, о'кей? — Рик закрыл глаза, и через мгновение жизнь в нём погасла. — Прощай, Рик Мур. Есть и другие миры, кроме этого.

ХОРОШИЙ ДЕНЬ.

2 июля 2019 года.

Вайптаун штат Нью-Мехико.

— Мэм, вы в порядке?

— Мэй разлепила глаза. Над ней склонились двое в полицейской форме. Мужчина с пышными усами цвета спелой пшеницы и невысокая мексиканка со смоляными волосами и круглым лицом. Мэй боязливо огляделась вокруг и осмотрела себя. К её удивлению, на ней были трусики и футболка. Она задрала футболку и несколько секунд смотрела на свой живот. С ним, вопреки последним событиям, всё было в порядке. Чего не сказать о голове. Она раскалывалась на части. А во рту был мерзкий привкус дешевого бурбона.

— Мэм, простите, вам помочь? — Девушка безучастно жевала жвачку и сквозь черные очки нельзя было понять, смотрит ли она вообще на Мэй. И если смотрит, то с каким выражением. — Вы кто? — Спросила Мэй. — Меня зовут детектив Майк Уолтон, а это офицер Кортес. — Мужчина кивком указал на помощницу. — Что с вами? — Я не знаю. Я, видимо, ударилась.

Мэй окончательно запуталась. Весь тот ад, который происходил вчера (вчера ли?) будто стерли из реальности, оставив лишь в её голове. На улице были люди. Нормальные люди. Некоторые смотрели с долей жалости и отвращения на растрепанную и полуголую Мэй в окружении двух заезжих офицеров полиции. Никаких признаков монстров, разрушений и родов ужасной твари.

— Меня зовут Мэй. Мэй Мур. — Хорошо. — Детектив усмехнулся в свои густые усы. — Давайте, мы отвезем вас домой.

Её ещё ни разу не везли домой на полицейской машине. При том, что она никогда не была пай-девочкой, проблем с законом в юности удавалось избегать. Мэй пялилась в окно, не веря себе. События вчерашней ночи яркими вспышками всплывали в памяти. От этого её передернуло, а кожа покрылась холодным потом. Слезы текли из глаз при воспоминаниях о Жэсс и Рике. Может, и то, что происходит сейчас — всего лишь сон? И она так и лежит сейчас голая и сломанная посреди разрушенного города, где разгуливают монстры и пришел новый страшный бог?

— Миссис Мур, могу я задать вам вопрос? — Мэй вздрогнула, когда офицер Кортес полуобернулась к ней с переднего сиденья. — Да. — Мэй утерла слезы. — Вы видели этого мальчика? — Офицер протянула фотокарточку, на которой светловолосый мальчишка с татуировкой на лице попал в объектив камеры продуктового маркета. — Вроде бы не видела. — Честно призналась Мэй. — Не видела. Он натворил что-то? — Нет. — В разговоре вмешался офицер. — Он просто семь лет числился пропавшим без вести. А пару дней назад засветился в маркете по эту сторону границы. Вот, мы и решили, что ближайшим его пунктом станет Вайптаун. — Нет, определённо нет. — Мэй вернула фото и снова уставилась в проплывающую мимо улицу.

Полицейский «бьюик» высадил её возле дома. Мэй отрешенно сказала «спасибо» и подошла к дому. На веранде невозмутимо играло радио. Видимо, Рик забыл его убрать. Двое бойких ди-джеев под весёлую музыку обсуждали пыльную бурю, которая кончилась так же внезапно, как и началась.

Мэй толкнула дверь и вошла в прохладную после улицы гостиную. Гостиная была пуста. Только Марси вяло поприветствовал её хвостом, развалившись на полу под кондиционером. Мэй открыла холодильник, и обнаружив там пачку холодного сока, с жадностью набросилась на него.

— Мэй Мур! — Рик стоял на лестнице, и смотрел на неё удивленным и немного строгим взглядом. От неожиданности она выронила сок, и пачка громко шлепнулась на пол. Содержимое расплывалось мокрым пятном на ковре. — Рик, ты... — К горлу подкатил комок, а слёзы потекли с новой силой. — Мэй, ты в порядке? Ты вчера убежала в бурю, никому ничего не сказала...

Она чуть не сбила его с ног, обнявши так крепко, как когда-то давно, когда она ещё любила его.

— Где Жэсс? — Спросила она. — Спит. — Ответил Рик. — Вчерашняя буря, твоё исчезновение. Она толком не поспала вовсе. — Рик, прости меня. Я завяжу, честно. Я очень

люблю вас. Простите меня.

Она спрятала лицо в его груди и плакала. Рик лишь гладил её волосы, и думал о том, сколько раз он уже это слышал.

Ванесса Шедди обнаружила своего мужа на диване в гостиной. Он спал прямо в одежде и ботинках, прижимая к груди ружье. На кухне творился бардак, а на столе лежал рваный полиэтиленовый пакет с запекшейся кровью. Он же являлся источником неприятного гнилостного запаха.

Ванесса брезгливо выбросила его в помойное ведро.

— Ви, это ты? — Лэнг разлепил только один глаз и удивленно смотрел на неё. — Да, родной. И если ты ещё раз будешь спать в одежде, ботинках и с оружием в руках, я вызову шерифа. — Она нахмурила брови и уперла руки в бока. — Прости, Ви. Я смутно помню, что вчера было.

Ванесса задумалась. Она и сама плохо помнила вчерашний день. Вроде бы из-за бури пропало электричество. Потом Лэнг ушел. Приходила Мэй, её старая школьная подруга. Ванесса будто помогла ей с чем-то, а затем та тоже ушла, и Ванесса осталась одна. Как пришел Муж, она не помнила

— Ты, вроде ушел куда-то? — Спросила она, присаживаясь на край дивана. — Кажется, я помогал Чифу. Приехали двое залетных копов и интересовались каким-то беглым мальчишкой из Мексики. — Нашли его? — Спросила Ванесса. — Нет, вроде. Зато поймали какого-то хмыря из кортеля. — Сказал Лэнг, принимая вертикальное положение и разминая затекшую шею. — Ты поэтому с ружьём был? — Наверное. — Лэнг пожал плечами. Ещё несколько минут они сидели молча, пока Лэнг не повернулся к Ванессе. — Чиф завтра уходит. — Куда? — Переспросила Ванесса. — На пенсию. И он предлагает мне работу в участке. — Правда? — Спросила Ванесса, едва не подпрыгнув от радости. — Да, Ви. — Лэнг улыбнулся. — На его место? — Нет. Шерифом теперь будет Хью. — Но, он же... — Начала Ванесса. — Да. — Перебил её Лэнг. — Но, он, тем не менее, прослужил помощником почти восемь лет. И будет очень некрасиво со стороны старого Хастора посадить меня на своё место. Хью возненавидит меня. И ни доверия, ни слаженной работы не будет. А это плохо. Возможно, он и не самый умный парень в штате, но он хороший. В самом деле. И он достоин этой должности не меньше, чем я. — Ты прав. — Сказала Ванесса. — Может, он и сам поймёт, что это не его работа. — Не знаю, детка. А теперь сделай-ка мне кофе. — На гневный взгляд, метнувшийся в его сторону, он улыбнулся. — И себе тоже.

Майлз ещё раз посмотрел на коробки с вещами. В серых картонных ящиках были аккуратно сложены сорок лет его службы. Медали, награды, подарки, книги и просто приятные сердцу мелочи.

С одной стороны он уже всё решил для себя: Вчера он задержал главу мексиканского кортеля, известного как Альмовара Гонсалес, который имел наглость или глупость явиться прямо к нему в участок и требовать найти какого-то беглого мальчишку. Майлз, недолго думая, арестовал его, и вызвал офицеров из штата. Тем самым, он совершил свой маленький, но подвиг.

А с другой стороны, сама мысль о том, что теперь придется искать себе хобби — пугала до смерти. Чиф достал пачку сигарет из кармана и долго крутил её в руках.

— Шериф? Вам помочь? — Хью приоткрыл дверь наполовину, как обычно, без стука. Майлз оторвался от созерцания сигарет и несколько секунд напряженно думал. — Пожалуй. Чем дольше я смотрю на эти чертовы коробки, тем меньше моя уверенность в том, что я

решусь вынести их отсюда. С каждой минутой моя задница всё меньше хочет покидать это кресло. Так что, давай, выгоняй меня отсюда поскорее.

Хью помог вынести коробки из офиса и упаковать в пикап. Майлз не так представлял свой последний день на работе. Скорее уж шальная пуля в перестрелке, чем старость. И совершенно непонятно, что хуже.

— Не терпится занять моё место? — То ли спросил, то ли просто сказал шериф. — Нет, сэр, я просто... — Я тебя понимаю, сынок. Сам ждал, когда мой старик уступит мне место. И когда это случилось, я оказался не готов. — Я не это хотел сказать, чиф. — Хью жмурился и поправлял сползавшие с носа очки. — В какой-то мере, это даже правильно. — Шериф разомлел на солнце, и снова принялся мять в руке пачку сигарет. — Надо иногда уступать дорогу молодым. — Наверное, сэр. — Неуверенно сказал Хью, вытирая рукавом пот с затылка. — Хватит лебезить, Хью! У тебя хоть на что-то есть своё мнение? — Спросил шериф. — Да. — Всё так же неуверенно ответил он. — Ладно, давай завязывать с этим. Завтра вступаешь в должность. Да, и не забудь, что к тебе придет новенький. — Лэнг? — Да. Он славный малый. Но, слишком добродушный. Как и ты, впрочем. Святая Дева Мария, куда катится этот мир? — Скоро преступников будут шлепать по заднице и оставлять без вечернего молока с печеньем. Чтобы не ущемлять ничьих прав. А копам перестанут выдавать пистолеты. Что же будет дальше... — Не знаю. — Ответил Хью. — К черту. — Пачка сигарет приняла вид совсем уж непотребный, и Майлз отправил её в урну. — Запрыгивай в машину, Хью. Выпьем пива. Думаю, мы это заслужили.

Джейкоб Миллз долго жевал карандаш у себя в кабинете. И в который раз уже читал историю болезни Салли Корнроя. Скорее, чтобы не пропустить никакой мелочи, потому, что он вёл мальчика с самого первого дня поступления в приют для душевнобольных. Сегодня у мальчика опять начались регрессивные воспоминания.

Когда карандаш совсем потерял приглядный внешний вид, Джейкоб попросил сестру вызвать ему пациента номер 17. Вернее, вызвал он его сегодня впервые. На утреннюю встречу мальчик пришел сам.

Джейкоб долго сверлил его взглядом и попеременно протирал от пота то очки, то плешь на макушке. Он шумно выдохнул и начал.

— Салли. Давай ещё раз. — Тон доктора был мягким и каким-то нерешительным. — Меня зовут не Салли. — Парень казался обиженным. В глазах читалось непонимание, как можно было забыть очевидное. — Хорошо. — Доктор сдался. — Вэйд, правильно? — Да, сэр. — Вэйд кивнул. — Итак, Вэйд, ты снова просишь отпустить тебя домой? — Да. — И почему же? — Потому, что того мальчика, Салли, здесь уже нет. А я оказался в его теле. — Давай ещё раз, Вэйд. Как так получилось, что ты оказался в теле другого человека? — Вы хотите поймать меня на вранье? — Спросил Вэйд. — Нет, что ты! — Воскликнул Джейкоб и рассмеялся. — Просто хочу услышать ещё раз. — В это сложно поверить, мистер. — Выдохнул мальчик. — Я попробую, о'кей. — Джейкоб выдавил из себя слабую улыбку. — Ну, это началось почти неделю назад...

Мальчик рассказывал историю по второму разу, а Джейкоб снова взялся за карандаш. Он вложил в папку с историей болезни чистый лист бумаги, и начал быстро записывать:

«2 июля 2019 года. У пациента номер 17 снова галлюцинации. Больной уверен, что вчера, вследствие действий непреодолимых сверхъестественных сил, его личность переместилась в другое физическое тело. Сам пациент считает себя Вэйдом Оуксоном, мальчиком, который семь лет назад попал в один из мексиканских картелей. По его словам,

несколько дней назад он сбежал из плена. Когда он пришел сюда, в Вайптаун, он наткнулся на некоего Лекса Ларкина и двух его помощников. Потом сбежал от них и прятался в полицейском участке, откуда его забрал некий человек без лица. Он отправил его в место, которое называется «изнанка», за настоящим Салли. В этом мире человек менял их телами, вследствие чего Вэйд считает, что заперт в чужом теле.

Запрос в полицейский участок по поводу Лекса Ларкина дал весьма необычный результат. В самом Вайптауне тот не живет, однако является жителем города Альбукерке, что предполагает некую связь с вымышленной историей родного города пациента. При личной телефонной беседе с гражданином Ларкиным удалось узнать, что тот действительно вчера был проездом в Вайптауне. Занимаясь вопросами логистики компании «Дэсалт», он направлялся на соляной завод на юге нашего города. По дороге у него остановился двигатель авто, в следствие чего он вызвал эвакуатор из местной автомастерской. Его авто транспортировали в Вайптаун, и ремонтом двигателя занимались сотрудники Мартин Дьюм и Джори Уолберт. Удивительным кажется факт, что имена слесарей совпадают с рассказом пациента.

Можно предположить, что пациент мог помнить имена слесарей из того периода, когда ещё жил с матерью, и часто заезжал с ней на станцию техобслуживания на их старом авто. Но, факт в том, что данные работники устроились всего лишь два года назад.

Подытожив, можно сказать, что логичное предположение о том, что никто из вышеперечисленных личностей не наблюдал странного мальчика, подтвердилось при телефонных переговорах...»

— Ну, так, что, сэр? — Мальчишка так и сидел в кабинете, выжидающим взглядом буравя доктора. — Вы отпустите меня? — Давай так, Вэйд. Завтра мы сделаем ещё пару анализов, а потом посмотрим, о'кей? — Джейкоб в очередной раз убедился, что мальчик действительно верит в свою историю. — Вы не верите мне. — Вэйд встал со стула и навис над столом с документами. — Конечно верю, Вэйд. И всегда верил. А теперь успокойся. Обещаю, совсем скоро ты покинешь это место и отправишься домой. Просто сейчас ты несколько взволнован. Давай обсудим это... завтра.

Когда сестра увела поникшего мальчика в палату, Джейкоб вернулся к записям.

«Пациенту назначены успокоительные препараты, равно как и при первом поступлении в лечебницу. Текущее состояние приравнивается к состоянию на момент первичного поступления. Шизофреническое состояние, подавленное до недавнего времени, вновь вернулось в исходную точку. Пациент упорно верит в свою историю, отказываясь принимать реальность. Назначить усиленную психотерапию и удвоить прием лекарств.»

ПОСЛЕ.
2 июля 2019 года.

Вайптаун штат Нью-Мехико.

До «пустынного жука» они дошли пешком. Скотт истекал потом, и ему ужасно хотелось пить. Мальчик понуро плёлся за ним следом. Он молчал. Если бы Скотт заглянул к нему в голову, то увидел бы невообразимую кашу из воспоминаний о прошлых жизнях и недавних событиях. Страж бы сказал ему, что стоит выспаться — и всё придет в норму. Но, не сказал. Потому, что его не было с ними. Когда мальчик пришел в себя, рядом был только Скотт.

— Даже не попрощался. — Сказал Скотт Салли, когда тащил оторванную и искорёженную дверь. Мальчик молчал. Скотт стащил с себя бронежилет с разгрузкой, и закинул на заднее сиденье вместе с дверью. — Блин, Чохас меня укокошит за тачку.

Скотт перестал ждать от мальчика какого-либо ответа. Ему это было необязательно. Он говорил просто, чтобы развеять гнетущую тишину.

Машина, на удивление, завелась. Двигатель зарычал, а из колонок снова зазвучала музыка. Мальчик на соседнем сидении вздрогнул от неожиданности. Скотт убавил громкость, и переключил на радио. Радио заработало. Двое ди-джеев на радио Альбукерке обсуждали прошедшую песчаную бурю. После этого они озвучили короткие, но тревожные догадки о том, почему военные скрывают пропажу нескольких сотен человек из Форта Лас-Крусес, и что губернатор штата сегодня лично выяснит всё. Скотт с кислой миной выключил это пустое словоблудие, и остаток дороги они проделали в тишине.

У бара их уже ждали. Алекс сидела в кресле на веранде и курила. Мэйси пила четвертую по счету чашку сладкого черного кофе. Скотт остановил машину возле крыльца и вышел.

— Где Рик? — Мэйси, опрокинув чашку, бросилась к машине. — Он... — Рик замялся, не зная что сказать девушке. — Он не вернулся. — Сказал он потупив взор.

Мэйси замерла. А потом начала плакать. Она не всхлипывала, не кричала. Просто слёзы катились из покрасневших глаз. В почти детском лице явственно читалась обида. Скотт поднял глаза и встретил обжигающий укол ревности. Не к нему, нет. К другой девушке. К Алекс. В какой-то момент ему даже стало стыдно, что он вернулся живой из этого ада. И бесконечно жаль Мэйси, которая потеряла второго близкого человека за два дня. Он не заметил, как Алекс подошла к нему. И вlepила пощёчину.

— Ты, хренов мудака! Я же просила тебя не ехать туда! — В её глазах тоже стояли слёзы. — Я тоже очень рад тебя видеть, лейтенант. — Скотт обнял её и прошептал на ухо: — Мы справились, детка. — Я поняла это по тому, что заработал сотовый. — Алекс достала из кармана телефон и машинально посмотрела на него. — А где мальчик? — Спросила она. — Спит. — Сказал Скотт. — Уснул, пока мы ехали обратно. — А тот парень? Страж? — Не знаю. — Ответил Скотт. — Но, оно и к лучшему. От него сплошные неприятности.

Они ещё долго стояли под солнцем. Алекс, как могла, крепко вцепилась в Скотта, а он просто не хотел её отпускать. Мэйси ушла плакать на веранду, откуда периодически доносились её всхлипы.

Вдалеке нарастал гул. Скотт не сразу понял, что это такое. И лишь когда пара полицейских «вертушек» пролетела над ними, Скотт спросил у Алекс:

— Это ты их вызвала? — Это Джовита. — Ответила она. — Вот уж никогда бы не подумал. — Сказал Скотт. Где-то, в паре миль от них завывала сирена.

Восемь часов спустя...

— И куда теперь? — Скотт вышел на залитое солнцем крыльцо теперь уже бывшего полицейского участка. Везде, куда бы ни упал его взгляд, работали полицейские. Одиноко светилась мигалка кареты «скорой». — Не знаю. — Неуверенно ответила Алекс. Она вышла

из полицейского участка чуть больше пяти минут назад. Её выпустили первой. За ней — Скотта. — Что ты им рассказал? — Спросила она. — То же, что и ты. — Он достал из кармана сигареты, и закурил. — Что, когда началась вся эта заваруха, я свалил к Чохасу, и просидел там почти два дня. По дороге ко мне присоединилась ты, а когда заработал мобильник, ты вызвала копов. — Главное, чтобы Мэйси или Салли не проболтались. — Сказала Алекс. Она наблюдала, как грузили очередную партию тел. — Господи, сколько здесь жило народа? — Спросила она. — Это так важно? — Спросил Скотт в ответ. Алекс молчала. — Они не проболтаются. — Добавил он. — Парень толком вообще ничего не помнит, а Мэйси, если и скажет чего, ей не поверят. — Почему? — Спросила Алекс. — У нее аутизм. Какая-то лёгкая форма. — Аспергер, что-ли? — Алекс увидела, как двое копов поднесли к «карете» очередной черный мешок. Они расстегнули молнию. Внутри была голая девушка. Её шея была вывернута под неестественным углом. Алекс брезгливо отвернулась, чтобы не видеть этого больше. — Вроде того. — Сказал Скотт задумчиво. — Но, это не значит, что она сумасшедшая. — Возразила Алекс. — Нет. — Ответил Скотт. — Она просто немного «того». Но, в целом, она хорошая. Чохас обещал присмотреть за ней, кстати. — Славно. — Сказала Алекс и замолчала.

Скотт аккуратно, словно боясь спугнуть её, обнял Алекс. Она не отстранилась от него, а наоборот — положила голову ему на плечо.

— Интересно, что они скажут по ящику? — Спросил Скотт, оглядываясь вокруг.

— Наверное, придумают что-нибудь. Сам знаешь. Тебе разве не всё равно? — Спросил она.

— Нет, просто я должен быть готов к тому, чтобы в один прекрасный день ко мне придут странные ребята с дурацкими прическами и полными карманами гаджетов, и начнут выпытывать, что же тут произошло на самом деле.

— Ты думаешь? — Спросила Алекс.

— Так и будет. — Ответил Скотт. — Я ведь мир спас, как-никак.

— Как Супермен просто. Спасает мир, но никому не можешь открыть правду. — Алекс улыбнулась.

— Эй! — Воскликнул Скотт. — Ты улыбаешься! — Нет. — Засмеялась она. — Смотрите-ка. Наша мисс Вселенская Грусть впервые улыбнулась мне! — Вовсе нет. — Алекс толкнула его в бок. — Я повторюсь. — Сказал Скотт, продолжая улыбаться. — Что дальше? — Ну, — Начала Алекс. — Моих родителей сегодня нет дома, так что... — Скотт громко засмеялся.

— Ты меня приглашаешь на свидание?

— Ты что, нет конечно! — Алекс сделала обиженное и удивленное лицо. — А если серьезно — Продолжила она — Кажется, я обещала тебе выпивку, если мы останемся в живых.

Больше книг на сайте - Knigoed.net